

Борис Алексин

НЕОБЫКНОВЕННАЯ
ЖИЗНЬ
ОБЫКНОВЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА

V

ТОМ 2
1943–1945

Борис Яковлевич Алексин
Необыкновенная
жизнь обыкновенного
человека. Книга 5. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70431220

SelfPub; 2024

Аннотация

Заключительная часть романа. Госпиталь в соответствии с приказами передислоцируется вслед за действующими частями. Советские люди, оказавшись в Западной Европе в самом конце Великой Отечественной войны и соприкоснувшись с иными условиями, бытом, комфортом, ассортиментом магазинов, устами одного ординарца задаются неизбежным вопросом в сторону врага: «И чего им не хватало?» Главный герой и все, кто его окружает, наконец встречают долгожданную Победу. Но возвращение домой состоялось лишь в декабре 1945 года. Этому предшествовала служба на территории Польши и Германии, а затем долгая процедура расформирования фронтового госпиталя. Прощаясь с читателем, автор в эпилоге кратко описывает события жизни своих героев до середины 1980-х годов.

Борис Алексин

Необыкновенная жизнь обыкновенного человека. Книга 5. Том 2

Часть вторая

Глава первая

Лето 1943 года выдалось хорошим. Погода стояла устойчивая, и на Северном Кавказе, где всё всегда растёт быстро, на огородах стали собирать обильный урожай овощей.

Почти сразу после ухода немцев вернувшиеся из партизанского отряда председатель сельсовета и председатель колхоза попытались посеять кукурузу, используя на семена уцелевшее зерно, хранившееся в сапетках (так назывались особые плетёные закрома на Крахмальном заводе).

При отступлении Красной армии сапёры, взрывавшие основную корпус завода, складов кукурузы почему-то не тронули. Впоследствии говорили, что уничтожению воспрепятствовал главный инженер Которов, по-видимому, намерев-

вавшийся преподнести это зерно в подарок фашистам и тем завоевать их доверие. Мы знаем, что Которов, выбежав во двор навстречу входящим ээсовцам, не успел сказать и слова. В доносах шпиона Сахарова главный инженер описывался как активный коммунист, поэтому он был застрелен без какого-либо допроса или следствия.

Фашистские войска не сумели никуда вывезти эти запасы кукурузы, не успели и испортить их перед своим стремительным отступлением, фактически бегством. Некоторая часть пошла на семена, остальное решили сберечь как сырьё для восстановления завода. Получив помощь из Орджоникидзе (Северная Осетия), колхоз смог посеять небольшое количество ячменя и пшеницы. Одним словом, через полгода после изгнания вражеских полчищ станица уже жила полноценной жизнью. Оживал и Крахмальный завод: открылись два цеха – вареньеварочный и спиртовой. Использовали плоды и ягоды, собранные в садах и на посадках бывшего подсобного хозяйства завода, частично уцелевшие и давшие хороший урожай, часть ягод закупали и у населения. Из остатков крахмала делали патоку и гнали спирт.

Как-то так получилось, что Катя Алёшкина, или, как теперь её все уважительно называли, Екатерина Петровна, одновременно с выполнением обязанностей секретаря директора и начальника отдела кадров стала ответственной ещё за одно дело. На общем собрании рабочие завода потребовали, чтобы получение хлебных продуктов, а затем и их распре-

деление по карточкам (с лета 1943 года появились хлебные карточки), также, как и раздача самих карточек, было возложено на Алёшкину. Некоторые рабочие во всеуслышание заявили, что честнее и добросовестнее Катерины в их коллективе нет. Вот и пришлось ей заняться, как и перед оккупацией, этой нелёгкой и хлопотливой работой.

Мы уже описывали, как трудно было с продовольствием до прихода немцев. Теперь, после страшной разрухи, произведённой оккупантами в районе, обеспечение продуктами ещё более осложнилось. Бедной женщине приходилось по нескольку раз в месяц пешком наведываться в Майское (18 километров) за получением карточек, нарядов на продовольствие, а затем и самими продуктами. Причём часто бывало так, что наряды на зерно выдавались в Майском, само зерно – в каком-нибудь колхозе, километров за десять в стороне, а молотить его нужно было на мельнице за станицей, и, наконец, возвращаться с мукой в Александровку, где уже вокруг будочки, сколоченной около проходной, толпились работницы и жёны рабочих. Мука выдавалась раз в месяц, но часто на оформление всех документов и раздачу у Алёшкиной уходило несколько дней подряд. Ведь надо помнить, что все путешествия Екатерина Петровна проделывала пешком, и только для перевозки зерна на мельницу и муки в Александровку ей удавалось выпросить подводу. Конечно, ни о каких грузчиках не могло быть и речи, и приходилось этой худенькой женщине таскать на своей спине огромные мешки. Вряд ли

какая другая женщина сумела бы справиться с этой, скажем прямо, непосильной работой. И только то, что Катя с раннего детства в своём домашнем хозяйстве часто заменяла парня, беря на себя мужскую работу, помогало ей выполнять свои общественные обязанности.

Но очень скоро общественные дела превратились уже в служебные. Новый директор завода, сперва с недоверием встретивший требование рабочих о назначении Алёшкиной снабженцем, скоро увидел, что молодая женщина действительно очень добросовестно выполняет своё дело. Даже при крайне скудном обеспечении рабочих продовольствием недовольства с их стороны не было.

Катя Алёшкина и вправду привыкла любому труду отдаваться целиком, не щадить своих сил. Естественно, что при такой огромной загрузке на работе заботиться о детях в той мере, как ей бы хотелось, она не могла. Удавалось только выкраивать время в краткие часы отдыха, главным образом ночью, для ремонта их старенькой одежонки или приготовления незатейливой пищи. Основные заботы достались на долю старшей дочери Элы. Та безропотно выполняла роль хозяйки дома – стряпала, стирала, обмывала и кормила младших. Особенно трудно приходилось семье с весны 1944 года. Зоя, эвакуированная ленинградская девушка, которую Алёшкины приютили и которая в своё время оказывала сильную помощь в ведении домашнего хозяйства, после снятия блокады уехала домой, и теперь приходилось рассчиты-

вать только на свои силы. А ведь нужно было ещё и о школе думать: Эла училась в седьмом классе, Нина – в первом. Шестилетняя Майя, пока старшие сёстры находились в школе, была полностью предоставлена самой себе, а точнее, улице. Она быстро подружилась с ребятами и девочками своего возраста и, не имея никакого присмотра, заботилась о себе сама. Это способствовало не только её ранней самостоятельности, смелости, но и хорошему физическому развитию. Майе ничего не стоило справиться и с девчонкой, и с мальчишкой, даже старшими по возрасту.

Весной 1944 года с Екатериной Алёшкиной произошло несчастье. После одного из своих дальних путешествий она простудилась и заболела воспалением лёгких. Произошло это так: после погрузки на мельнице полутора десятков мешков зерна, она, устав, прилегла на землю и, конечно, простыла. Почти неделю, несмотря на болезнь, Катерина продолжала работать, и только когда её в состоянии глубокого обморока подняли около ларька, отвезли домой, а врач поставила диагноз – пневмония, Катя согласилась на постельный режим. Нужно сказать, что в это время большую материальную поддержку и помощь по уходу за ней и детьми совершенно безвозмездно оказала её подруга Дуся Прянина, а также соседи Котовы, рабочие завода.

Так или иначе, вылежала Катя менее десяти дней и, вопреки возражениям врача, вновь приступила к выполнению своих нелёгких обязанностей. А обязанности всё расширя-

лись: кроме муки, в её ларьке стала появляться соль, кое-какие другие продукты и даже промтовары. Помимо этого, директор завода решил использовать ларёк и для реализации своей продукции: там стало продаваться повидло, вино и спирт.

Всё это увеличивало объём работы и ответственность, Катя превратилась в продавца полноценного магазина. Если мы вспомним её предыдущую жизнь, то убедимся, что никогда раньше ей не приходилось заниматься торговлей, и теперь, впервые соприкоснувшись с розничной продажей товаров населению, она столкнулась с неприятностями и трудностями.

Несмотря на очень тяжёлое положение, в котором она находилась, после установления более или менее регулярной письменной связи с Борисом Катя не рассказывала ему ни о чём плохом, не жаловалась, а продолжала писать, что у них всё благополучно, все здоровы, ни в чём особенно не нуждаются, и лишь беспокоилась о его здоровье. Какой мужественной и храброй была эта женщина!

Приближалась осень 1944 года. Жизнь в Александровке во всех отношениях входила в обычную колею, также обстояло дело и в семействе Алёшкиных. Но осень и будущая зима требовали от Кати новых забот, ведь с этого года все трое

детей становились школьниками. Девочки выросли из своих одежонок, да и изнасили их. Нужно было думать о том, как и во что их одеть. Встал и второй вопрос: чем отапливаться зимой.

До войны топливом Алёшкиных снабжали завод и больница. Во время боёв, шедших вокруг станицы, а затем и в период оккупации, об отоплении как-то и не думали – жгли, что попадало под руку: плетни собственных огородов, заборы, разваленные сараюшки. Теперь всё это восстанавливалось вновь, а дров взять было неоткуда. Просьбу Алёшкиной о помощи в этом вопросе завод оставил без внимания. Обращаться в больницу было бесполезно, там и сами-то не знали, чем будут топить.

После того, как Эла услышала сетования матери на эту тему, она сказала:

– Мама, а почему бы не набрать валежника на том берегу Терека? Там его много. Я, когда купалась и переплывала на ту сторону, видела, собрать быстро можно будет.

– Что ты, дочка! Как его переправишь? Моста-то ещё через реку нет. Это пустая затея.

Пятнадцатилетняя Эла к этому времени как-то незаметно превратилась из нескладного, долгоногого подростка в стройную, хорошо развитую девушку. Конечно, излишняя хужоба от постоянного недоедания да утомлённый вид от большой домашней работы, выпадавшей на её долю, немного портили Элу, но, тем не менее, одноклассники и другие

парни в станице уже поглядывали в её сторону.

Достаточно самостоятельная девушка после разговора с матерью решила поступить по-своему. Хотя подходил к концу сентябрь, в Александровке стояла ясная и тёплая погода, да и вода в Тереке, по мнению Элы, была ещё не очень холодной. Она решилась.

В один из дней, когда мамы не было дома, отважная девушка переплыла на противоположный берег, набрала внушительную вязанку хвороста и валежника, связала её взятой из дома верёвкой и поплыла с ней обратно. Дело оказалось непростым: бурное, быстрое течение горной реки вырывало из рук Элы вязанку, и, хотя большую часть пути она брела по пояс и грудь, а плыть пришлось лишь полтора-два десятка метров, тем не менее, вытолкнув наконец свою добычу на берег, где её поджидали сестрёнки, девушка от усталости повалилась на влажную гальку.

Общими усилиями хворост перетаскали в огород и разложили для просушки за хлевом, позади избы. В этот день Эла смогла сделать ещё два рейса. Имея опыт, она уже не набирала больших вязанок; пока шла по дну, несла вязанку на плече, а когда плыла, старалась держать её на голове. Таким образом хворост не намокал, и течение вязанку не тянуло. Эту, прямо скажем, непосильную для юной девушки работу Эла выполняла в течение недели и сумела заготовить порядочно хвороста. На то, что было ею сделано, пожалуй, решился бы не каждый мужчина. Катерина, узнав о героическом поступ-

ке старшей дочери, хотя и побранила её за легкомыслие, однако в душе гордилась ей.

В вопросе отопления помог и сосед Котов, привезя арбу ободранных кукурузных початков. Как бы там ни было, но теперь зиму можно было встречать без боязни замёрзнуть, а основания для этого имелись. Мы ещё не описывали, что представляла собой та хата, в которой теперь жили Алёшкины.

Это была маленькая саманная хатёнка, состоявшая из двух половинок. Первая, с земляными полами, площадью около девяти квадратных метров, имела довольно большую печку-плиту, дымоход которой, проходя в стенке, отделявшей одну половину от другой, обогревал обе. В этой комнате-кухне было окно, около которого стоял небольшой, грубо сколоченный стол и три табуретки. У стены находилась небольшая лавка, на ней часто спала Майя. Дверь в противоположной от оконца, выходявшего в огород, стене вела прямо на улицу. Над дверью крепился небольшой навес, настоящих сеней не было.

Вторая половина дома имела полы. В её стенах было три окна: два выходили на улицу, а одно во двор. У внутренней стены стояла старая расширенная железная кровать, вывезенная из старого дома, несколько венских стульев и узенькая кроватка под углом к большой. Здесь спали все члены семьи. Посредине этой комнаты стоял квадратный стол, принадлежавший прежним владельцам дома. За ним ужинали,

когда вся семья собиралась вместе (чаще ели на кухне), а по вечерам дети делали уроки.

Электрического освещения в доме не было, и девочки для своих занятий пользовались маленькой лампой-коптилкой, при её же свете шила по ночам и Катя.

Почти вплотную к дому со стороны огорода был пристроен небольшой саманный хлев, крытый кукурузной соломой. В нём похрюкивала довольно большая свинья – главное материальное богатство семьи и её надежда на покрытие будущих расходов по экипировке девочек.

С этой свиньёй произошла такая история. После получения от Бориса первой значительной суммы денег в 1941 году, Катя сразу же приобрела хорошую свинку. В конце 1942 года она опоросилась, и ко времени прихода немцев по двору бродило несколько маленьких розовых поросят. Отступавшие части Красной армии ненадолго задержались в Александровке, разместившись постоем по домам. Командиры подразделений, жившие несколько дней у Алёшкиных, убедили Катю зарезать свинью, чтобы она не досталась немцам. Часть туши Катя отдала красноармейцам, оставшееся мясо и сало отнесла к Матрёне Васильевне в роддом. Его спрятали в погребе, и во время оккупации эти продукты оказали некоторое подспорье и семье Кати, и старушке-акушерке. Поросят решено было не трогать.

Первыми в станицу пришли румыны. Они, хотя и грабили население, но не с такой беспощадностью, как это делали

немцы. Живя у Алёшкиных, поросят своей хозяйки они не тронули, несмотря на то, что она, устроившись на работу в роддом, бросая детей и хозяйство на произвол судьбы, поросят выпускала во двор, чтобы они сами искали себе пропитание.

Сменившие румын немцы гонялись за визжавшими поросятами по всему двору, ловили их, стреляли. Четверых съели, а одного, самого юркого и, по-видимому, самого хитрого, так и не нашли. Когда фашистов не стало, Катя, к своей великой радости, нашла в огороде между грядок чуть живого поросёнка. Она принесла его в дом, отогрела, накормила и, конечно, при переезде в новое жилище взяла с собой. Теперь, в 1944 году это был уже большой кабанчик, и Катя надеялась докормить его до нового года, чтобы, продав сало и мясо, обеспечить тёплой одеждой детей и себя. До сих пор она сама-то ходила в старом мужнином кожаном пальто, который от ветхости расползлся по всем швам. О том, как были одеты её дети, даже и говорить не стоит. Таким образом этот кабанчик был единственной надеждой семьи Алёшкиных. Но произошло несчастье, которое нарушило все Катини планы.

Мы уже упоминали, что постепенно она стала настоящим торговым работником, освобождённым от общественной нагрузки и остальных обязанностей. Катерину стали величать заведующей заводским торговым ларьком. Читатель помнит, что, кроме хлопотливого добывания и раздачи по карточкам муки, соли, растительного масла и некоторых других, полу-

чаемых в Майском райпотребсоюзе, товаров, по настоянию директора она занималась и реализацией части продукции завода, главным образом спирта и повидла.

Кстати сказать, уже в конце 1945 года выяснилось, что деньги, выручаемые Катей за эти товары и передаваемые главному бухгалтеру, не приходовались совсем или частично, а делились среди руководителей. Но в то время, о котором идёт речь, никто об этом не знал.

Однажды во время уборки в ларьке из рук Кати выскользнула пятикилограммовая гиря и, покотившись по полу, стукнулась о 25-литровую бутыль. Из большой дыры на пол хлынуло вино. Катя от ужаса вскрикнула и, как бы окаменев, несколько мгновений не могла двинуться с места. Когда она сообразила перевернуть бутыль на бок, большая часть вина уже вытекла. На крик Кати в ларёк вбежала находившаяся поблизости вахтёрша. Увидев огромную лужу вина и Катю, сидевшую на корточках около перевёрнутой набок бутылки, она не стала терять времени на расспросы, а, схватив стоявшее около двери ведро, принялась пригоршнями собирать с пола разлитое вино и сливать его в ведро.

Через полчаса всё, что можно было спасти, процедили через марлю и слили в другую бутыль. Потери оказались ощутимыми, не хватало более десяти литров вина. По тем временам это стоило очень много, и Кате ничего не оставалось делать, как зарезать своего кабанчика, продать мясо на базаре и этим покрыть недостачу. На оставшиеся деньги купили

приличное платье для Элы. Остальные, в том числе и сама Катя, продолжали носить свою старую ветхую одежду.

Пришёл октябрь 1944 года, началась учёба в школе. Теперь все три дочери Алёшкиных стали школьницами. Эла училась в восьмом классе, Нина в третьем, Майя в первом. Их маме стало немного спокойнее и легче. У старшей дочки занятия были во вторую смену, и поэтому она могла успеть кое-что приготовить из еды. Младшие вечерами сидели дома, и Майя, раньше оставляемая на произвол судьбы, теперь была не одна.

Письма от Бориса приходили редко, хотя теперь уже и регулярно. «Наверно, он находится где-нибудь на спокойном участке фронта», – думала Катя. Волновало и раздражало её то, что несмотря на ласковые слова в его письмах, внутренний дух их был каким-то чужим. Всем сердцем любящей женщины она чувствовала, что, если Борька и не забыл её совсем (она была уверена, что он этого сделать не сможет), то сейчас он не один, около него есть какая-то другая женщина. От этих раздумий ей становилось обидно, и невольно Катинины письма мужу оказывались более сухими и сдержанными. Она и раньше не могла бурно и ярко проявлять свои чувства к Борису, а под влиянием этих мыслей написанные ею тексты становились ещё бесстрастнее и прозаичнее. Жизнь её и детей, требовавших непрерывных забот, приносила свои радости и огорчения. Последних, впрочем, было гораздо больше, но об этом из её писем Борис узнать не мог.

Мы уже рассказывали, что ещё в Краснодаре вся семья Алёшкиных переболела малярией. В предвоенные годы малярия свирепствовала на Кубани, в Краснодаре и по всему Северному Кавказу, а настоящих мер борьбы с этим заболеванием применять ещё не умели, да и материальных ресурсов не хватало. Тяжелее всех перенесли малярию Майя и Нина, и если взрослые к 1940 году практически были здоровы, то малыши стали страдать хронической формой (которую большинство медиков отвергает, но она всё-таки есть). По приезду в Александровку, где это заболевание оказалось одним из самых распространённых, у Майи и Нины вновь начались приступы болезни. Особенно ухудшилось их состояние после перенесённых волнений в период боёв, проходивших за станицу, и немецкой оккупации. Детишкам пришлось испытать длительное пребывание в сырых земляных щелях, прячась от осколков бомб и снарядов, пролетавших над станицей и взрывающихся на её улицах. Сказалось и постоянное недоедание, а при немцах и почти полное голодание.

Майя ещё как-то справлялась с болезнью, а Нина, имея более слабое здоровье, ведь в младенчестве она перенесла несколько раз воспаление лёгких, от приступов малярии не могла избавиться очень долго. По возрасту осенью 1942 года ей предстояло идти в первый класс, но школа в это время не

функционировала. Конечно, не начались в ней занятия и во время фашистской оккупации. Но зато после освобождения станицы вернувшиеся учителя решили немедленно приступить к обучению ребят. Основную часть школы разместили в одном из самых больших домов станицы – доме Алёшкиных. В полуразрушенном-полусгоревшем здании школы удалось приспособить для занятий только две комнаты, в них в две смены занимались пятый, шестой и седьмой классы. Остальные четыре класса учились непосредственно в квартире Алёшкиных. Конечно, выбросить их на улицу сельсовет не мог, но пока подыскивалось другое жильё, пока Катя при помощи друзей и соседа Котова приводила новый дом в относительный порядок, семья её вынуждена была ютиться в крохотной комнатке-веранде. Остальная часть квартиры была занята под классы.

С одной стороны, такое соседство казалось даже удобным. Во-первых, пятилетняя Майя, находясь в том же дворе, где бегали школьники, не убегала куда-нибудь на речку, а находилась как бы под присмотром. А во-вторых, и Нине, начавшей учиться в первом классе, не нужно было куда-то ходить, её класс был за стенкой. Это оказалось тем более удобным, что из-за приступов малярии она часто пропускала уроки, но могла, не вставая с постели, слышать объяснения учителя, читать то, что читали её товарищи по классу в одно время с ними, и, даже лёжа в кровати, кое-что писать карандашом.

Кстати, об этой писанине. Перед приходом оккупантов,

точнее с началом боёв за Александровку, Катя все медицинские книги мужа, всю политическую литературу и почти все фотографии уложила в мешок, завернула в клеёнку, снятую со стола, и зарыла в огороде. Так делали многие, пряча главным образом дорогую одежду и другие ценные вещи. В семье Алёшкиных ничего ценного из одежды или каких-либо других предметов не было, Катя решила спрятать книги.

Само собой разумеется, что, как только оккупанты были изгнаны, она откопала своё «богатство», и всё было вытащено наружу. После нескольких месяцев в сырой земле, к счастью, следов порчи почти не оказалось. Папины книги и фотографии лежали стопкой в углу комнатёнки, и предприимчивые девочки решили их использовать.

Занятия в школе уже начались, а учебных пособий не было. Учителям удалось спасти лишь часть учебников, разобрав их по квартирам. Сохранился крошечный запас тетрадей, но в основном для письма все учащиеся, и тем более ученики первых классов, использовали бумагу, имевшуюся дома. Пошли в ход использованные тетрадки старших братьев и сестёр, газеты и книги. Во всех этих бумажных изделиях дети писали на чистых листах, полях, пустых строчках, а иногда и прямо по ним. Так начала свою учёбу и Нина Алёшкина.

Надо сказать, что несмотря на все эти трудности, она училась на четвёрки и пятёрки, отличалась хорошей памятью, сообразительностью, аккуратностью и прилежанием. К нача-

ду 1944/1945 учебного года Нина, ученица третьего класса, считалась одной из лучших. Не на плохом счету была и восьмиклассница Эла. Ей время от времени приходилось заменять хозяйку дома, так как мама часто бывала в отъезде.

Мы уже упоминали, что Екатерина Петровна имела ещё довоенную связь с райотделом НКВД как работник спецотдела, и с её помощью был разоблачён не один преступник. После освобождения Александровки, Майского, Нальчика, других городов и посёлков Северного Кавказа взаимодействие её с органами НКВД не уменьшилось, а, пожалуй, даже укрепилось, хотя она уже и не работала в спецотделе.

Зная почти всех жителей станицы, так или иначе сотрудничавших с немцами и убежавших с приближением частей Красной армии, Алёшкина могла оказать большую помощь с выявлением тех, которые, не сумев скрыться далеко, брошенные своими «хозяевами», возвращались обратно, прятались в горах или у дальних родственников и добывали себе средства к существованию откровенным разбоем и грабежом. Кате Алёшкиной поручали узнать о местонахождении этих бандитов, для чего ей иногда приходилось покидать станицу. Вся забота о младших девочках тогда ложилась на Элу. И хотя теперь семья Алёшкиных жила уже в «собственном» доме, имела кое-какое хозяйство и даже небольшие запасы самых необходимых продуктов, хлопот с младшими сестрёнками у Элы было немало. Особенно доставалось ей от младшей, Майи.

Всё своё раннее детство, в силу сложившихся обстоятельств, Майя была предоставлена самой себе. Поэтому до семи лет она росла как молодой свободолюбивый зверёк. С одной стороны, уличное воспитание было и благотворным: она выросла бойкой и сильной для своего возраста девчонкой, не боявшейся вступить в драку с любым мальчишкой, и могла даже выйти победителем. Её не пугали собаки, коровы и любые другие животные. В семь лет ей не служили препятствием плетни, заборы, деревья и даже такие речки, как Лезгинка. Но, с другой стороны, это «воспитание» приносило и немало трудностей: она не признавала ни дисциплины, ни авторитетов, тем более авторитета старшей сестры. Конечно, с таким характером ей пришлось очень трудно в школе с первых же дней.

К тому времени, то есть осенью 1944 года, в школе имелись уже и учебники, и необходимые тетради, а родители шили детям холщовые сумки или добывали дерматиновые портфели. У Майи имелась сумка, доставшаяся ей по наследству от Нины, которая уже носила дерматиновый потрёпанный портфель, приобретённый Екатериной Петровной где-то по случаю на Майском базаре.

Кажется, недели через две после начала занятий в школе во время урока Майя собрала в свою сумку все учебники и тетради, встала из-за парты и направилась к двери. Учительница заметила это:

– Ты, Майя, куда?

– На двор, там меня мальчишки ждут, вон, в окно кричат.

– Так ведь занятия ещё не кончились!

– А мне уже надоело, – невозмутимо ответила взбалмошная девчонка и продолжала идти к выходу.

– Сядь сейчас же на место! Вот я твоей маме скажу, глупая девчонка, – вспылила учительница.

Это только подлило масла в огонь.

– Не сяду, сама ты глупая, – и Майя уже бегом бросилась к двери.

Догнавшей и схватившей её учительнице она, злобно сверкнув глазёнками, крикнула:

– Пусти, а то укушу! – и, вырвавшись, убежала из класса.

Майя была заводилой большинства классных шалостей, и её матери нередко приходилось выслушивать от учителей жалобы на поведение младшей дочери.

Для иллюстрации расскажем ещё об одном случае, правда, произошедшем уже в начале 1945 года. Майя, как и Нина, начала учиться раньше положенного возраста. Обе они пошли в школу с семи лет при том, что обязательным возрастом для первого класса считались полные восемь лет. Тем не менее Майя, как и Нина, со школьными занятиями справлялась. Она не была в числе первых учеников, как Нина, но во всяком случае, и не среди отстающих. Если бы у неё было побольше усидчивости и старания, девочка могла бы по своим способностям и отличницей стать. Но вернёмся к случаю, заставившему Алёшкину взять на время Майю из школы.

Младшая сестра Екатерины Петровны, хорошо знакомая нам Вера, в своё время отличалась своенравным характером. Мы помним, что она бросила школу, училась в двух совершенно противоположных по профилю техникумах, но не окончила ни одного из них. С отъездом семьи Алёшкиных с Дальнего Востока, предоставленная в 17 лет самой себе, Вера сменила кучу самых разнообразных профессий, вплоть до артистической деятельности в бродячей цирковой труппе в роли человека-змеи. Путешествуя с цирком по стране, она сошлась с цирковым актёром и очень скоро разочаровалась в нём, как, впрочем, и вообще в цирковой деятельности. Уйдя из цирка, она на скопленные за время работы деньги кое-как добралась до сестры в Краснодаре. Это было ещё в 1935 году. Пробыв у Алёшкиных около трёх месяцев, она по просьбе матери переехала в Ейск, где в семье Сердеевых жила в то время Акулина Григорьевна Калягина. Но Вера и там оставалась недолго: поселилась у старшего брата в посёлке Бор, где и окончила, наконец, среднюю школу. За год до начала войны она вышла замуж за военного моряка и вместе с ним уехала в Севастополь. В конце 1940 года Вера родила дочку Милочку.

Когда в 1941 году началась война, большинство детей, в том числе и её дочку, эвакуировали из Севастополя, который начал подвергаться длительной осаде. Муж Веры с первых дней войны сражался в числе доблестных моряков-краснофлотцев и в одном из боёв погиб. Сама она, окончив кратко-

срочные курсы медицинских сестёр, была направлена на корабль Черноморского флота, где и прослужила до конца войны. В начале 1945 года после ранения ей предоставили отпуск для свидания с дочерью, находившейся в одном из детдомов города Орджоникидзе. В этот же детдом в своё время Екатерина Петровна Алёшкина привозила детей, эвакуированных из Ленинграда.

Разговаривая с одной из воспитательниц, Вера случайно узнала об этом, спросила адрес и решила навестить сестру. От Орджоникидзе до Александровки всего около пятидесяти километров, попутного военного автотранспорта по дорогам Северного Кавказа, в том числе проезжавшего Муртазово и Александровку, двигалось много. Подвезти сержанта-медика, моряка, молодую женщину соглашался любой шофёр, и через три часа после принятого решения Вера уже была в станице.

Она разыскала сестру прямо в ларьке, где та в это время работала. Сёстры, не обращая внимания на окружающих, со слезами радости обнялись, Алёшкина сейчас же закрыла ларёк и повела Веру домой. Дома хозяйничала Эла, она узнала тётю Веру и тоже обрадовалась этой встрече.

Кате не терпелось показать сестре своих младших дочерей, находившихся в то время в школе, тем более что Вера могла побыть в Александровке только до вечера. Сёстры пошли вдвоём в бывшую квартиру Алёшкиных, где теперь находилась школа и учились девочки. Как раз началась пере-

мена, они быстро разыскали Нину, поговорили с ней и отправились на поиски Майи. К своему ужасу, Катя застала следующую картину.

На пороге одной из комнат валялся довольно крупный мальчишка, верхом на нём сидела Майя и, вцепившись ручонками в его рыжие космы, тыкала его носом в пол, что-то сердито крича. Мальчишка, у которого из носа уже текла кровь, отчаянно визжал, а над ними, чуть ли не плача, стояла молоденькая учительница, безуспешно пытавшаяся разнять дерущихся.

Услышав гневный голос матери, Майя оставила свою жертву, поднялась на ноги и, опустив голову, прислонилась к косяку двери. Рассерженная Катя, не слушая жалоб и причитаний перепуганной учительницы, взяла Майю за руку, подняла её валявшуюся сумку с книгами и сердито сказала:

– Пойдём, негодная девчонка, домой! Я с тобой поговорю! Вон тётя Вера приехала, что она о тебе подумает?

Майя, слабо сопротивляясь, поплелась за матерью, но, однако, продолжала сердито хмуриться и бормотать:

– А чё он маленьких обижает? Небось теперь не будет!

Когда эта группа, наконец, вышла за ворота школы, Вера не выдержала и, громко расхохотавшись, заявила:

– Ну, Катя, эта твоя дочка вся в меня! За себя, да и за других тоже, сумеет постоять. Ты уж её ради моего приезда не брани, пожалуйста. А этому рыжему дуралею так и надо, он ведь чуть не на голову выше Майки, а справиться с ней

не сумел!

– Со мной ни один мальчишка в классе справиться не может, – последовал ответ.

Однако случай этот не прошёл безнаказанно. Пострадавший мальчишка оказался сыном одной из учительниц старших классов, та потребовала разбора драки на педсовете, и директор принял решение об исключении Майи Алёшкиной, как недисциплинированной девочки, тем более что она по возрасту ещё могла не ходить в школу.

После долгих просьб и уговоров Екатерины Петровны и вмешательства секретаря партийной ячейки завода, директор школы отменил своё решение, но всё же советовал Алёшкиной дочку из школы забрать и привести в следующем году. К многочисленным заботам Кати прибавилась ещё одна – контроль за поведением Майи. К чести последней надо сказать, что после описанного случая она, хотя и продолжала оставаться бойкой и задиристой девочкой, но таких грубых шалостей больше не повторяла.

Глава вторая

При выдаче продуктов в ларьке почти ежедневно происходили недоразумения. Рабочие завода, и в особенности служащие, жили плохо, с продовольствием у них всегда были перебои, а при покупке продуктов питания на базаре заработной платы могло хватить на два-три дня. Естественно, что недовольство и злобу люди срывали на ни в чём не повинной заведующей ларьком. Обычно придирались без причины, но некоторым удавалось подмечать действительно существовавшие недостатки. Они не были следствием плохой работы Алёшкиной, а являлись результатом общих неполадок в снабжении района, но покупателям казалось, что вся вина лежит на ней.

Правда, большинство рабочих понимало, как велика и трудна её работа. Люди видели, что Екатерина Петровна, иногда совсем больная, неизменно выходит на работу, бредёт пешком в райцентр за карточками или продуктами, поднимает непосильные для женщины тяжести. Они сочувствовали Алёшкиной, и немногие шероховатости или ошибки, допускаемые ею, прощали, не поднимая шума. Но среди служащих нашлось несколько человек склочников и сутяг, а может быть, и завистников, полагавших, что заведующая ларьком на своей «хлебной» работе имеет большие прибыли. Они написали коллективную жалобу, обвиняя её в расхище-

нии хлеба и других продуктов. К их жалобе присоединилось и несколько станичников, хотя и не пользовавшихся ларьком, но имевших на Катерину зуб за то, что их родственники, сотрудничавшие в своё время с оккупантами, были арестованы органами НКВД не без её помощи. И, наконец, администрация завода, поставлявшая в ларёк спирт и получавшая за него деньги непосредственно, боялась, что Алёшкина может их разоблачить и, воспользовавшись случаем, со своей стороны направила в райисполком Майского района донос на неё. Там у Екатерины Петровны тоже имелись недруги, очень уж она непримиримо и дотошно требовала выдачи всего, что полагалось заводским рабочим, и не шла ни на какие уступки или подачки райпотребсоюза и райисполкома. Жалобы сразу попали в районную прокуратуру.

Надо представлять себе, как в то время относились в нашей стране к расхитителям государственного имущества, даже к тем, кто только подозревался в этом или на кого поступал донос. Действовало Постановление от 7 августа 1932 года, по которому за кражу килограмма картофеля с колхозного огорода можно было получить до восьми лет пребывания в лагерях, а Алёшкину обвиняли в присваивании чуть ли не четверти получаемого хлеба.

Будь это кто-нибудь другой – не Екатерина Петровна, которую районный прокурор в Майском, молодая женщина, довольно хорошо знала, вопрос решился бы просто: в Александровку направили бы милиционера, который арестовал

бы Алёшкину. В те годы арестованному доказать невиновность было так же трудно, как и во времена «ежовщины».

К счастью, райпрокурор решила посоветоваться по этому вопросу с начальником райотдела НКВД. Она показала ему поступившие бумаги и высказала сомнения, что эти обвинения обоснованы. Ознакомившись с содержанием заявлений о «хищениях» Алёшкиной и внимательно прочитав фамилии станичников, подписавших их, начальник райотдела убедился, что знает этих людей, благодаря сведениям, своевременно полученным от Екатерины Петровны, а увидев подписи администрации завода, он понял, кому нужно, чтобы Алёшкину как можно скорее убрали из Александровки. Поэтому он сказал:

– Вот что, товарищ Полякова (такова была фамилия райпрокурора), я думаю, что прежде, чем принимать какие-либо репрессивные меры к Алёшкиной, надо тщательно проверить справедливость выдвинутых обвинений. Не следует посылать туда каких-нибудь чиновников из райпотребсоюза или райисполкома, а лучше всего, если бы вы съездили и проверили всё сами. Ведь если хоть наполовину правда, что здесь написано, так дом Алёшкиной и все её амбары должны быть забиты продуктами и всяким прочим добром. Проверьте это! А я со своей стороны скажу так: мы Екатерину Петровну знаем и зря в обиду не дадим. То, как она живёт со своими детишками, не подтверждает здесь написанное, это сплошная клевета. Разберитесь.

Выслушав эту речь, Полякова уже на следующий день была в Александровке. Она зашла в ларёк как раз в тот момент, когда Катя после бессонной ночи, проведённой в доставке полученной муки, раздавала её по карточкам.

Несколько часов провела Полякова в ларьке. Катя, хотя и волновалась из-за присутствия постороннего человека, и тем более прокурора, старалась работать как всегда – аккуратно и быстро. Она не особенно удивилась этой проверке, даже ждала её. Дело в том, что за нескольких последних месяцев ей в ларёк два-три раза в неделю доставляли по несколько десятков литров спирта. Главный бухгалтер завода убеждал, что накладные на этот спирт у него, с разрешения директора деньги за проданный товар следует сдавать ему, он сам будет их приходить по кассе и расходовать на восстановление завода.

В простоте души своей Катя вначале верила этим заявлениям и ничего не подозревала, но однажды, когда она сдавала выручку за спирт, бухгалтер предложил ей из этой выручки взять некоторую сумму денег. Она, конечно, отказалась и возмутилась. В течение нескольких дней Катя раздумывала, с чего это бухгалтер оказался таким добрым, и начала подозревать, что с передаваемым для продажи спиртом что-то нечисто. Поэтому, увидев у себя в ларьке прокурора, которую знала в лицо, она подумала, что та явилась для расследования этого дела. Каково же было её удивление, когда Полякова по окончании выдачи муки, сказала:

– Ну теперь, Екатерина Петровна, закрывайте свою лавочку и пойдёмте к вам домой, мне нужно с вами поговорить.

Катя смутилась, у неё дома был невероятный беспорядок. За последние три дня она, по большому счёту, прибегала домой только на несколько часов поспать. Эла, занятая учёбой, тоже за порядком не очень-то следила, ей еле хватало времени приготовить что-то поесть сёстрам и маме. Ну, а младшие больше раскидывали, чем прибирали, особенно Майя. Поэтому Катерина несмело спросила:

– Товарищ Полякова, а нельзя ли поговорить здесь? Тем более что и все документы по работе я в ларьке храню.

Смущение Алёшкиной и её предложение насторожили Полякову: «Неужели она боится меня в дом пускать, чтобы я не увидела там чего лишнего?» И прокурор ещё настойчивее повторила:

– Нет, пойдёмте к вам, я хочу поговорить с вами дома. Да я и проголодалась, из Майского-то выехала в шесть часов, а сейчас уже скоро пять. Покормите меня чем-нибудь?

Катя ещё более смутилась. В тот день она дома ещё не была: прямо с мельницы, где получала муку, приехала в ларёк. Сама тоже до сих пор ничего не ела, а что там сумела приготовить старшая дочь, и осталось ли что-либо после того, как младшие пришли из школы и поели, это вопрос. «Ну хлеб-то, наверно, не весь съели, – раздумывала Катерина. Дети ей всегда краюшку оставляли. – Ну что же, матушка, раз ты настаиваешь, пойдём, – нахмурилась она. – Посмотришь,

как здесь, в Александровке, семьи фронтовиков живут!» Она знала, что в Майском и в других городах семьям фронтовиков выдавали специальные пайки, пусть и небольшие, но дети ели и кашу, и масло, иногда и мясо, и сахар. Здесь же, кроме муки, не выдавали ничего, а на базаре покупать было не на что. «Вот ещё, навязалась гостя, – с неудовольствием подумала Катя. – Ну да ладно, сама будет виновата».

– Ну что же, – сказала она, – я вас специально не приглашала потому, что, честно говоря, сама ещё сегодня дома не была. Мука у меня кончилась, вот сейчас только принесу, так что не знаю, чем вас и угостить-то смогу. Хлеба там, может, немного найдётся, оставался и небольшой кусочек свинины. Если его Эла не израсходовала, сварим похлёбку. Картошка есть, хорошо, если и мамалыга осталась. Надо взять немного повидла, вот этим и будем угощаться.

Катя взвесила приготовленный мешочек с мукой, повидло в стеклянной банке, пересчитала и положила в кассу деньги, заперла её и сказала:

– Пойдёмте, я готова. Только у меня очень злая собака. Она на цепи, но цепь длинная и позволяет ей бегать по всему двору. Вам придётся постоять у калитки, пока я её покороче привяжу, тогда и пройдёте. Маша, – обернулась она к вахтёрше, – я сейчас ларёк закрою, пойду поесть. Тут ещё несколько человек муку не получили, может, и другие покупатели подойдут. Скажите, что часа через два приду и снова открою.

До дома Алёшкиной женщины шли молча. Катя ждала вопросов прокурора, а та упорно молчала. Она думала: «Неужели эта молодая, такая симпатичная и, видимо, до невероятности уставшая женщина искусно притворяется? Может быть, и дома у неё показная бедность, а на самом деле где-нибудь припрятаны запасы продуктов и промтоваров? Да нет, не может быть! Уж больно она проста... А, впрочем, чем чёрт не шутит?»

Они подошли к маленькому, в два оконца, саманному домику, обнесённому плетнём, и Катя сказала:

– Ну вот и наши хоромы. Сейчас я Полкана привяжу, тогда и проходите.

Во дворе бегала огромная рыжая собака – помесь кавказской овчарки с дворняжкой. Она была худа, лохмата и, очевидно, невероятно зла. Её ожесточённый лай при виде незнакомого человека дошёл до неистовства. Кате стоило немалого труда успокоить разбушевавшегося пса и затащить его в хлев. Заложив запор палкой, она сказала:

– Пожалуйста, товарищ Полякова, проходите, он теперь не опасен.

Они зашли в дом. Прокурор недоумённо остановилась на пороге: она ожидала увидеть или роскошь, или нарочитую бедность, но то, что оказалось перед ней, ошеломило. Дом был пуст, дети, поев, убежали куда-то играть, и ничто не мешало осмотреть его как следует. Всюду была вопиющая нищета: земляной пол, подслеповатое оконце, остывшая, ни-

чем не прикрытая, местами облупившаяся печь, колченогий стол, такие же две табуретки и небольшая лавка, полка на стене, почти лишённая посуды, старое ведро с водой на низенькой деревянной скамейке у двери, – вот, собственно, и вся обстановка этой части жилья.

Смущённая Катя убрала грязную посуду со стола и, заглянув в стоявший на крошечной плитке закоптелый чугунок, облегчённо сказала:

– Ну, нам повезло! Эла догадалась суп сварить. Сейчас его разогрею, вон на тарелке и мамалыга есть. Чайник вскипачу, чаю попьём. У меня тут немного настоящей заварки осталось. Ребята-то не пьют чай, а себя я уж балую. На базаре покупаю по чайной ложечке за 20 рублей. Повидло принесла, голодными не останемся. Да вы что остановились-то? Проходите в комнату, там у нас почище будет.

Обескураженная Полякова молча прошла в другую половину хаты. Там были полы, но выглядело всё ненамного богаче кухни.

Пока Катя растапливала принесенным из сеней хворостом плитку, ставила чайник, разогревала сваренный Элой суп и выкладывала на сковородку нарезанную крупными кусками мамалыгу, прокурор осмотрела комнату, в которую вошла. Это была тоже маленькая комнатка, не более десяти квадратных метров. Два окна её выходили на улицу, а дверь в противоположной стене соединяла комнату с кухней. Около двери, вплотную к стене, составлявшей продолжение дымо-

хода плиты, стояла старая кровать, накрытая ватным одеялом. Видно было, что одеяло служило своим хозяевам уже не первый десяток лет. В голове постели лежало несколько небольших подушек, тоже с изрядным сроком пользования. На этой кровати спали вместе мать и две младшие дочери. Старшая спала на узенькой раскладной железной койке, покрытой суконным одеялом, стоявшей у боковой стены комнаты так, что головная часть её упиралась в подоконник.

Середину комнаты занимал квадратный стол, очевидно, служивший и для обеда, когда семья собиралась вместе, и для занятий девочек во время приготовления уроков. Он был накрыт выцветшей и местами порезанной клеёнкой. В углу стояла старенькая этажерка, заваленная книгами, а рядом с ней в большой деревянной кадке на невысокой табуретке приютился разросшийся фикус. Между прочим, книги и тетради лежали и на столе, и на подоконниках, – на этажерке им не хватало места.

Кроме перечисленного, в комнате довольно хаотично стояло несколько отчасти поломанных, с продавленными сиденьями, венских стульев, а рядом с раскладной кроватью на вбитых в стену колышках висело несколько старых простеньких платьев, очевидно, принадлежавших хозяйке и старшей дочери. Вот и всё.

Осмотревшись беглым взглядом, Полякова подошла к этажерке и стала перебирать лежавшие там книги. Помимо школьных учебников, она увидела несколько десятков книг

медицинского содержания и вспомнила, что муж Екатерины Петровны – врач и находится сейчас на фронте. Тут же лежали альбомы с фотографиями самой Алёшкиной и её детей.

За этим рассматриванием её и застала вошедшая с двумя тарелками супа хозяйка. Поставив их на стол, а затем принеся куски мамалыги на мелкой тарелке, такой же выщербленной, как и глубокие, Катя подошла к Поляковой. Показывая на одну из фотографий с молодым красноармейцем в будёновском шлеме, она грустно заметила:

– А это муж, когда ещё он на действительной службе был, в 1929 году. Где-то он сейчас?.. Ну, что же это я, ведь вы проголодались! Идёмте, садитесь, поедим. Вы уж извините, гостей я сегодня не ждала. Да если бы и ждала, всё равно ничего бы приготовить не успела: муку-то ведь только сегодня получила... Нам пайка всего на десять дней хватает, а муку выдают раз в две недели, это если повезёт, а то и раз в месяц. А остальные дни – вот, на мамалыге сидим. Да боюсь, что скоро и её у меня не будет: своей кукурузы посеяла очень мало, её поели ещё молодой. С завода не дают, на базаре литровая банка кукурузной муки 80–100 рублей стоит, а на нас четверых такой банки едва на день хватает. Да ещё ведь хоть как-то и одеться нужно. Уж про себя я не говорю, как-нибудь прохожу, но старшая-то ведь уже девушка, шестнадцать ей уже стукнуло! Вот на днях мужнин фотоаппарат – уж как его берегла и от немцев прятала – пришлось продать в Майском на базаре. Купила ситцу на эти деньги, и дочке

платье сшила. Ой, да что это я разболталась! Вы ешьте, ешьте, там ещё суп есть. Я подолью.

– Нет-нет, спасибо, я уже сыта. Чайку вот выпью. А что же, разве вы за мужа никакого пайка не получаете? А он что, не помогает вам?

– Помогает... Каждый месяц по аттестату 800 рублей получаю. Да что эти деньги по теперешним временам? Ну а пайков, – иронически продолжала Катя, – нам не положено, ведь мы же сельские жители.

Хозяйка пошла на кухню наливать чай, а гостя глубоко задумалась: «Неужели эта семья на самом деле так живёт? Ведь это ужас, до чего они обнищали! Как же наш военком ничем не помогает семье фронтовика? Муж её был врачом, а врачи в селе довольно хорошо обеспечиваются, если не зарплатой, то добротными приношениями, которых они получают немало. Видела я, как врачам Майского носят продукты, а промтовары в лавке отпускают в первую очередь. Почему же здесь такая бедность?» Полякова в районе жила всего два года и не знала, что семья Алёшкиных приехала в Александровку сразу после окончания Борисом института и, конечно, не успела ничем обзавестись. «А, может быть, это показуха? Может быть, у неё где-нибудь запасы припрятаны? Может быть, она в душе смеётся надо мной? Хотя не похожа она на такую, а проверить нужно».

Когда Катя принесла в стареньких надтреснутых чашках чай, на блюдечке повидло и две алюминиевых ложечки, жен-

щины принялись за чаепитие. Полякова решила, что пришло время приступить сперва к опросу, а затем произвести и тщательный обыск у подозреваемой.

– Екатерина Петровна, вот смотрю я, как вы бедно живёте, и недоумеваю. Муж ваш в прошлом врач, заведовал участком, у вас должность, как теперь принято говорить, хлебная, а вы в такой, прямо скажем, нищете! Расскажите про себя, пожалуйста.

Катя вздохнула и, немного подумав, ответила:

– Нечего мне особенно рассказывать. Подробную мою биографию в райотделе НКВД знают, вы могли бы и там её прочесть... Но, раз вы просите, так и быть, вкратце скажу.

В течение часа она рассказывала о своей жизни на Дальнем Востоке, об учёбе мужа, о том, как им пришлось почти всё распродать, чтобы он смог окончить институт, о той огромной работе, которую в это время выполняла она. О том, как Борис получил назначение в Александровку, как её приняли в контору завода, как преследовали директор Текушев и главбух. Как её бросили с детьми в станице при отступлении, какие издевательства она терпела во время оккупации и не только от фашистов, но и от своих односельчан, казаков и их жён. Они при немцах заходили к ней в дом, на её глазах забирали посуду и другие вещи, говоря: «Тебе, Катерина, это ни к чему, тебя всё равно дня через три повесят...» О притеснениях фельдшера Чинченко, о выселении из хорошей квартиры в эту хату.

– Хотя последнее я считаю правильным, ведь нужно было где-то ребятам заниматься.

Одним словом, Катя без утайки поведала Поляковой всю свою нелёгкую жизнь. Конечно, ни словом она не обмолвилась только об отношениях с райотделом НКВД.

Внимательно выслушав Алёшкину и почему-то сразу же безоговорочно поверив ей, Полякова решила признаться Кате, зачем пожаловала:

– Екатерина Петровна, вы меня извините. Вы знаете, я прокурор ещё очень молодой, юридический закончила всего два года тому назад, в вашем районе только начинаю свою работу, боюсь наделать ошибок, и потому за многое берусь сама. Вот и сейчас... На вас поступил донос, что вы якобы расхищаете доверенные вам товары, обижаете покупателей, а сами живёте в роскоши и довольстве. Ну, какая у вас роскошь и довольство, я уже сама вижу. Я верю вам, но, простите меня, я считаю себя обязанной выполнить служебный долг до конца. Конечно, по закону я должна была прислать сюда милиционера, чтобы он взял с собой понятых и, как положено, произвёл обыск. Но когда я посоветовалась об этом с начальником райотдела НКВД, он мне предложил самой осмотреть ваше хозяйство, побеседовать с вами, а потом уже принимать какие-либо законные меры. Вот я и приехала. Скажу честно, наблюдая за вами во время работы, я удивилась быстроте и ловкости, с которой вы делаете своё дело. Понравилась мне и ваше отношение к покупателям. Они то-

же разговаривают с вами не как с посторонним нелюбимым продавцом, а как с близким, хорошо знакомым, уважаемым человеком, за исключением, может быть, одного-двух человек. Уже одно это расположило меня в вашу пользу. То, что я застала в вашем жилище, без сомнения опровергло донос. Ваш рассказ многое объяснил мне. Но, может быть, то, что я увидела, это не всё? Может быть, у вас кое-что про запас всё-таки где-то припрятано? Покажите мне, и если это не будет в чрезмерных количествах, то никто об этом не узнает.

При этих словаху Кати блеснули глаза. Она вскочила из-за стола с такой резкостью, что стул, на котором она сидела, с грохотом упал на пол.

– Эх вы! – гневно воскликнула она. – Зря я вам тут душу выворачивала. Ищите! У меня никаких тайников и подземных складов нет. Смотрите, всё на виду!

Она схватила постель, скинула её на пол и собиралась то же самое сделать с другой, но Полякова остановила её:

– Поймите, Катя, – она впервые назвала её по имени. – Поймите, я не хотела обидеть вас. Я ведь вам объяснила, как я должна была бы поступить по закону, а я приехала сама, и сама хочу перед своей совестью и перед законом убедиться в том, что мои предположения о вашей абсолютной честности не беспочвенны. Давайте пройдем по вашему дому, осмотрим все уголки, и я с чистой совестью напишу своё заключение о клевете в этих подлых доносах.

Катя тем временем остыла и как-то понуро сказала:

– Ну что же, пойдёмте.

Через час, когда Полякова осмотрела чердак, все закоулки кухни, огорода и двора, хлев, из которого Катя предварительно вывела Полкана, ящики стола и убедилась, что в этом доме даже малейших запасов продуктов, кроме мешка картошки и небольшого куска сала (остатков той свиньи, которая своим мясом и салом покрыла недостачу от разбитой бутылки с вином, о чём, между прочим, Катя тоже рассказала прокурору), ничего не обнаружилось. Не было найдено не только запасов промтоваров, но даже лишней смены белья для хозяйки и детей.

Полякова присела к столу и тут же написала заключение о беспочвенности доносов и об отказе в возбуждении следственного дела. Катя совсем успокоилась и проводила свою гостью вполне доброжелательно.

Когда Полякова рассказала о своём путешествии начальнику Майского райотдела НКВД, тот, посмеиваясь в свои седоватые усы, тихонько пробормотал:

– Я был уверен в этом. Мы эту женщину хорошо знаем, а нам было очень нужно и полезно, чтобы и вы сами лично её узнали и поняли, на кого можете в Александровке опереться.

Конечно, обо всех этих событиях Борис узнал от своей жены через два года, а в то время он, успокаиваемый её пись-

мами о полном благополучии семьи, даже и не подозревал, что пришлось пережить его любимой Кате. Да-да, любимой! И кто бы там около него ни был, какая бы близкая женщина ни находилась, по-настоящему любимой была только та, которая ждала его в Александровке.

Глава третья

Итак, 30 января 1945 года госпиталь № 27 закончил погрузку в эшелон и тронулся в путь по направлению к Польше. Очевидно, приказ о спешной отправке госпиталя был достаточно строгим, потому что комендант станции то и дело торопил и Алёшкина, и Захарова, непосредственно руководивших погрузкой. Вероятно, начальник госпиталя и его помощники столкнулись бы с неприятностями за задержку погрузки, если бы не помощь пограничников, которых по приказанию генерала Зайцева комендант выделил целую роту, и то, что с большей частью громадного вспомогательного хозяйства руководство госпиталя решило расстаться. Посоветовавшись, Борис и Захаров оставили в Раквере все деревянные стенды, ограничились пятьюдесятью немецкими складными двухъярусными кроватями, от матрасов взяли только чехлы. Оставили большую часть железных печек, занимавших всегда много места, а также самодельную жестяную посуду – тазы, вёдра и т. п. Они справедливо рассудили, что дело идёт к весне. В Эстонии, в отдельных домах находились хорошие чугунные печурки. Понадеялись, что, если понадобится, что-то подобное найдётся и в Польше. Пришлось оставить и передать пограничникам значительную часть посуды и продуктов, вывезенных Гольдбергом из Таллина.

В эшелоне было всего десять теплушек и шесть платформ,

которые были заняты автомашинами. Одну теплушку пришлось отдать пяти госпитальным лошадям с запасом фуража. Они всё-таки нагнали госпиталь в Таллине и даже привезли с собой кое-какие запасы овощей. Две теплушки заняли кухня и склад продовольствия, ещё одну загрузили вещевым имуществом. Таким образом, для размещения всего личного состава госпиталя оставалось шесть теплушек: в одной разместился штаб и весь офицерский состав, то есть врачи и старшие медсёстры, в остальных – санитары, дружинницы и младшие сёстры. В штабной теплушке, кроме офицеров, находилась переводчица, которую Павловский от себя не отпускал, и Игнатъич с Джеком.

Перед переездом из Раквере предстояло освободиться и от личных трофейных вещей, появившихся почти у всех работников госпиталя. Дело в том, что, несмотря на бои, а впоследствии и на изгнание фашистов, частная торговля ни в Таллине, ни в других городках Эстонии, в том числе и Раквере, не прекращалась. У многих госпитальных работников, несмотря на ежемесячное отчисление по аттестатам, приобретение военных займов и просто пожертвований в Фонд обороны, всё-таки скопились кое-какие деньги. Ни под Ленинградом, ни около Войбокало, ни на Новгородчине и Псковщине тратить их было некуда: военторги до армейских госпиталей не добивались, других лавок и магазинов не было. Поэтому, попав в Таллин, а затем и в Раквере, в условия свободной торговли на толкучке, почти все бросились

накупать самые разнообразные вещи не только для себя, но и для своих семей. Кое-что было захвачено из немецкого госпиталя, преимущественно новое столовое и постельное бельё. Все прекрасно понимали, что сейчас их семьи во многом испытывают большую нужду. Тем не менее, всё лишнее пришлось оставить в Раквере, в эшелоне для этого не было места.

Однако нет худа без добра. Пожалуй, именно потому, что было жалко оставлять купленные и благоприобретённые вещи за просто так, а покупателей на них, конечно, не нашлось бы, Захаров поехал в штаб армии, чтобы договориться о передаче имущества работникам какого-нибудь госпиталя. Вернувшись, он, к радости всех, сообщил, что получил разрешение главного командования каждому офицеру раз в месяц отправлять домой посылки с личными вещами весом до восьми килограммов. Конечно, этим немедленно воспользовались.

За несколько часов до отправления эшелона Борис упаковал купленные на барахолке пальто, старую шкуру лисицы, кое-какие вещи из белья, отрез ткани, старые платья в одну посылку, а другую заполнил столовым бельём, простынями, полотенцами и чем-то ещё. Вторую посылку ему удалось организовать за счёт Павловского, которому отправлять было некуда. То же самое сделали почти все, но всё равно значительную часть трофейного барахла пришлось оставить в Раквере.

Приехавшие за два часа до отправления медсестры, санитары и дружинницы принялись благоустраивать теплушки для долгой дороги. Поставили в каждой из них железные печки, так как на улице было холодно. Из разговоров с комендантом станции Алёшкин узнал, что до города Белостока, который был указан как конечный пункт их маршрута, им придётся ехать не менее десяти дней, поэтому начальник распорядился, чтобы все постарались устроиться с максимальными удобствами. В их распоряжении были старые, но ещё целые, двухосные теплушки с двухъярусными нарами по обеим сторонам от двери. По нормам, установленным в царское время, такой вагон вмещал 40 человек или восемь лошадей. Почти соответствуя этой загрузке, пришлось передвигаться и госпиталю.

Кое-кто ехал не в общих вагонах, отведённых для личного состава, а вместе со своим имуществом: повара – вместе с кухнями, кладовщики – вместе со складами, аптечные работники – со своими медикаментами, ездовые – с лошадьми, а шофёры – в санитарных машинах, закреплённых на платформах. После благоустройства помещений все забрались на свои нары и ждали отправки эшелона.

Оставался час до его отхода, когда на станцию подъехала «эмка», из которой вышел начсанарм Скляр, разыскал Бориса, тепло попрощался с ним и добавил, что он вместе с командованием армии надеется, что госпиталь Алёшкина заслужит такую же добрую славу на новом фронте, какую за-

служил в 8-й армии.

Наконец, после свистка кондуктора, эшелон № 1247, в котором следовал полевой двадцать седьмой госпиталь, тронулся в путь.

Комендантом эшелона, обязанным обеспечивать организацию караульной службы, Алёшкин назначил начальника канцелярии Добина, который организовал охрану эшелона во время остановок, выставляя часовых. Сам Борис считался начальником эшелона, а Захаров его заместителем. На остановках они связывались с военным комендантом станции, выясняли следующий пункт назначения и время отправления, а Павловский в это время запасался газетами, политическими новостями, которыми потом делился со своими помощниками – секретарями партийной и комсомольской ячеек и поручал им провести соответствующие беседы во всех вагонах.

Конечно, несколько раз в сутки в каждой теплушке бывал и Алёшкин, проверяя, как ведут себя его подчинённые, и организуя с ними занятия по специальным медицинским дисциплинам.

Вечерами в офицерском вагоне зажигали «гитлеровские» свечи, дававшие слабый свет. Это были трофеи, захваченных в Таллине, они представляли собой картонную чашечку диаметром 6–8 см и фитиль в пару сантиметров. Чашечка была заполнена какой-то массой, похожей на стеарин. Такой свечки хватало на 3–4 часа. Если горели сразу две, то при них

можно было даже читать.

Уже на вторые сутки после отъезда из Раквере Борис и его командиры стали определять свой путь. Специальных карт у них, конечно, не было, пользовались имевшейся у Доби-на ученической картой Европейской части СССР, изданной ещё до войны. К сожалению, на ней Прибалтийские республики и Польша были изображены весьма схематично, без обозначения каких-либо населённых пунктов, кроме Таллина, Риги и Варшавы. Да и масштаб её был таким, что расстояние от Ленинграда до Москвы составляло всего семь сантиметров. Конечно, никакого Белостока на этой карте не обозначили, но предполагалось, что этот город находится где-то на границе с Польшей. Борис проложил от Таллина прямую линию до этой границы. Сверив длину её с масштабом карты, он определил, что им предстоит проехать не менее полутора тысяч километров, и если они будут двигаться с такой же скоростью, как в эти сутки, то дорога отнимет не менее десяти дней. Следовательно, чтобы люди не распустились от безделья, надо их занять.

Посоветовавшись с Павловским и Минаевой, решили регулярно проводить политические, специальные медицинские и военные занятия. Последние – для изучения недавно полученного нового автомата. Заодно решили изучить и немецкий автомат, принесённый кем-то из раненых и оставленный в госпитале, когда раненого эвакуировали в тыл. Военное дело поручили Захарову, политзанятия проводили Пав-

ловский, Алёшкин и секретари ячеек. Минаева, Батюшков, Алёшкин, старшие операционные сёстры – Журкина и Шуйская и старшая госпитальная сестра Мертенцева отвечали за специальные медицинские занятия. Они проходили в вагонах, в которых ехал определённый персонал. Так как переходить из вагона в вагон можно было только на остановках, то продолжительность занятия зависела от времени перегона.

В процессе следования эшелона выяснилось, что далеко не все линии железной дороги, по которым он должен был идти, восстановили. Часто приходилось сворачивать от нужного направления в сторону и совершать довольно большой объезд. Кроме того, несмотря на то, что эшелон № 1247 был литерным (имел литер «А») и, следовательно, должен был пропускаться в первую очередь, его часто обгоняли эшелоны, следовавшие как внеочередные. Это были поезда, гружённые боевой техникой – танками, орудиями, боеприпасами, а также продовольствием. Они обгоняли госпиталь, пересекая его путь, и потому волей-неволей приходилось задерживаться на какой-нибудь полуразрушенной станции по несколько часов.

Борису вспомнилось его путешествие в 1923 году на Дальний Восток, которое он начал в «пятьсот весёлом» поезде. Ехали почти так же: на остановках люди выскакивали в разные стороны от пути, прятались по канавам, за уцелевшими остатками заборов или даже просто за сугробами для отправления естественных надобностей, так же бегали умы-

ваться к железнодорожным колонкам и так же было много всяких комичных происшествий и приключений с тем или иным пассажиром, вызывавшим впоследствии насмешки. Разница была в том, что в одной из теплушек всегда топила печь, регулярно готовилась еда, и три раза в день всех досыта кормили.

Вечера в эшелоне проводили в различных разговорах, рассказывании забавных историй, анекдотов, иногда играли в домино. Игнатъич на одной из станций добыл ещё довольно приличный столик, и в офицерском вагоне теперь по вечерам собирались вокруг него. У Добина оказалась колода карт, и в свободное время они втроем с Павловским и Алёшкиным играли в преферанс.

Из сводок стало известно, что Красная армия перешла в новое наступление (через несколько лет Борис узнал, что ускорение наступления произошло по просьбе союзников), оно успешно развивается в западном направлении.

Когда эшелон прибыл на станцию Белосток, а это случилось 15 февраля 1945 года, комендант станции сообщил, что для госпиталя получено дополнительное распоряжение: не разгружаться, а следовать далее на запад, по направлению к Варшаве.

Спустя двое суток на станции Тлуш, в 30 километрах восточнее Варшавы, от коменданта узнали, что пока регулярного движения по железной дороге далее на запад нет, и госпиталь должен разгрузиться здесь. Разгрузка заняла около

восьми часов, когда её закончили, было уже совсем темно. Развёртывать палатки было невозможно, и люди стали устраиваться на ночлег между грудами сваленных около железнодорожного полотна тюками палаток и других вещей.

Игнатъича, заботившегося о своём начальнике, как нянька о ребёнке, такая ночёвка не устраивала. Хотя на улице в Тлуще было теплее, чем в Раквере, ведь эта станция находилась гораздо южнее, но в феврале ещё и здесь держался мороз. Заметив невдалеке от полуразрушенного здания станции огоньки, Игнатъич решил, что это железнодорожный посёлок, и рассчитывал, что можно устроить ночлег в каком-нибудь домике. Получив разрешение Добина, ответственного за охрану этого своеобразного лагеря, старик отправился в путь. Минут через пятнадцать он уже стучался в дверь небольшого домика, из окошка которого исходил мирный довоенный свет. А ещё спустя час здесь уже были Борис и Катя Шуйская, в сенях лежал Джек, а Игнатъич хлопотал у небольшой плитки, разогревая принесённый из кухни ужин. Когда он ходил за едой, сообщил Павловскому и Захарову, что рядом с «квартирой» Алёшкина есть ещё несколько домиков, и можно на ночь устроиться там.

Дом, найденный Игнатъичем, состоял из кухоньки и двух чистых комнат, застланных половиками. Здесь жила совсем молодая женщина и двое детей – один грудной, другой около пяти лет.

Борис, вспоминая забытые польские фразы, затеял с жен-

щиной разговор. Та очень обрадовалась, услышав родную речь, и хотя, конечно, Алёшкин порядочно перевирал и слова, и построение фраз, всё-таки это был её язык. Она ожилилась, начала что-то быстро рассказывать, и Борис, к своей радости, убедился, что, пусть с трудом, но большую часть сказанного он понимает. Игнатъич только хлопал глазами, он не ожидал, что его начальник знает польский язык, это его сильно удивило. Впрочем, потом этому удивлялись и Павловский, и Захаров.

Хозяйка между тем рассказала Борису, а он впоследствии пересказал услышанное своим спутникам, что её мужа немцы заставили работать кочегаром на паровозе. Он за это получал паёк, на который они жили всей семьёй. Этот паёк был так мал, давали его только на работающего (хлеба-суррогата – 200 г., маргарина – 20 г., немного крупы или макарон), и, конечно, они перемерли бы от голода, если бы не овощи с огорода, которые у них, к счастью, не отобрали. Всех мужчин из их посёлка посылали на строительные работы, они строили военные сооружения или склады. А её муж в 1939 году был ранен в ногу и сильно хромал, вот германец (так она называла фашистов) и придумал его затащить на паровоз. Эта работа всё-таки давала право на жизнь и какое-то существование.

Далее она добавила, что жителей этого посёлка, которые не могли работать (стариков и полных инвалидов), отправляли в Майданек, а оттуда возврата не было. Муж водил эшелон

ны в Майданек-2, так что рассказал ей о тех тысячах людей, которых увозили туда целыми семьями. Он говорил, что там была выстроена красивая станция, каждый эшелон встречали музыкой, но люди, попавшие туда, уже никогда не возвращались.

Майданек находился недалеко от Тлуца, и иногда, когда ветер дул с той стороны, он доносил смрадный запах сгоревшего мяса и костей.

– Неужели всё-таки их там всех сожгли?! – изумлялась и возмущалась молодая полька.

Конечно, всё это она рассказала не сразу, а когда лучше познакомилась со своими постояльцами, убедилась в их доброжелательности и перестала опасаться. Сначала же она держалась настороженно, забилась с ребятами в угол кухни и с недоверием поглядывала на то, как Игнатъич хлопотал около плиты, разогревая принесённую еду.

Когда приезжие уселись ужинать (макароны с мясной подливкой), Борис пригласил хозяйку с детьми присоединиться к трапезе. Та сначала отказывалась, но потом под влиянием умоляющего взгляда своего старшего сына, радушного и ласкового приглашения со стороны гостей осмелилась, и они с аппетитом поели.

Игнатъич разлил в кружки, поданные хозяйкой (для себя и сына – старенькие чашечки), чай, положив каждому по большой ложке сгущённого молока. Катя извлекла из своего мешка, где она хранила дополнительный офицерский паёк,

пачку печенья, и ужин превратился в настоящее пиршество, особенно для изголодавшихся поляков.

Глядя на то, с каким вожделием смотрел маленький Стась на еду, и в особенности на печенье, Борис невольно подумал о своих: «Как-то они там, в Александровке? Сыты ли, может быть, голодают хуже, чем эти поляки?»

После ужина хозяйка, немного осмелев, спросила Бориса: – А та пани ест малжонка пану офицэру?

Борис некоторое время смущённо молчал, а затем произнёс:

– Так...

Катя, хотя и не поняла подлинной сущности вопроса хозяйки, но всё же, видимо, догадалась, о чём идет разговор, слегка покраснела и посоветовала:

– Скажи, что я тоже офицер-фельдшер, твоя помощница, можешь добавить, что временно и малжонка.

Борис не стал переводить польке всей фразы, а лишь только сказал, что пани тоже медик и работает с ним. После этого хозяйка провела их в соседнюю комнатку и сказала, что они могут спать на кровати. Игнатъич улёгся на лавке в кухне, хозяйка ушла в комнатку, где спали её дети, а Джек, как верный сторож, устроился у входа в кухню.

На следующее утро, после очень раннего завтрака, Борис подошёл к груде сваленного около железнодорожного тупика имущества. Дружинницы, санитары и младшие медсёстры уже успели понастроить себе около этой «свалки» шалаши

из плащ-палаток и сейчас вылезали из этих убежищ в сырой предутренний туман.

Алёшкин разыскал Захарова и приказал немедленно обойти все ближайшие домики посёлка и устроить на жильё врачей, старших медсестёр и других офицеров. Сам он вызвал старшину Еремеева и старших сестёр и приказал на ближней поляне, окружённой высокими тополями, развернуть две палатки ДПМ: одну – для жилья всего личного состава, а другую – на всякий случай, как лечебную. Последняя палатка должна была служить и сортировкой, и перевязочно-операционной, и госпитальной на первые дни. Для этого её перегородили утеплениями на три неравные по величине части.

Борис предполагал, что надолго в этом посёлке они не останутся, не зря же их тащили в такую даль из Раквере. Как подсчитал Добин, они проехали более полутора тысяч километров. Он, между прочим, внимательно следил за всеми более или менее крупными станциями, которые они проезжали, и в результате своих наблюдений представил Алёшкину маршрут, который они проделали за 17 суток: Раквере – Тапа – Тарту – Валга (это в Эстонии) – Валмиера – Цесис – Даугавпилс (Латвия) – Вильнюс (Литва) – Гродно (Белоруссия) – Белосток – Тлуц (Польша). Путь, как видим, немаленький, а когда они сравнили его с известной линией фронта, то увидели, что он пролегал вдоль фронта с севера на юго-запад. И по их предположениям, госпиталь находился от передовой

километрах в сорока. Это подтверждалось иногда раздававшимся гроыханием орудийных выстрелов.

Тлуцц и его окрестности должны были быть заполнены множеством тыловых фронтовых учреждений. На самом же деле здесь царило полное спокойствие. Это удивляло и Алёшкина, и его друзей.

Прежде, чем описывать дальнейший путь госпиталя, мы считаем нужным рассказать ещё об одном случае, который произвёл на всех, кто оказался его свидетелем, самое ужасное впечатление.

На следующий день после прибытия в Тлуцц госпиталя № 27, утром в дом, где квартировал Алёшкин, вошёл хромяющий, небритый, грязный человек. Хозяйка испуганно бросилась к нему. Что-то быстро ему сказала, а затем повернулась к Борису, сидевшему за столом, и сообщила, что это её муж, которого не было дома в последние дни. Сказав это, она смущённо замолчала.

Вошедший остановился у двери и по-военному отрапортовал:

– Панове офицеры, кочегар паровоза ЭНС–1382 Щербинский, до услуг панов!

Борис усмехнулся:

– Цо пан есте жолнеж? Солдат?

– Не, пан майор, я вольный, маю инвалидность. Но мне заставляли работать, а потом сказали, что русские всех, работавших у немцев, будут расстреливать. Я, да и другие тоже,

убежали в лес. Сидели там неделю, а потом стали выходить. Никто нас не трогал и наши семьи так же. Вот я и пришёл.

– Что же вы думаете делать?

– То же самое, буду кочегаром работать. Теперь поезд ходит Тлуц – Люблин. Машинист сказал, чтобы сегодня приходил, вечером поедем.

Разумеется, весь этот разговор вёлся на польском языке. Борис угостил кочегара папиросой и стал расспрашивать про жизнь и службу у немцев. Юрек, так звали мужа хозяйки, охотно рассказывал, что машинист, помощник и он – поляки, но немцы им не доверяли и всегда сажали на паровоз автоматчика. Не одни раз кочегару приходилось вместе со всей бригадой возить эшелоны с евреями и другими жителями из Варшавы, Люблина или других мест в Майданек-2 – так называлась станция на ответвлении от главной линии железной дороги, соединявшей Тлуц и Люблин. Она находилась на расстоянии около 15 километров от Тлуца.

– Тогда, – говорил он, – на паровоз сажали двух автоматчиков, и бригаде при подходе к станции строго запрещалось смотреть в окна паровозной будки на выгрузку прибывших, а также и на то место, куда их привезли. После выгрузки эшелон задним ходом выходил на главную линию и уже продолжал следовать в обратном направлении. Конечно, – рассказывал поляк, – мы умудрялись через различные щели в паровозной будке незаметно для своих сторожей рассматривать Майданек-2 и успевали разглядеть и внешний вид кра-

сиво оформленной станции, и перрон, по вечерам ярко освещённый, видели за этим зданием ряды бараков, а немного в стороне – высокую трубу, из которой временами шёл густой чёрный дым. Каждый такой эшелон на станции встречал оркестр, исполнявший самую жизнерадостную и весёлую музыку. Уже перед самым уходом германца нам удалось узнать, что все, кого мы привозили, предназначались на смерть. Под трубой находились печи, в которых сжигались трупы. Мы с бригадой, уже после прихода Красной армии, как-то раз были там, и с этих пор я не могу видеть фашистских солдат. Когда ваши красноармейцы вели колонны пленных фрицев, таких покорных и послушных любой команде, мне хотелось броситься в их толпу и своими руками душить всех подряд. Как видите, я калека, – Юрек показал на деревяшку, привязанную к его правой ноге. – Ногу я потерял ещё в 1939 году, из-за неё меня и не отправили на работу в Германию или в какой-нибудь лагерь. По той же причине не брали меня и наши партизаны, которые, хотя и недолго, но здесь тоже были, – закончил свой рассказ Щербинский.

Выслушав кочегара, Борис загорелся желанием своими глазами увидеть этот Майданек-2. Впоследствии он узнал, что так назывался один из филиалов огромного лагеря, в котором была уничтожена часть евреев, вывезенных фашистами из Польши и других стран. Всего в Майданеке фашисты уничтожили миллион пятьсот тысяч мирных жителей, главным образом стариков, женщин и детей. Об этом Борис про-

читал спустя несколько лет.

После обеда, зайдя к Павловскому, поселившемуся в соседнем, ещё более бедном, домишке, Алёшкин рассказал ему о своём намерении, тот тоже вдохновился этой идеей, и через час маленький санитарный автобус, вмещавший 10–12 человек, был забит до отказа офицерами госпиталя. Из женщин взяли только одну Минаеву, остальных решили оградить от впечатлений этой невесёлой экскурсии. В лагере из врачей-мужчин остался один доктор Батюшков, который на время отсутствия Алёшкина заменял его.

Полтора десятка километров по хорошей шоссейной дороге преодолели за полчаса, и уже в три часа дня стояли возле ворот страшного лагеря смерти. До сих пор все они читали в газетах и сводках Информбюро о зверствах, чинимых фашистами, видели разрушенные города и сёла, виселицы с трупами, которые ещё не успели снять наступавшие форсированным маршем части Красной армии, слышали, как в Белоруссии живыми сжигали население целых деревень. Но ещё ни разу до этого не бывали в таком ужасном месте, как этот сравнительно небольшой лагерь смерти.

Отступавшие, а точнее, бежавшие в панике фашисты команды СС, охранники лагеря не успели уничтожить последних заключённых, бараки и другие следы своих зверств. К тому времени, когда туда приехала «экскурсия» из госпиталя № 27, в лагере уже никого не было, но и порядок навести там ещё не успели.

У ворот их остановил часовой. По просьбе Алёшкина он вызвал караульного начальника, сержанта, и тот рассказал, что их части, находящейся на переформировании и расположенной в видневшихся невдалеке казармах, приказано охранять лагерь и никого из посторонних не впускать. Несколько дней назад приезжала комиссия – какой-то генерал в сопровождении офицеров, они всё осмотрели, приказали ничего не трогать и сказали, что пришлют людей, которые всё запишут, сфотографируют, а потом организуют уборку территории.

На просьбу Бориса пропустить их в лагерь, сержант ответил, что на это надо получить разрешение командира части, попросил подождать, а сам направился к ближайшей казарме. Вскоре он вернулся вместе со старшим лейтенантом, который заявил, что, имеющееся распоряжение о запрете входа в лагерь посторонних вероятно адресовано гражданским лицам, и прежде всего полякам. Он не видел причин не впускать приехавших офицеров-врачей, но просил ничего не трогать, не перекладывать с места на место. На вопрос Бориса, а где же сама станция Майданек-2, лейтенант показал на видневшиеся невдалеке остатки обгоревшего здания.

После этого приехавшие вошли в ворота, за которыми стояла, почти не тронутая огнём, добрая половина широких приземистых барачков. Пройдя немного вперёд, они увидели огромные печи с большими железными дверцами и подведённые к ним рельсы с вагонетками. Всем было понятно, что

на этих вагонетках трупы замученных подвозились к топкам для сожжения. Около печей валялась груда обгоревших костей, которую фашисты, очевидно, не успели спрятать.

Группа обратила внимание на остатки взорванного санпропускника, находившегося недалеко от печи.

– Зачем фашистам было обмывать трупы перед сожжением? – удивлялась Минаева.

На этот вопрос никто не мог ответить. И лишь через несколько месяцев они узнали, что то, что они приняли за санпропускник, на самом деле было газовой камерой, служившей местом умерщвления несчастных.

Ещё одна ужасная подробность вызвала у них негодование, страх и отвращение к немцам, которые позволяли себе так издеваться над людьми, пусть даже и врагами, как они считали. В нескольких десятках метров от здания, остатки которого они приняли за санпропускник, стоял большой добротный кирпичный сарай, его фашисты тоже не успели ни поджечь, ни взорвать. Большие двери его были распахнуты настежь. Борис, Павловский, а за ними и остальные, вошли внутрь, и то, что предстало перед ними, вызвало возглас гнева и возмущения.

Они увидели большие длинные стеллажи, на которых лежали, связанные в аккуратные тюки, длинные женские волосы, тщательно рассортированные по цвету и длине. На других стеллажах находились уже уложенные в большие картонные коробки предметы женского туалета, взрослая и детская

обувь, а на противоположной стороне – такие же коробки с одеждой. На каждой коробке имелась этикетка с надписью о количестве содержимого. Посредине сарая на длинном деревянном столе валялась куча неразобранного белья и груды женских волос, предназначенных к сортировке. В одном из углов стояли коробки с детскими игрушками и различными дешёвыми женскими украшениями. Там же находился ящик с портсигарами, мундштуками и трубками.

Окинув всё быстрым взглядом, группа поспешила выйти из сарая. Некоторое время все молчали. Эти люди, видевшие огромное количество самых разнообразных, самых страшных ран человеческого тела, вызывавших огромные страдания, привыкшие к смерти десятков людей каждый день, здесь, на складе прониклись таким ужасом и омерзением, что желающих продолжать дальнейший осмотр лагеря не нашлось. Они поспешили в автобус и тронулись в обратный путь.

Часов в пять вечера группа вернулась на станцию Тлуц. На расспросы об увиденном отвечать не хотелось, так сильно они были поражены. Лишь через некоторое время Павловский, получив газетные материалы о лагерях смерти, сделал обстоятельный доклад о преступлениях фашистов против человечества, присовокупив к тому, что было написано, и то, чему стали свидетелями все ездившие с ним в Майда-нек-2.

Между тем на станции Тлуц, по приказанию Алёшкина, две палатки были уже поставлены, полы устланы брезентами. В одной суетились все операционные сёстры, развёртывая соответствующее медицинское оборудование, рядом под руководством Мертенцевой расставлялись носилки и готовились к приёму раненых. Во вторую палатку медицинский персонал перенёс личное имущество. Установили железные печки, предусмотрительно вытасченные из теплушек при выгрузке, в них уже горели где-то раздобытые санитарями дрова. Под небольшим брезентовым навесом устроили кухню. Ликвидировали все шалаши из плащ-палаток и аккуратно сложили остальное имущество госпиталя.

В таком виде можно было простоять на этой крошечной станции довольно длительное время и, в случае необходимости, начать свою медицинскую работу. Конечно, по сравнению с предыдущими размещениями, когда госпиталь прятался в лесах, тщательно маскируясь от противника и от наземной разведки, настоящее положение казалось никуда не годным. Но, видимо, обстановка изменилась. Во-первых, в воздухе не было слышно ни одного вражеского самолёта. Правда, этому не благоприятствовала и погода: небо было затянуто свинцово-серыми тучами, из которых временами шёл дождик, иногда со снегом. Во-вторых, отступавшие нем-

цы, видимо, находились в большой панике, и если в тылу наших войск и оказывалась вражеская вооружённая группа, то, встретив какую-нибудь нашу тыловую часть, торопливо сдавалась в плен, лишь в отдельных случаях нападая на одиночные подводы или машины, да и то в поисках продовольствия. Учитывая эту вероятность, Добин, по распоряжению Алёшкина, всё-таки организовал из санитаров и шофёров круглосуточную охрану территории, занимаемой имуществом госпиталя.

Так прошло два дня, и Борис уже начинал подумывать о поездке на одной из машин по направлению к Варшаве – самому или поручив Захарову, чтобы разыскать там управление 2-го Белорусского фронта, в распоряжение которого следовал госпиталь, и получить какие-либо указания. Сразу же по прибытии в Тлуц Алёшкин через военного коменданта станции послал в штаб фронта телеграмму и удивлялся, почему до сих пор не было ответа.

На третий день, утром, когда Захаров в сопровождении двух вооружённых санитаров стал готовиться к не совсем обычной разведке, группа грузовых машин (как оказалось, авторота из штаба фронта) подошла к станции. Её командир – младший лейтенант привёз на имя Бориса Алёшкина приказ НСК фронта генерал-майора медслужбы Жукова о срочной передислокации госпиталя в город Бромберг (Быдгощ) для получения дальнейших распоряжений. В приказе говорилось, что для перевозки имущества и личного состава

ва госпиталю следует использовать собственный транспорт и присланную автороту, рекомендовалось всё лишнее оставить на станции Тлуц, сдав по акту коменданту станции. Между прочим, под этим «лишним» подразумевались стенды, деревянные конструкции, разборные дома, самодельная утварь и т. п.

Получив приказ, Борис собрал ближайших помощников – Захарова, Павловского и Минаеву – и приказал сразу же после завтрака приступить к погрузке. По предварительным расчётам, её можно было закончить в течение полутора-двух часов. Следует помнить, что большая часть имущества, находившаяся на машинах госпиталя во время переезда по железной дороге, не разгружалась, поэтому погрузка и не отняла много времени.

22 марта 1945 года в 12 часов дня колонна, состоящая из пятнадцати автомашин, уже следовала по дороге в Бромберг (здесь и в дальнейшем мы будем употреблять те названия городов в Польше, какими пользовались в то время). У прибывшего лейтенанта имелась карта, правда, немецкая, но и по ней можно было легко проследить, что госпиталю предстояло проделать путь в 200–240 километров. И хотя большая часть пути проходила по так называемым государственным дорогам Германии (как известно, фашисты счита-

ли Польшу своей провинцией), а они были хорошо асфальтированы и почти не разрушены, всё-таки иногда обледенение асфальта, а местами ещё не засыпанные воронки от бомб, заставляли колонну передвигаться сравнительно медленно.

Госпиталь около девяти часов вечера прибыл в Бромберг. Это был большой город. Хотя он имел довольно значительные разрушения, но совсем не походил на впечатляющие развалины, которые встречались ранее в Новгороде, Пскове, а сейчас и в Варшаве, где, по существу, не уцелело ни одного дома.

Младший лейтенант подвёл колонну к какому-то довольно мрачному зданию с готическими окнами, окружённому высокой железной вычурной оградой. Подойдя к Борису, лейтенант, следовавший в голове колонны на одной из своих машин, сказал:

– Ну вот, товарищ майор, прибыли. В этом здании – са- нуправление фронта. Пройдите туда и выясните, где будем разгружаться.

Оставив главным Захарова, Борис с Павловским прошли в ворота. На крыльце их остановил пожилой солдат – часовой. Подсвечивая себе фонариком, он посмотрел удостоверения личности Алёшкина и Павловского и впустил их в здание.

Глава четвёртая

Миновав небольшую прихожую, они вошли в широкий, ярко освещённый коридор со множеством двустворчатых, довоенных, как сказал Павловский, дверей. Вся обстановка совсем не походила на фронтовое управление, даже на то, что видели наши герои в Таллине или Раквере. Здание не имело никаких следов разрушения, а помещения были обставлены с непривычной для Бориса и Павловского роскошью. В коридоре стояли мягкие кресла и диваны, окна закрывали тяжёлые светонепроницаемые шторы, а на стенах висели какие-то картины. По-видимому, до войны, да, вероятно, и во время неё, дом этот принадлежал какому-нибудь богачу, который, узнав о приближении Красной армии, улепетнул куда-то за границу.

Хотя и интересно было Алёшкину и Павловскому рассматривать приметы мирного времени, не виданные ими в течение почти четырёх лет, но пришли они сюда не за этим. Толкаться в каждую дверь и спрашивать, где находится начальник сануправления фронта, они не решались. К их счастью, какой-то немолодой капитан с папкой под мышкой проходил по коридору мимо наших друзей, не обращая на них никакого внимания. Появление его было настолько неожиданным, и шёл он так стремительно, что Алёшкин опомнился, только когда капитан уже открыл дверь одной из

комнат. Борис крикнул:

– Товарищ капитан, будьте добры, скажите, где нам найти начальника сануправления 2-го Белорусского фронта, генерал-майора медицинской службы, товарища Жукова?

Бросив удивлённый взгляд, тот довольно невнятно пробурчал:

– Пройдите по коридору до конца, поверните направо. В тех комнатах и располагается сануправление.

Сказав это, он исчез за дверью.

Алёшкин и Павловский оказались в узком коридоре без окон с четырьмя дверями по обеим сторонам. Борис рассержено заметил:

– Нас, небось, жучат, заставляют на каждом перекрёстке указатели ставить и на дверях надписи вывешивать, а сами расселись по разным комнатам – найди тут, кого надо! Где сидит этот самый генерал?

Павловский, подумав, ответил:

– Наверно, нужно пройти в самый конец коридора и зайти в последнюю дверь... Не будет начальник размещаться здесь, на проходе.

Так они и сделали. Постучав в правую крайнюю дверь, они услышали довольно приятный женский голосок, крикнувший совсем по-мирному:

– Кто там? Заходите.

В небольшой комнатке Борис и Павловский увидели большой письменный стол, заваленный какими-то папками и бу-

магами, у окна маленький столик с пишущей машинкой, а у стены большой шкаф. Около шкафа на корточках сидела девушка и раскладывала на полках папки, лежавшие на полу.

– Кто там? Что вы хотите? – спросила она, приподняв голову и отбросив со лба свесившиеся в беспорядке белокурые кудряшки.

Борис, заметив на ней погоны младшего лейтенанта, сказал:

– Поднимитесь, товарищ младший лейтенант, так говорить неудобно.

Девчушка, а она оказалась действительно совсем молоденькой, видимо, вспомнив какие-то наставления о дисциплине, быстро вскочила. Оправляя гимнастёрку, глядя в упор на человека, осмелившегося сделать ей замечание, рассмотрев его майорские погоны, она довольно небрежно спросила:

– В чём дело, товарищ майор? Что вам угодно?

– Мне угодно знать, где я могу видеть начальника сануправления фронта генерал-майора Жукова, – довольно строго сказал Алёшкин.

Девушка, очевидно, не привыкла к такому бесцеремонному обращению, да ещё со стороны какого-то майора медслужбы, поэтому она надменно подняла голову и заявила:

– Василий Григорьевич находится там, – кивнула она на дверь, выходящую в комнату, – но он сейчас занят, у него посетитель. Да и вообще, не знаю, сможет ли он принять вас

сегодня, уже поздно. Садитесь и подождите, пока посетитель выйдет. Я доложу.

Она присела и снова начала разбирать свои папки. Бориса это окончательно взорвало: «Вот обюрократились, как будто и войны нет! «Подождите, посидите»! Есть у нас время рас-сиживать, когда на площади колонна машин и более двухсот некормленных людей?» И, не обращая внимания на то, что Павловский его дёрнул за рукав, он громко и сердито сказал:

– Вот что, младший лейтенант, с вами разговаривает стар-ший по званию командир, так будьте добры, прекратить воз-ню с этими папками! Немедленно встать, идти и доложить своему начальнику, что прибыл начальник госпиталя № 27 вместе с замполитом, что люди и имущество госпиталя, по-груженные на автомашины, сейчас находятся здесь, напро-тив этого здания, на площади. Не забудьте также предупре-дить его, что если фашисты обнаружат это скопление машин и людей, то могут совершить воздушный налёт, и тогда не только моему госпиталю достанется, но и вашему зданию то-же. Идите же, идите! – повторил он громким приказным то-ном.

Девушке явно не понравилось услышанное, она упрямо встряхнула своими кудряшками, но всё же направилась к большой, обитой кожей двери, ведущей в соседнюю комна-ту. Что и как она там докладывала, конечно, никто не слы-шал, но через две минуты она вышла и уже совсем другим тоном произнесла:

– Пожалуйста, проходите, товарищ генерал вас ждёт.

Войдя в большую комнату, пол которой был устлан мягким ковром, а посередине стоял длинный стол, Алёшкин и Павловский заметили, что в углу комнаты за небольшим столиком, освещённым настольной лампой с абажуром, сидел высокий, черноволосый, с заметной на висках сединой, с большой круглой головой человек в расстёгнутом генеральском мундире. У него был прямой тонкий нос, довольно полные губы, крутой подбородок и чёрные, аккуратно подстриженные усы. Это и был генерал-майор Жуков, начальник са- нуправления 2-го Белорусского фронта. Рядом в кресле сидел круглолицый, толстенький, совершенно седой полковник медслужбы.

Борис и Павловский представились генералу, приподнявшемуся из-за стола, и, пожав поданную им руку, по его предложению уселись на стулья, стоявшие около большого стола.

– Как прибыли? Благополучно? Отставших нет? Личный состав укомплектован? Запасы продовольствия, медикаменты есть? – засыпал генерал вопросами, с уважением посмотрев на их ордена – Отечественной войны у Бориса и Красной Звезды у Павловского. – Я вижу, мне прислали боевых людей, это хорошо. А то ведь обычно присылают по принципу «на тебе, Боже, что мне негоже». Надеюсь, что в этом случае эта пословица не подтвердится.

Не дожидаясь ответа на свои вопросы, генерал продолжал:

– Впрочем, всё это выяснить придётся вам, – повернул-

ся он к толстячку. – Вот, товарищи, это начальник ПЭП-407 (ПЭП – полевой эвакуационный пункт. Прим. ред.), полковник медслужбы Крестовский. Он будет вашим опекуном и административным начальником, ну а оперативным буду непосредственно я. Таково решение командующего фронтом маршала Рокоссовского. Может быть, он сам или член Военного совета генерал Рузский будут давать вам распоряжения, пока же разместитесь здесь, по указанию товарища Крестовского. Завтра пересортируйте своё имущество, он расскажет, каким образом. Одним словом, на всё устройство даю вам двое суток. Послезавтра вы, товарищ майор, явитесь с докладом ко мне. Ясно?

Посетители встали, и Алёшкин громко произнёс:

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну вот и хорошо. Товарищ Крестовский, берите своих подопечных и ведите их, куда мы договорились. До свидания, товарищи.

Борис и Павловский кивнули и направились к выходу вслед за Крестовским. Усаживая их в свою старенькую «эмку», полковник приказал шофёру:

– Поехали в наш посёлок, – а, обернувшись к Борису, – прикажите колонне следовать за нами.

Борис открыл окошко машины и сказал стоявшему рядом Захарову:

– Ведите колонну за «эмкой».

Ехали примерно с час и очутились на окраине города.

Машины остановились на тихой, хорошо асфальтированной улице, вдоль тротуаров которой были посажены какие-то деревья, рядом стояли небольшие двухэтажные коттеджи. Крестовский сказал:

– Приехали. С правой стороны этой улицы дома свободны, занимайте их. В них ещё никто не жил после ухода немцев, так что вам придётся всё здесь привести в порядок. Почините, вставьте стёкла в окна и двери, нагреете дома – каждый из них имеет собственное паровое отопление, – ну, одним словом, сделайте их пригодными для жилья. Сейчас поздно, пока займите каких-нибудь два домика, а завтра разберётесь как следует и можете занять сколько будет нужно, чтобы нормально разместить весь личный состав. А всё имущество пока разгрузите вот в этом большом дворе, завтра рассортируете. Да, вот ещё что, товарищ Алёшкин, весь медперсонал, врачей и медсестёр с завтрашнего утра отправьте для работы во фронтовых госпиталях, оставьте только тех, кто материально ответственен. За теми, кого вы выделите, я завтра пришлю автобус. С остальными людьми будете устраиваться на жильё. Очевидно, это место будет вашей базой, по крайней мере, мы так договорились с генералом Жуковым. Ну, а там дело покажет... Спокойной ночи!

Крестовский захлопнул дверцу машины, мотор фыркнул, и через несколько минут «эмка» исчезла в темноте улицы.

Борис с помощником по хозяйственной части зашли в первый же домик, около которого остановился их «козлик».

Когда Захаров повернул выключатель, нащупанный им при входе, под потолком вспыхнула лампочка – в домах было электричество. Вот это здорово! Быстро осмотрев ещё два дома, Алёшкин и Захаров разместили в них медсестёр, врачей и дружинниц, приказав закрыть все окна, которые не имели затемнения, плащ-палатками, разбитые стёкла чем-нибудь заткнуть. Как всегда, на полу валялось множество мусора, бумаги, консервных банок, бутылок, предметов одежды – главным образом, эсэсовского обмундирования. Пока решили не обращать на это внимания и устраиваться, как придётся. Все очень устали и думали только о том, чтобы поскорее уснуть. Но большинству мужчин-санитаров, шофёров и, конечно, Алёшкину с Захаровым было не до этого, они приступили к разгрузке машин. Пока всё имущество складывали в общую кучу на дворе, указанном Крестовским. Там же поставили и кухню, около которой повара уже приступили к приготовлению завтрака. В этот вечер пришлось обойтись без ужина, впрочем, как и без обеда.

Разгрузку машин закончили только к трём часам ночи. Отпустили машины автороты, свои поставили вдоль улицы, поближе к деревьям, выставили часовых и отправились в один из домов, чтобы поспать там хотя бы три-четыре часа.

Бориса и Захарова встретил на пороге ближайшего от склада имущества домика Игнатъич, который позвал их за собой, привёл на второй этаж. Там, под самой крышей находились две небольшие комнатки, в которых он уже успел

прибрать. Почти не раздеваясь, Борис и Захаров рухнули на кровати и сразу же заснули. Проводив командиров в их комнаты, Игнатъич сказал, что он будет спать внизу, где разместились работники штаба.

В течение двух дней дружинницы и санитары двадцать седьмого госпиталя проделали большую работу и привели во вполне приличный вид пять домов, каждый из которых состоял из 4–5 комнат и кухни. В подвалах были печи и запасы торфяных брикетов, действовал водопровод, канализация, электричество, водяное отопление.

В первом доме разместился штаб со всеми своими работниками и кухня. Большая плита и котёл имелись в доме, а громадными кастрюлями повара запаслись ещё в Таллине. Свои походные кухни решили беречь. Второй этаж занимали Алёшкин и Захаров. В соседнем доме разместились врачи, ещё в одном жили медсёстры, на втором этаже – Павловский, в остальных домах поселились дружинницы и санитары. Все дома были двухэтажными, хотя верхний этаж часто представлял собой мансарду.

Впоследствии выяснилось, что это был посёлок эсэсовцев, охранявших находившийся около города лагерь военнопленных. Некоторые жили здесь с семьями, занимая по целому дому. Наших людей, привыкших к тесным коммунальным квартирам, удивляла и возмущала подобная роскошь с жильём. Ведь даже при вполне приемлемом размещении почти две сотни человек личного состава госпиталя занимали все-

го пять домов, а в посёлке их было около сорока! «Как же шикарно жили эти фрицы! И чего их чёрт к нам потянул!» – говорили некоторые санитары.

С приближением Красной армии все эти эсэсовцы бежали на запад, угнали с собой часть военнопленных, менее трудоспособных уничтожили. Разумеется, всё это Борис и его подчиненные узнали гораздо позже, а пока оба первых дня были до предела насыщены работой по сортировке, рациональному складированию имущества и обустройству жилищ.

Как мы знаем, уже со следующего утра все врачи, операционные и палатные медсёстры были увезены специальным автобусом куда-то в центр города. Привезли их обратно только поздним вечером. Они рассказали, что весь день, с небольшим перерывом на обед, работали в госпитале, подменив собою его персонал, буквально валившийся с ног от усталости. В течение дня туда несколько раз наведывался полковник Крестовский. Раненых поступало очень много, большинство из них доставлялись автотранспортом, но приходили и поезда-летучки. Как заявила Катя, обработаны раненые были неважно, и фронтовому госпиталю во многих случаях приходилось выполнять функции хирургического подвижного госпиталя первой линии, а персонал его к этому не был готов. Помощь медработников хирургического госпиталя № 27 пришлась очень кстати.

Помня приказ генерала, Борис к 18:00 второго дня на своём «козлике», который Лагунцов постарался привести в наи-

более благопристойный вид, подъехал к расположению штаба тыла фронта – так, оказывается, называлось учреждение, где находилось сануправление. На этот раз секретарь начсанупра встретила его как знакомого и, доложив генералу, вежливо пригласила войти. Когда Борис оказался в кабинете Жукова, он в некоторой нерешительности остановился на полдороге. В одном из кресел сидел ещё один генерал, имевший звание генерал-полковника. Это был крупный, довольно полный мужчина, с седыми волосами и небольшой круглой лысиной на самой макушке. Из-под густых чёрных бровей на Бориса глянули острые, тёмные глазки (именно глазки – они казались почему-то очень маленькими на его большом лице с приплюснутым носом).

Алёшкин быстро опомнился, подошёл к сидевшим и, обращаясь к старшему по званию, громко и чётко произнёс:

– Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться к генерал-майору, товарищу Жукову.

Тот улыбнулся, встал и, повернувшись к Жукову, сказал:

– Ну вот, а ты жаловался на своих медиков, что они не знают порядка военной службы! Вот прямое доказательство противного – рапортует как строевой командир! Кто вы такой? – повернулся он к Борису.

– Начальник двадцать седьмого хирургического полевого госпиталя, майор медслужбы Алёшкин, прибыл с Ленинградского фронта.

– А-а, вот оно что, вовремя же вы явились, мы как раз про

вас говорили! Если вы будете в работе также исполнительны, как в обращении к начальству, думаю, что маршал будет доволен. Итак, товарищ Жуков, действуйте, как договорились, а я пошёл, до свидания.

Борис вытянулся, а Жуков встал из-за стола. Генерал-полковник пожал им руки, надел на голову фуражку и неторопливыми твёрдыми шагами направился к выходу. Когда дверь за ним закрылась, Жуков сел и жестом предложил сесть Борису.

– Это был начальник тыла нашего фронта, генерал-полковник Лагунов. Сейчас товарищ Алёшкин, я расскажу вам о задании, которое будет стоять перед вашим госпиталем. Понимаете, наши войска ведут такое интенсивное и быстрое наступление, что армейские госпитали и даже медсанбат не всегда успевают за своими соединениями, ведь потери в боях с отступающими фашистами порой бывают ощутимыми, и эти учреждения, отяжелев от нетранспортабельных раненых, застревают. В некоторых местах это создает провалы в медобеспечении. По предложению Военного совета фронта в сануправлении создана группа госпиталей, которые можно было бы бросать в узкие места, чтобы, приняв на себя первый поток раненых, затем передать их высвободившимся за эти дни армейским, а может быть, даже и фронтовым госпиталям. Иногда какой-либо из этих резервных приходится направлять и для выполнения других заданий. Разумеется, госпитали в таких обстоятельствах должны быть на самом де-

ле подвижными, способными сняться с места и развернуться на другом за несколько часов. Указание о необходимом месте развёртывания такой госпиталь будет получать непосредственно от Военного совета фронта, разумеется, через меня. ПЭП в данном случае будет служить только источником материально-медицинского снабжения, ну и иногда может быть помощью в медицинских кадрах, хотя последнее, по-моему, вам и не понадобится. За эти дни, как докладывал полковник Крестовский, ваши люди, медики, показали себя на практической работе с хорошей стороны, теперь дело только за вами, за вашей оперативностью, за оперативностью ваших хозяйственников, да и за работой вашей, как хирурга, вы ведь одновременно и ведущим хирургом являетесь. Надеюсь, что не подведёте. Учитывая то, что я сказал, вам нужно, прежде всего, освободиться от всего лишнего барахла, в том числе от палаток. В лесах больше останавливаться не будете, теперь это опаснее. Какая-нибудь заблудившаяся группа отступающих может в лесу наткнуться на госпиталь, и придётся принимать неравный бой. Жить и работать вам предстоит в городских помещениях: больницах, госпиталях, школах. Кстати, в польских городках, да наверно, и в немецких, подходящих зданий сохранилось немало, не то, что там у вас, под Ленинградом. Будете возить с собой личный состав, медикаменты, необходимое продовольствие, запас горючего. Ну, ещё нужно брать и носилки. Вот и всё. Для этого должно хватить собственного транспорта. Кстати, у вас лич-

но легковая машина есть?

Борис смутился:

– Есть-то есть, да она еле ползает...

– Ну, это не годится! – Жуков снял трубку телефона. – Мне «второго». Николай Александрович, тут одному из моих начальников госпиталя... Да, вновь прибывшему (вы ведь знаете, какой у него будет характер работы), нужна хорошая легковая машина. Из трофейных? Ну что же, подойдёт. Завтра утром от него шофёр приедет на склад, дайте распоряжение. Благодарю, до свидания.

Затем он повернулся к Борису:

– Вот, вопрос разрешён, у вас шофёры хорошие?

Заметив утвердительный кивок Алёшкина, продолжал:

– Ну так вот, завтра пошлите самого опытного на трофейный склад, он на противоположном конце города. Пусть он подберёт для вас подходящую машину, завтра вечером вам уже предстоит на ней ехать. Только что генерал Рузский, член Военного совета фронта передал нам приказание командующего, это приказание мы с генералом Лагуновым и обсуждали. Вам придётся выехать в город Грауденц, – и Жуков показал карандашом на городок, находившийся северо-западнее Бромберга. Карта, по которой ориентировался генерал, лежала у него на столе.

– Сейчас я вам расскажу вашу задачу. Курите? – он подвинул к Борису пачку каких-то чудных сигарет. – Трофейные, американские...

Затем он вышел из-за стола и, сев напротив Алёшкина, рассказал о предстоящей работе госпиталя.

Василий Григорьевич Жуков в нескольких словах обрисовал положение на 2-ом Белорусском фронте, обратив внимание на то, что командующий фронтом маршал Рокоссовский, выполняя указания председателя Совета обороны товарища Сталина, стремился не отрываться от противника и как можно быстрее пересечь границы германского рейха, чтобы с севера содействовать войскам маршала Жукова, наступавшего на Берлин. Поэтому особо укреплённые города в Польше, бывшем генерал-губернаторстве, войска фронта обходят, оставляя вокруг них незначительные заслоны, ведущие уличные бои, например, Торн, Познань, Грауденц и вот этот город Бромберг, который на тот момент находился во фронтовом тылу, примерно в 150–160 километрах от линии фронта, а взят был нашими войсками всего несколько дней назад. То же самое происходило и в других городах, где имелись крепости, в которых засели недобитые фрицы. Иногда гарнизоны этих крепостей насчитывали несколько тысяч солдат и офицеров. Остальная часть города находилась уже в руках Красной армии. Таким образом, в городе шли бои, и местное население страдало от артиллерийского огня.

– Оказание медпомощи в этих городках только что сформированное польское правительство организовать не могло, по договорённости с Верховным эта работа возложена на нас. Так что, товарищ Алёшкин, вам предстоит принять уча-

стие в этой операции. Есть такой город Груденц, вот он, – генерал ещё раз показал на карте город. – Большая часть города в наших руках, а в крепости и на близлежащих улицах – фашисты. От артиллерийского и миномётного огня погибает много жителей, они не смогли своевременно выехать из города. По донесениям, среди населения много раненых, и им не оказывается никакой медпомощи. Медицинские учреждения соединений, ведущих бои за город, перегружены своими ранеными, эвакуация их налажена ещё плохо, они оказать помощь гражданскому населению не могут. Вам с вашим госпиталем надлежит срочно выехать в Грауденц, подобрать там подходящее помещение и организовать оказание необходимой медпомощи раненым гражданам Польши. Понятно, что эти раненые сами к вам не придут, они, вероятно, прячутся в развалинах зданий, где-нибудь в подвалах, пытаются лечиться своими средствами. Возможно, какую-то помощь местные врачи и оказывают, но в их распоряжении нет, конечно, тех возможностей, какие есть у вас. Открыв свой госпиталь для польского населения, разыскав и поместив в него раненых, постарайтесь найти и мобилизовать себе в помощь оставшихся в городке польских врачей, фельдшеров, медсестёр, чтобы через некоторое время, когда наши части принудят окружённый гарнизон к капитуляции и сами покинут город оставить там лечебную базу, способную организованно обслуживать оставшихся раненых. Есть предположение, что гарнизон в Грауденце смо-

жет продержаться не более 10–12 дней, так что примерно через это время ваш госпиталь освободится, если, конечно, вы успеете организовать польский гражданский лазарет, о котором мы говорим. Ну как, задача понятна?

– Так точно, товарищ генерал. Когда прикажете приступать к исполнению?

– Вот что, товарищ Алёшкин, называйте меня или товарищ Жуков, или Василий Григорьевич, это, во-первых. Не люблю я этих титулов! А во-вторых, приступать к выполнению нужно немедленно. У вас запасы продовольствия и медикаментов достаточны?

– Я думаю, что недели на две интенсивной работы хватит.

– Так учтите, что вам придётся развернуться не на штатные двести коек, а, вероятно, больше.

Борис усмехнулся:

– Товарищ Жуков, нам не привыкать. Под Ленинградом, да и в Эстонии, мы одновременно обслуживали и до тысячи человек.

– Это хорошо, что у вас уже имеется опыт. Сколько времени вам понадобится на погрузку? Имейте в виду, в основном, всё необходимое нужно будет везти своим транспортом. Я смогу дать только две-три машины.

Алёшкин подумал несколько секунд, затем сказал:

– Я думаю, товарищ генерал-майор, что за два-три часа мы погрузимся и к утру будем в Грауденце.

– Хорошо. Только учтите, ехать будете исключительно по

основным дорогам: они проверены, разминированы, и по ним уже идёт интенсивное движение, они более безопасны. Если поедете по так называемым просёлочным, они здесь тоже асфальтированные, можете и на мину, и на какой-нибудь бродячий отряд фашистов натолкнуться. Вот ваш маршрут.

Жуков взял лежавшую перед ним карту и, двигая кончиком карандаша по обозначенной красной краской дороге, перечислил:

– Отсюда поедете до Торна, то есть на восток. Затем повернёте на север, через Гюбнезее, Стобру, доберётесь до Грауденца. Путь длиной всего в 120 километров, но дорога местами попорчена, взорваны мосты, всё это затруднит движение. Однако я надеюсь, что часов в восемь утра вы будете в Грауденце, и не позднее 12:00 приступите к работе. По прибытии обратитесь к генералу Комарову, командующему группой войск, сражающихся за Грауденц. Он порекомендует место, где можно развернуться, и сообщит мне по радио о вашем прибытии. От вас я жду письменного донесения о начале работы завтра к вечеру, пришлёте с нарочным. В первый рейс возьмите как можно больше людей и самое необходимое имущество. За тем, что здесь останется, пришлёте свои машины вторым рейсом. Я распоряжусь, чтобы на первый рейс Крестовский выделил вам из эвакуопункта два ЗИС-5. Думаю, что через полчаса они подъедут. Из Грауденца выедете, даже если всё организуете раньше, только по моему приказу. Сейчас мы вам удостоверение заготовим.

Жуков нажал кнопку звонка, через несколько секунд в дверь вошла девушка-лейтенант, которую Борис уже знал. Генерал обратился к ней:

– Пишите: удостоверение. Дано настоящее начальнику 27 хирургического передвижного полевого госпиталя, майору медслужбы Алёшкину... – он на секунду запнулся.

Борис догадался, почему он остановился, и подсказал:

– Борису Яковлевичу.

– Борису Яковлевичу, – повторил Жуков. – Что ему поручается организовать медицинское обслуживание гражданского населения города Грауденца, пострадавшего во время боёв за город. Просьба к военачальникам частей и соединений Красной армии, находящихся в городе и его окрестностях, оказывать товарищу Алёшкину максимальное содействие и помощь. Член Военного совета 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Рuzский. Начальник сануправления фронта генерал-майор Жуков. Это удостоверение немедленно напечатайте, я его подпишу. Пошлётё с нашим связным на подпись генералу Рuzскому, а затем, поставив печать, отдадите товарищу Алёшкину, он скажет, где его искать.

Борис возразил:

– Товарищ Жуков, не надо меня искать, пусть это удостоверение лежит здесь, я поеду мимо, найду и возьму.

– Ну что же, хорошо, пусть оно останется у дежурного. А вы, когда будете его брать, отметьте время. Таким образом

мы будем знать точное время вашего выезда из Бромберга.

Отпустив кивком головы секретаршу, Жуков встал и, протягивая вскочившему вслед за ним Борису руку, сказал:

– Итак, приступайте к работе. Желаю вам успеха, да смотрите, не зарывайтесь, берегите своих людей. Счастливо!

Борис, ответив на рукопожатие, почти выбежал из кабинета: «Наконец-то началось настоящее дело!»

В девять часов утра следующего дня, проведя всю ночь и утро в дороге, госпиталь № 27 остановился на обочине дороги, в километре от окраины города Грауденца. Предъявив начальнику караула, находившемуся у въезда в город, удостоверение и получив от него информацию о генерале Комарове, Борис на своём почти новеньком «опель-капитане» мчался к указанному домику.

Несколько слов о машинах. Как мы помним, генерал Жуков договорился с начальником тыла фронта о выделении начальнику госпиталя № 27 одной легковой машины из числа трофейных. Борис немедленно послал Лагунцова на трофейный склад. Тот, очутившись среди прекрасных автомобилей, поначалу растерялся. Его выбор остановился на отличном семиместном лимузине «мерседес-бенц». Он объявил сопровождавшему его кладовщику, тоже сержанту, что берёт эту машину. Тот согласился, но когда они зашли в канцелярию начальника трофейного склада, чтобы оформить документы на машину, последний отказал:

– Ишь ты, чего захотел! Кто твой начальник по званию-то?

– Майор медицинской службы.

– Майор – невелика птица! – засмеялся начальник склада, сам имевший звание капитана. – У нас такие «мерседесы» не всем генералам достаются. Выбирай что-нибудь попроще. Да вот, смотри, тут у дверей стоит, только что из гаража какого-то эсэсовца пригнали. Машина новенькая, в отличном состоянии, «опель-капитан». Бери, не пожалеешь.

Лагунцову понравилась эта машина. Вместе с шофёром она могла вместить пятерых, и, следовательно, превосходила их старый «козлик». Таким образом Алёшкин и стал обладателем этой машины. Но настырный Лагунцов всё-таки на этом не успокоился. Он выпросил у начальника трофейного склада ещё и немецкий грузовик – немного повреждённый, но на ходу. Со своими ребятами Лагунцов рассчитывал починить его за несколько дней. Впоследствии эта машина очень помогла госпиталю при передислокациях.

Глава пятая

Но вернёмся к переезду в Грауденц.

Когда Борис с Захаровым подъехали к указанному домику, то у его дверей были остановлены часовым, вновь проверившим их документы. Затем им навстречу вышел вызванный часовым старший лейтенант, проводивший их внутрь. Домик этот, видимо, когда-то принадлежал садовнику или огороднику, со всех сторон его окружали плодовые деревья и кустарники. По размерам он был очень мал, и Алёшкин удивился, как такой большой начальник, возглавлявший целую группу войск из нескольких дивизий, выбрал для своего жилья такое маленькое помещение. Впоследствии он узнал, что штаб группы находился в трёх километрах южнее, в помещицьем доме, а здесь помещался только наблюдательный пункт, где командующему, собственно, и быть-то не положено, но где он находился почти постоянно, лично руководя действиями артиллерии.

Старший лейтенант, приведший Бориса, доложил о нём майору, стоявшему у окна, а тот, сделав предостерегающий жест, задержал прибывших возле двери, а сам направился в глубину комнаты к столу, на котором стояло несколько телефонных аппаратов. По одному из них разговаривал, вернее, кричал злым голосом какие-то не совсем понятные слова, упоминая почему-то огурцы, баклажаны и другие овощи,

переплетая фразы довольно крепкой бранью, ещё совсем молодой генерал.

Как только он закончил свою беседу, майор подошёл к нему и что-то тихо сказал. Генерал повернулся к двери и недовольным тоном приказал:

– Подойдите ближе.

Борис подошёл на несколько шагов и в соответствии с воинским уставом, в долбленном ему ещё в 1929–1930 годах, чётко отрапортовал:

– Товарищ генерал-майор, 27 хирургический передвижной полевой госпиталь, по распоряжению Военного совета 2-го Белорусского фронта, прибыл в город Грауденц для оказания медицинской помощи местному населению. Начальник госпиталя майор медслужбы Алёшкин.

Лицо генерала немного прояснилось. Указав на стоявшую перед столом лавку, он сказал:

– Садитесь. Далеко ваш госпиталь?

– В одном километре отсюда.

– Эх, кабы мои госпитали так передвигаться умели! А то застряли где-то километрах в пятнадцати, не знаю, когда и догонят нас, если мы быстро управимся. Хотя тут довольно крепкий орешек: засели в крепости тысячи четыре эсэсовцев и держат под огнём всю северную часть города. Наши сидят в восточной и южной, посылать их на штурм жалко – как-никак, а войне скоро конец, зря губить людей не хочется. Вот и долбим фрицев артиллерией да авиацией.

Тут Борис понял странный разговор генерала по телефону. Он вспомнил, что по существовавшему коду «огурцами» называли тяжёлые снаряды, а «баклажанами» – авиационные бомбы.

– Фрицы отвечают, но больше попадают не по нашим войскам, а по местному населению, а у тех всё разлажено. Никаких действующих больниц нет, врачи, какие остались, попрятались по подвалам. Кое-кто из них в подвалах маленькие лазареты организовал, как сообщили разведчики, но это капля в море. Представители польского правительства просят помочь, вот я и обратился к маршалу Рокоссовскому, ведь у меня-то никаких медиков нет. Быстро откликнулись! Только вчера утром шифровку по радио отправили, а сегодня – пожалуйста, госпиталь! Что там, у него в резерве много, что ли вас?

Борис смущённо ответил:

– Не знаю, товарищ генерал. Мы сами из Эстонии три дня тому назад приехали.

– А, ну тогда понятно.

– Товарищ генерал, где вы мне посоветуете развернуться?

– Где? Надо подумать... Вот что, я надеюсь, что вы и моих бойцов хоть немного, пока мои госпиталя подтянутся, обслужите, поэтому развернуться вам надо коек на пятьсот. Сумеете?

– Мы к этому привычны, развёртывались и на большее.

– Ну что же, хорошо. Товарищ Васильев, – обратился ге-

нерал к майору, – проводите начальника госпиталя к зданию училища, в котором раньше немецкий лазарет был. Это отсюда километра два, ближе к центру города. Туда, правда, снаряды и мины долетают, но я думаю, что это вас не испугает. Когда развернётесь, мне доложите, можете связного прислать. Ну, всего хорошего.

Борис попросил генерала сообщить начальнику сануправления Жукову о прибытии госпиталя, затем вместе с Васильевым вышел из домика. У сопровождающего оказался мотоцикл, а Борис залез в свой «опель», где его дожидался Захаров. Прежде чем тронуться в путь, Алёшкин отправил одного из автоматчиков к оставленной колонне с приказанием следовать за ними.

Очень быстро по хорошей дороге, окружённой полуразрушенными домами, они подъехали к трёхэтажному кирпичному зданию, каким-то образом уцелевшему среди мелких домов. Борису сразу это место не понравилось: здание торчало, как пуп на ровном месте, так он и сказал майору. Как только вокруг него начнётся интенсивное движение людей и транспорта, фашистам из крепости будет легко накрыть его артиллерией или даже миномётами.

Кроме того, когда они втроем с Захаровым и Васильевым обошли здание, то убедились, что для быстрой эксплуатации оно совершенно непригодно: в нём не осталось целым ни одного окна, были разбиты и многие внутренние двери. Угол третьего этажа был разрушен прямым попаданием сна-

ряды. Кроме того, очевидно, внутри здания происходил бой, многие стены были изрешечены пулями, виднелись следы от разорвавшихся гранат. Более того, в некоторых комнатах валялись ещё не убранные, начавшие разлагаться трупы фашистских солдат, поэтому в здании стояло зловоние. Чтобы привести его в мало-мальски пригодное состояние, нужно было потратить минимум неделю.

– Нет, – заявил Алёшкин, – это нам не подойдёт. Поедем искать другое помещение.

Оставив колонну машин около этого здания, Борис, Захаров и Васильев поехали по направлению к центру города. На этот раз Васильев сел в машину Алёшкина. Полчаса езды по разным улицам, где стояли большей частью полуразрушенные дома, не дали ничего. Борис уже стал возвращаться мысленно к тому зданию, от которого только что отказался. В очередной раз выбравшись из машины для осмотра какого-то дома, по-видимому, школы, он заметил пожилую женщину, торопливо переходившую большой двор. Она вышла из одного подвала и очень быстро проследовала к другому. В руках она держала вёдра с водой. Алёшкин подбежал к ней и, пользуясь своими скудными знаниями польского языка, обратился с вопросом:

– Пше прашаем пани, я шукам помещение, где мог бы развернуть госпиталь, для лиц гражданских поляков.

– Ой, пане, вы естес поляк? – с радостным возбуждением воскликнула женщина, ставя вёдра на землю. – Вы маєте

видкрыть лечебницу? Ой, як гарно, бардзо добже. О тут в подлоге маю триех ранетых, там теж е. А, хвилину... Який вам дом тшеба? О тут за рогом улицы, е великий будынок. Раньше там була детця мисцова больница. Потом немцы свий лазарет зробили. Здається, що те домина цел.

По её исковерканному языку Борис догадался, что перед ним не полька, и он спросил:

– А пани полька?

– О, ни, я вкраинка, мне сюды с пид Полтавы привезли. Я тут у одного пана ээсовца в наймичках жила. Вин поихав, а я поки не могу иттить до дому. По ту ранетые есть, я им трохи помогаю.

– Спасибо, тётю. Через день мы ваших раненых заберём и покладём в госпиталь, и вы сможете уехать на ридну Украину. Зараз пойдём побачим дом.

Борис быстро вернулся в машину и, ничего не говоря своим спутникам, приказал Лагунцову ехать вперёд, через квартал завернуть направо. Проехав шагов двести, они очутились перед высокой железной оградой, внутри которой росло несколько рядов деревьев и виднелся большой двухэтажный дом. Въехать в ворота и остановиться у широко распахнутой парадной двери здания было делом пары минут. А ещё через полчаса, обойдя весь дом и убедившись в его почти абсолютной целости, наличии в нём не менее двухсот кроватей, операционной, в которой даже валялись инструменты, исправным водопроводом и относительно небольшой захламлённо-

стью, Борис отправил Захарова за госпитальной колонной. Вместе с ним уехал и Васильев, обещая доложить о найденном помещении генералу Комарову.

Васильев неоднократно бывал в занятой Красной армией части города и, хотя этого здания и не замечал, тем не менее, ориентируясь по плану города, сообщил, что дом находился менее чем в километре от передовой и не подвергался миномётному и артиллерийскому обстрелу, вероятно, потому, что обе стороны боялись попасть в своих. Ему это здание тоже понравилось, но он считал, что такое близкое соседство с противником всё же опасно. Однако Борис заверил его, что им приходилось стоять ещё ближе к фашистам и что в его госпитале люди не из трусливых, но поскольку большая часть санитаров и дружинниц будет занята поисками и переноской раненых поляков, по всей вероятности, прятавшихся по подвалам, было бы очень хорошо, если бы для охраны госпиталя прислали роту, или хотя бы взвод, бойцов на тот случай, чтобы дать отпор прорвавшимся группам фашистов. Васильев обещал доложить генералу.

Вечером этого же дня Алёшкин отправил донесение начальнику сануправления фронта, генералу Жукову о начале работ госпиталя № 27 в городе Грауденце. Донесение увёз Лагунцов. Он торопился в Бромберг, чтобы закончить ремонт раздобытой им трофейной грузовой машины и пригнать её в Грауденц. По пути он передал рапорт начальнику группы войск, ведущей осаду крепости, чтобы это донесение

было передано в штаб фронта по радио.

Всю ночь и утро следующего дня санитары, дружинницы и медсёстры, закончившие к тому времени развёртывание госпиталя, группами по 3–4 человека бродили по подвалам домов и приводили или приносили поляков, главным образом стариков, женщин и детей, в помещение госпиталя.

Алёшкин, по предложению Игнатъича, обследовавшего окрестности, разместился в небольшом одноэтажном, совершенно целом домике, окружённом палисадником. В нём было четыре комнаты и кухня. Одну из комнат занял Борис, Игнатъич с Джеком поселились на кухне. Осмотрев помещения, Алёшкин приказал Игнатъичу сообщить о трёх свободных комнатах врачам Минаевой, Батюшкову, Феофановой и предложить им поселиться там. Большинство врачей со всем персоналом госпиталя разместилось на втором этаже основного здания. Оно охранялось часовыми, а домик, найденный Игнатъичем, в зону охраны не попадал – он стоял в стороне, метрах в полуторах.

Между прочим, Феофанова сказала:

– Нет, я уж лучше здесь со всеми останусь, немцы-то ведь близко. Кто их знает, что может случиться.

Однако ни Бориса, ни Игнатъича это не пугало. Они надеялись на верного сторожа Джека, да и вооружены были достаточно хорошо. Кроме того, Алёшкин полагал, что немцы сидят в крепости, а часть города вокруг неё – ничейная зона. Впоследствии выяснилось, что это не так, но пока...

Борис очень устал после двух почти бессонных суток, к тому же в дороге вдобавок ещё и простудился. Он решил в эту ночь отдохнуть. Как-никак, а приказ выполнен, госпиталь развёрнут, раненых поляков уже разыскивают. Пока нашли всего несколько человек. С их обработкой справятся остальные врачи, и он со спокойной душой улёгся в приготовленную Игнатъичем кровать, укрылся толстым меховым одеялом, перед сном выпил двойную дозу аспирина и вскоре спал таким крепким сном, что любой фашист мог его взять голыми руками.

Катя во главе одной из групп отправилась на поиски раненых. Ей удалось хорошо отдохнуть до этого, а развёртывание операционно-перевязочного блока уже за трудную работу не считалось. Собиралась отправиться в поисковый поход и старшая медсестра Журкина, но Алёшкин ей это категорически запретил. Она была уже пожилой женщиной, и ползание по тёмным подвалам оказалось бы слишком тяжёлым для неё.

Проснулся Борис от странной тишины. Вчера, когда он ложился спать, шла интенсивная артиллерийская перестрелка. Снаряды с характерным свистом и шелестом проносились где-то высоко над госпиталем, разрываясь или впереди в крепости, или далеко позади, в расположении артиллерийских позиций окружавших город частей. Сегодня было непривычно тихо.

Борис чувствовал себя лучше. Голова не болела, озноб,

который мучил его вчера вечером, прекратился. Когда он приподнялся, то почувствовал небольшую слабость и головокружение, но на такие мелочи в то время внимания не обращали. Он сел и начал одеваться. В комнате было довольно прохладно, а большая чугунная печь, стоявшая в углу комнаты, оказалась холодной. Около неё лежала куча дров.

Борис позвал Игнатъича, чтобы затопить печку, однако тот не отозвался. Не вбежал в комнату, сообщавшуюся с кухней, и Джек, что он непременно сделал бы, услышав голос хозяина. Борис удивился: «Куда же они подевались-то?» – подумал он. И надо сказать, понимание того, что он здесь один, его встревожило. Он поднялся, прошёл на кухню и, убедившись, что там никого нет, вернулся в комнату, растопил печку, поставил чайник, чтобы разогреть, а затем решил пойти и выяснить, в чём дело. Затем вновь задумался: «А вдруг госпиталь заняли немцы, а меня просто не заметили? Проспал госпиталь? Вот это да!» От таких мыслей ему стало не до чая, он поспешил к зданию, занимаемому госпиталем. По дороге Борис слышал стук, издаваемый движком, и это его немного успокоило. Света в городе не было, станция разрушена, но, если движок работает, значит в госпитале всё должно быть в порядке.

Подходя к ограде, он видел, как сюда подводили и подносили женщин, детей, стариков почти непрерывным потоком. Многие из них были неумело перевязаны, видимо, первыми попавшимися под руку тряпками, кое-кто вообще не

имел никаких повязок. Все они выглядели очень истощёнными.

Борис торопливо пересёк двор госпиталя, когда навстречу ему попался Игнатъич с лопатой на плече и каким-то странным выражением лица. Алёшкин встревожился:

– Игнатъич, что случилось? Ты что такой?

Игнатъич смахнул со щеки слезу и печально сказал:

– У нас Джека больше нет.

– Как это нет?

– Да так и нет... Пристрелили его...

– Кто пристрелил? За что?!!

– Не знаю, должно быть, кто-нибудь из наших автоматчиков, разведчиков. Они ведь по этой части города выходы к крепости ищут. Наверно, увидели его, решили, что это немецкая собака, и пристрелили.

– Да ты откуда это знаешь? Видел, что ли, или рассказал кто?

– Нет... Я его вчера вечером гулять выпустил. Думал, что он, как всегда, через полчаса или через час лапой заскребёт в дверь. А тут нет. Я заснул, проснулся часов в шесть – Джека нет. Где же он, думаю, неужто заблудился, а может, кто и приманил? Да ведь он не такой, ни к кому не пойдёт. Ну, вышел я, чтобы поискать его, зову, свищу – Джека нет. Пошёл я вокруг побродить, свернул в один переулок, в другой, там тропка к кладбищу идёт, я по ней решил пройти. Шагов двадцать прошёл, смотрю, собака убитая на дороге лежит.

Посмотрел ближе – Джек! Уже и закоченел. Наверно, вечером пристрелили, прямо в голову. И так мне его жалко стало, как человека прямо! Ну, думаю, прожили мы с Джеком и блокаду, и сквозь пол-России прошли, вот теперь уже и в Польше... Не могу его я так бросить, дай похороню как следует. Вернулся в госпиталь, взял у старшины лопату, пошёл к тому месту, куда его с дороги оттащил, вырыл там яму, закопал его. Теперь вот домой иду, помяну его.

– Ну ладно, иди. Вечером вместе ещё Джека помянем. Жаль пса! Я к нему тоже здорово привык. Главное, так нелепо погиб-то...

Алёшкин направился в здание госпиталя. В операционно-перевязочном блоке работа шла полным ходом. В помещении, отведённом под сортировку, находилось человек тридцать поляков разного возраста и пола. Среди них ходил доктор Батюшков, выявлял, нет ли терапевтических и инфекционных больных, таких он немедленно с санитаром направлял в отдельную палату.

Из его рассказа Борис узнал, что Минаева и Феофанова работали всю ночь. С вечера народу было немного, но теперь наши группы приводили и приносили всё новых и новых раненых и больных.

– У многих дистрофия, – сказал он. – Оба врача уже выбились из сил.

Борис надел халат, прошёл в операционный блок и потребовал, чтобы Минаева и Феофанова немедленно шли отды-

хоть, а он весь день намерен работать вместе с врачом Прянишниковым, которого им дали в эвакуопункте и который за это время тоже отдохнул.

От Батюшкова Алёшкин узнал, что одна группа обнаружила польского врача-терапевта, который уже присоединился к работе с больными.

– Между прочим, – сказал Батюшков, – начальник аптеки Иванченко нашла в подвале этого дома аптечный склад, в котором много медикаментов и перевязочного материала.

Это известие обрадовало Бориса, он подумал: «Ну, значит, теперь в Бромберг за этим посылать не придётся, только за продуктами. Генерал Жуков говорил, что продсклады должны подойти со дня на день. Пока-то ещё, наверно, дней на пять хватит. Надо будет позвать Захарова, выяснить».

Но этого делать не пришлось. К нему подошла Шуйская, она только что бегала в аптеку за какими-то медикаментами и на дворе видела Игнатьича. Борис сказал:

– Ты бы шла отдохнуть, ведь всю ночь по подвалам лазила, наверно, устала.

– Да нет, я не устала, я только один раз сходила. Мы привели пятерых, и Журкина меня здесь оставила, было много работы, а затем я часов с четырёх до восьми поспала. Ты-то как?

– Я здоров, а вот Игнатьич говорит, что Джека нет.

– Да я уж знаю, он и мне сказал. Я, признаться, уж и всплакнула о нём. Жалко... Но тут сейчас столько работы,

что не о нём, а об этих людях думать надо. Ранения несложные, тяжёлые давно уже померли, в подвалах полно мертвецов. А эта вот, – она кивнула головой на стол, – выжила, но как дальше, не знаю. Все они так истощали, прямо кожа и кости, хуже, чем под Ленинградом! Некоторые недели по две ничего не ели.

Этот разговор происходил в то время, пока Борис мыл руки. Когда он закончил и обработал руки спиртом и йодом, надел при помощи одной из сестёр стерильный халат, перчатки, маску и подошёл к одному из операционных столов, около которого стояла уже успевшая обработаться и экипироваться Шуйская. Он поразился, увидев на столе худенькую маленькую девочку, раненую в живот. Снаружи ранка была невелика и уже покрылась корочкой, по форме ранение было осколочное. Но кто его знает, что мог натворить этот осколок там, внутри. Нужно было делать диагностическую лапаротомию, обследовать брюшную полость, произвести необходимые манипуляции с её повреждёнными органами, а Борису было просто страшно дотрагиваться до этой девочки, такой она казалась хрупкой.

Конечно, ни о каком наркозе не могло быть и речи – она бы его не выдержала. Между прочим, именно поэтому Минаява, всегда оперировавшая на брюшной полости с эфирным наркозом, не стала заниматься этой раненой. Все уже знали, что майор Алёшкин может сделать самую сложную операцию под местной анестезией, он это доказывал не раз.

Девочка, очевидно, очень боялась, но даже плакать была не в силах, лишь испуганно смотрела на хирурга большими голубыми глазами. Борис, чтобы успокоить её, обратился к ней по-польски:

– Добрый день, панна. Как вы себя чувствуете?

В глазах девочки мелькнула радостная искорка. Вместо ответа она спросила:

– Вы поляк? Вы меня не убьёте?

– Я, хотя и не поляк, но постараюсь вам помочь. Вы мне тоже помогите. Будем вместе лечить вас, хорошо?

Девочка кивнула головой, но на лице её отразилось недоверие.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

– Сколько?!!

– Восемнадцать, исполнилось ещё в январе.

Борис взглянул на Шуйскую, которая, очевидно, поняла их разговор. Она вздрогнула от ужаса, и на глазах её показались произвольные слёзы. Повернув лицо к перевязочной сестре, она попросила вытереть их.

Борис был поражён – перед ним лежал скелетик, обтянутый кожей. На вид девочке было самое большее лет двенадцать, и вдруг – восемнадцать... Он снова спросил:

– Когда вы были ранены?

Пациентка задумалась на несколько мгновений, потом ответила:

– Наверно, недели две тому назад.

– Где вы находились?

– В подвале.

– Что ели?

– Ничего... Пила воду из лужицы на полу.

Борис задумался. Затем аккуратно ощупал живот раненой и справа, ближе к тазовой области, нашёл небольшое уплотнение. Прослушал сердце, посчитал пульс. Он был очень слабый и неровный. Попросил перевязочную медсестру измерить давление, оказалось, 90/50. Но главное, что шока не было. И всё же делать диагностическую лапаротомию, даже под местной анестезией, казалось крайне опасным. Борис решил нарушить медицинский канон, существовавший в то время при проникающих ранениях брюшной полости – «в любых случаях лапаротомия». Он приказал присыпать рану стрептоцидом, перевязать её, а на область уплотнения положить повязку с мазью Вишневского. Затем поручил одной из сестёр вызвать санитар и отнести раненую в терапевтическое отделение, назначил глюкозу капельным способом и полный покой, а часа через два дать ей ложки две-три крепкого бульона. Сестра вызвала санитар. Это был здоровый парень из нового пополнения, не попавший в строевую часть по зрению. Григорьев (фамилия санитар) не стал перекладывать раненую девушку на носилки, он просто взял её, завернутую в простыню, как маленькую, да так, на руках, и отнёс в терапевтическое отделение.

Впоследствии Борис рассказывал своим коллегам, что операция этой девушки, даже под местной анестезией, явилась бы настолько тяжёлой, что она вряд ли бы её перенесла. С момента ранения прошло уже более двух недель, но общий перитонит не развился, значит, очевидно, поражение слепой или тонкой кишки было незначительным, и воспаление в брюшной полости локализовалось. Это подтверждал небольшой размер инфильтрата, который он нащупал. После ранения девушка две недели ничего не ела, да и до ранения голодала, поэтому он решил предоставить ей покой, помочь мазью Вишневского рассасыванию инфильтрата, давать сульфаниламидные препараты, поддержать силы больной вливаниями глюкозы и постепенно усиливать питание.

Забежав вперёд, скажем, что Ядвигу, так звали эту девушку, удалось спасти, и когда госпиталь уже покидал Грауденц, она была вне опасности и могла даже сидеть на постели.

После неё Борису пришлось обработать ещё человек пятьдесят раненых самой разнообразной тяжести. Без перерыва он был в операционной до восьми часов вечера. Почти столько же отработал и Прянишников со своей медсестрой. Когда Бориса сменила Минаева, а Прянишникова Феофанова, стало понятно, что такого напряжения, которое, несомненно, будет нарастать, работники госпиталя долго не выдержат, нужна помощь.

Ещё перед отъездом из Бромберга начальник эвакуопункта Крестовский предупредил Алёшкина, что, поскольку гос-

питаль укомплектован врачами полностью (а с появлением Прянишникова действительно были заняты все восемь врачебных должностей), надеяться на дополнительные силы не следует, надо справляться самостоятельно.

Раздумывая над создавшимся положением, Борис бродил по двору того дома, где размещался госпиталь. Он решил отдохнуть до восьми часов утра, а вечер потратить на решение административных вопросов. Там, где были сосредоточены машины госпиталя, он увидел группу людей, среди них были Захаров и Гольдберг. Они доложили, что продовольствия осталось совсем немного, не более чем на три дня. Оказалось, что в подвалах было найдено, кроме раненых, много голодающих людей, пришлось госпиталю из своих запасов организовать им питание. Кроме того, необходимо было пополнить запасы белья. Всё это Гольдберг надеялся выхлопотать в эвакупункте. Местные воинские части сами испытывали нужду в продовольствии и помочь ничем не могли. Договорились подготовить грузовую машину ЗИС-5 к концу следующего дня, чтобы Гольдберг съездил в Бромберг, на этом и разошлись.

Однако проблема с медицинскими кадрами не решалась. Помощь была необходима, это становилось всё более очевидным не только с каждым днём, но и с каждым часом. Раненые и больные поляки уже узнали от своих знакомых о появлении какой-то лечебницы и спешили в неё за медпомощью. Теперь уже появлялись в приёмном покое (сортиро-

вочной) не столько те, кого приводили или приносили санитары и дружинницы, всё ещё бродившие по подвалам, но и те, кто разыскал госпиталь самостоятельно. Далеко не все из них после оказания помощи могли быть отправлены назад, многих приходилось госпитализировать. И, если в санитарках недостатка не было, так как многие женщины, пришедшие за помощью, охотно оставались здесь работать, то с врачами и фельдшерами дело обстояло плохо.

Так продолжалось около недели. В один из последних дней Минаева перед появлением в операционной обошла все палаты и доложила, что в госпитале находится уже более пятисот больных. Начали готовить под палаты второй этаж, основательно стеснив разместившийся там персонал.

Алёшкин решил проверить всё сам. Он убедился, что несмотря на тесноту (кое-где на двух кроватях лежали по трое), все пострадавшие накормлены, обработаны, медсёстры работают чётко и слаженно, палатные врачи, а их было четверо, хотя и работают с перегрузкой, но равномерно сменяются через каждые 12 часов. Одним словом, всё было как будто в относительном порядке.

Пройдя из хирургического отделения в терапевтическое, где под руководством Батюшкова работал польский врач, Борис в который уже раз подумал: «Неужели в таком сравнительно большом городе совсем не было врачей, где же они? Или всех немцы угнали, или погибли?» И он, бегло осмотрев отделение, обратился с этим вопросом к врачу-поляку. Есте-

ственно, разговор вёлся на польском языке. Услышав родную речь, уже пожилой и, очевидно, чрезвычайно уставший человек, как-то оживился и довольно бодро стал отвечать на вопросы. От него Алёшкин узнал, что в городе было много врачей. Большая часть из них – евреи, они погибли в первые дни оккупации. Фашисты в своё время куда-то их вывезли, обещая хорошую работу, потом стало известно, что они попали в лагеря.

– Остальных, кто был немного помоложе меня, – рассказывал поляк, – немцы угнали на запад, как простых рабочих. Остались только старики, как я, но нас было ещё немало. Мы занимались частной практикой, так как все лечебные учреждения фашисты закрыли. При отступлении нас, женщин и детей оставили в городе. С началом боёв за город кое-кто, наверное, выехал, но большинство, по-видимому, продолжает сидеть в подвалах своих разрушенных домов и так же, как и я до этого, не знают о работе вашего госпиталя. У меня дома есть специальная адресная книга, где указаны фамилии и адреса всех врачей города, она в подвале, где я жил последние дни. Могу за ней сходить, тем более что стрельба как будто утихла.

Борис поговорил с Батюшковым и попросил отпустить поляка. Правда, тот был не очень доволен этим, он заметил:

– Вот посмотрите, товарищ начальник, удерёт этот полячишка! Спрячется опять где-нибудь, а так от него всё-таки польза была.

Но Алёшкин почему-то поверил в искреннее желание врача Скопинского помочь в лечении своих сограждан и разрешил выпустить его из госпиталя. Конечно, всю территорию, занимаемую госпиталем, тщательно охраняли, Добин выставил необходимое число постов, и сам остался бессменным караульным начальником. Да и Васильев выполнил просьбу Алёшкина и добился приказа генерала Комарова о выделении для охраны госпиталя взвода автоматчиков. Эта мера предосторожности была нелишней. По донесениям из некоторых групп, разыскивающих раненых, в подвалах и подземных ходах иногда встречались одиночные фрицы, которые, завидев группу красноармейцев (в полутьме они не могли разглядеть, что это в основном женщины, тем более, что дружинницы и медсёстры, отправляясь в эти походы, надевали ватные брюки и телогрейки и вооружались автоматами), бросались наутёк. По-видимому, это были дезертиры, не успевшие вовремя скрыться в крепости и теперь бродившие по городу, мародёрствуя и одинаково боясь, как своих, так и бойцов Красной армии.

В то время, пока Борис разговаривал со Скопинским, в отделение пришёл Вадим Константинович Павловский. Он принёс пачку свежих газет и раздал их медсёстрам и дружинницам.

Нужно сказать, что между медперсоналом и больными очень скоро появилось довольно сносное взаимопонимание, и Павловский поручал каким-нибудь образом доносить со-

общаемые в газетах сведения до больных. В основном это удавалось.

Заглянув во фронтовую газету и просмотрев сводку, Борис увидел, что его госпиталь, как и части, пытавшиеся овладеть крепостью, теперь находились в глубоком тылу, а фронт продвинулся к самым границам Германии. Он спросил Павловского, почему прекратилась артиллерийская стрельба. Вадим Константинович рассказал, что перестрелка прекращается уже во второй раз, так же было на второй день прибытия госпиталя в Грауденц.

– Дело в том, что фашисты выслали парламентёров. Генерал, командующий осаждённой крепостью, обещал прекратить сопротивление, если его войскам разрешат выехать со всем вооружением и присоединиться к своим частям. Генерал Комаров ответил, что ни о каких переговорах не может быть и речи, фашистам остаётся только капитулировать. Парламентёр обещал доложить командованию крепости, а пока просил прекратить артиллерийский обстрел. Со своей стороны, от имени фашистов он обещал также не стрелять. Генерал согласился и отдал приказ о прекращении огня. Фашисты же вместо подготовки к капитуляции согнали к крепости остававшихся в той части города жителей – женщин, стариков и даже детей – и принялись восстанавливать повреждённые укрепления. После получения донесения от разведки об этих действиях, Комаров приказал вновь начать обстрел. Сегодня прибыл второй парламентёр, который также

от имени командующего генерала давал обещание прекратить сопротивление, если войскам разрешат выехать из крепости с личным оружием. Очевидно, – продолжал Павловский, – этот генерал плохо представляет себе обстановку и не знает, что, во-первых, почти всё побережье уже в наших руках, а во-вторых, не понимает, что советское командование ни в какие переговоры с фашистами не вступает. Командующий группой Красной армии вторично ответил парламентёру, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции, и предупредил, что он не позволит производить какие-либо работы на укреплениях. Комаров дал им на раздумывание четыре часа, вот потому сегодня и затишье.

В течение прошедшей недели Борис был так занят в операционной, что, по совести говоря, даже и не замечал того, что в это время делалось вокруг. Оставив Павловского в палате, он вышел во двор. На улице было достаточно тепло, и он с наслаждением вдыхал свежий весенний ветерок, слабо дувший откуда-то с северо-запада. В этот момент к нему подошла старшая медсестра Мертенцева, в руках у неё был свёрток белья.

– Товарищ майор, – обратилась она к Алёшкину, – мы только что вернулись после прочёсывания подвалов в двух кварталах от нашей больницы. В одном из них мы наткнулись на целый лазарет, в нём двадцать раненых. Обслуживает их какой-то врач-поляк, помогают ему женщины-монашки. Из его слов мы поняли, что у них плохо с питанием, ме-

дикаментами. Я осмотрела этот подвал, оказывается, это было бомбоубежище, и в нём можно разместить человек двести раненых. Мы уже здесь забиты до отказа. Что если там сделать филиал нашего госпиталя?

Борис задумался. Идея ему понравилась.

– Это далеко? – спросил он.

– Да нет, меньше километра отсюда.

– Проводи меня туда.

– Надо взять автоматчиков.

– Зачем? У меня автомат и пистолет, у тебя тоже автомат есть, как-нибудь отобьёмся. Да потом, тут же кругом наши бродят. Пойдём.

Зайдя домой и взяв висевший над кроватью автомат, Борис вышел во двор. Мертенцева, которая путешествовала по этим подвалам много раз и хорошо в них ориентировалась, выйдя из ворот госпиталя, свернула налево и, пройдя по тротуару десятка три шагов, спрыгнула в яму, ведущую через окошко фундамента в подвал. Борис последовал за ней. Он обратил внимание, что того свёртка, который она держала в руках, уже не было. Он спросил:

– Тоня, а что это за бельё у вас было?

– Ой, да я и забыла рассказать. Тут мы в одном подвале, наверно, какого-нибудь магазина, целый склад белья обнаружили – и мужского, и женского, и постельного, – она немного смутилась. – Вот я набрала себе и девочкам немного и хотела доложить товарищу Захарову, да пока ещё не успела.

Через полчаса, переходя из подвала в подвал и иногда пересекая заваленные битым кирпичом улицы, Борис вместе с Мертенцевой оказались в том бомбоубежище, о котором она говорила. А ещё через несколько минут он уже беседовал с пожилым толстым человеком, врачом-хирургом, который и показал ему свой лазарет. После осмотра помещения, в котором находилось около ста коек, Борис предложил пану Янковскому мобилизовать в помощь себе знакомых врачей, оставшихся в городе, и жителей, собрать сюда всех раненых и больных из ближайших подвалов и возглавить этот госпиталь для раненых поляков. При этом Борис заверил Янковского, что в самые ближайшие часы сюда доставят медикаменты и продовольствие, и впредь он будет регулярно получать всё необходимое из аптеки и кухни. Янковский некоторое время упирался, затем согласился.

Возвращаясь домой, Борис заметил Мертенцевой:

– Это хорошо, что мы такой филиал создали, только вот не знаю, как с бельём быть...

– Товарищ майор, я же вам докладывала: и носильное бельё, и постельное в том подвале есть, и как будто много. Я думаю, всем хватит.

– Вообще-то, это здорово. Как придём, возьмите с собой товарища Захарова и санитаров и принесите как можно больше белья. Я... – Борис не успел закончить фразу.

Они как раз переходили улицу. Над их головами просвистел снаряд и разорвался в ближайшем доме. Они с Мер-

тенцевой еле успели упасть за фундамент полуразрушенного сарая, около которого находились. Вновь началась яростная канонада.

Четыре часа, отпущенные командованием на раздумья осаждённым, истекли. Тяжёлая артиллерия вновь начала обстрел крепости, а те, отвечая, в основном били по жилым домам города. Из-за этого обстрела обратный путь до госпиталя пришлось совершать гораздо дольше, так как для укрытий использовали встречавшиеся на пути подвалы, а улицы преодолевали перебежками. Правда, в районе нахождения госпиталя было сравнительно тихо. Снаряды и мины немцев рвались в стороне, метрах в 200–300 от госпиталя.

Как только стемнело, почти над самыми крышами уцелевших домов, урча своими несильными моторами, в сторону крепости пронеслась эскадрилья ночных бомбардировщиков, после чего там раздались многочисленные взрывы. Как мы знаем, маленькие самолёты По-2 умели бомбить с большой точностью, приближаясь почти бесшумно и находясь во время бомбометания так низко, что их удары всегда были и неожиданны, и очень эффективны. Генерал Комаров получил в своё распоряжение полк таких бомбардировщиков и решил их использовать.

Видимо, эта бомбёжка была последней каплей, которая доконала фашистов. Утром следующего дня над крепостью появился белый флаг, а днём по улице мимо госпиталя проходила длинная колонна пленных немцев, конвоируемых ав-

томатчиками.

Потом оказалось, что в плен взяли около трёх тысяч офицеров, солдат и троих генералов, среди них было много эсэсовцев. В числе пленных имелось несколько сотен раненых, их везли гитлеровцы на своих машинах. Всех пленных, в том числе и раненых, по распоряжению Комарова направили на железнодорожную станцию, восстановленную несколько дней тому назад и находившуюся километрах в пятнадцати от города.

После окончания боевых действий воинские части, окружавшие город, направились дальше на запад. Вместе с ними уехало и командование группы войск. Но после окончательного разгрома фашистов в городе и падения крепости перед Алёшкиным и его госпиталем всё ещё оставалась задача по выявлению и оказанию помощи раненым.

Скопинский разыскал шестерых врачей, прятавшихся по подвалам. Он уговорил их прийти в госпиталь и начать работать. Главным стимулом для них послужил вопрос о питании: все прятавшиеся голодали, а в госпитале им давали питание по красноармейской норме.

С появлением дополнительных медицинских сил врачи госпиталя получили возможность устраивать себе передышки, намеревался отдохнуть и Алёшкин. Придя домой и поужинав, он растянулся на постели и крепко заснул. Игнатьичу приказал его не будить.

Встав утром около семи часов, старик отправился на кух-

ню, где можно было и хорошо подзакусить, и кое-чем промочить горло. Среди медикаментов, обнаруженных в трофейном аптечном складе, нашёлся большой запас спирта. Начальство распорядилось употреблять его не только в медицинских целях, но и в качестве «наркомовской нормы».

Между прочим, за день до этого Захаров, обследуя с группой санитаров соседние дома и сараи, шагах в пятистах от госпиталя наткнулся на большой пакгауз из оцинкованного гофрированного железа. Он, конечно, был заперт и совершенно не пострадал от артиллерийского обстрела. Сбить замок и открыть большие, похожие на ворота, двери было дело пары минут. Какова же была радость Захарова, когда он обнаружил, что пакгауз забит самыми различными видами продовольствия. Тут было и сливочное масло, и маргарин, и множество различных консервов, в том числе большие банки с надписью по-немецки «Меланж». При вскрытии обнаружили, что в банках находились куриные яйца без скорлупы. С подобным способом консервирования яиц и Захаров, и Гольдберг встречались впервые. Несмотря на то, что эти банки хранились в обычных условиях, вкус и качество продукта не пострадало, и яичница казалась намного вкуснее, да, очевидно, и питательнее той, которую готовили из американского яичного порошка.

Кстати, вспомним один курьёзный случай, происшедший с этим меланжем. Доктор Прянишников, находившийся до этого в запасе (во фронтовом резерве), питался очень неваж-

но, и потому, узнав от Захарова о таком деликатесе, как «свежие» яйца, выпросил одну банку. Ёмкость банки была около трёх литров. Прянишников, открыв её, съел некоторое количество, а остаток спрятал в санитарной машине, решив время от времени баловать себя яичницей. Но оказалось, что открытая банка меланжа портилась уже на следующий день. Спустя сутки, обследуя состояние машин, Лагунцов обнаружил в одной из них отвратительный запах. С сопровождавшим его шофёром они провели обыск находившихся там вещей (в машине хранились вещи врачей) и нашли банку протухшего меланжа. Лагунцов был страшно возмущён, выбросил банку на помойку и доложил об этом Алёшкину. К его негодованию, Борис отнёсся довольно спокойно и ограничился лишь устным замечанием Прянишникову, а тот с тех пор уже никогда не запасался трофейными немецкими продуктами, хотя они и попадались ещё не раз.

Но всё это происходило позже, а тогда, обнаружив на складе ещё и мёд в картонных коробках, и сахар, и шоколад, и немецкие галеты, Захаров, прикинув количество продуктов, пришёл к выводу, что даже при полной загрузке госпиталя их должно хватить на несколько месяцев. Оставив у пакета часового, он вернулся в госпиталь и поручил Гольдбергу организовать перенос самых нужных продуктов на склад, находившийся во дворе.

Правда, обо всём этом Борис узнал только на следующий день, а пока он спал сном праведника, зная, что в операци-

онной справятся и без него. Часов в восемь утра он проснулся от какого-то странного поскрёбывания в дверь домика. Затем он услышал ещё и тихое повизгивание, каким всегда возвещал о своём появлении Джек. Но ведь Джек убит, кто же это?

Взяв в руку пистолет и спустив его с предохранителя, Борис подошёл к двери и, толкнув её ногой, сам встал сбоку. Дверь открывалась наружу и, поскольку не была заперта, легко распахнулась. Алёшкин увидел на крыльце Джека, но в каком виде... Весь мокрый, грязный, исхудавший, он сидел, опустив низко голову и с самым виноватым видом, поглядывая исподлобья на Бориса, чуть-чуть постукивал хвостом, не решаясь приблизиться к хозяину. Но тот подскочил к нему сам. Отбросив пистолет, он, как был полураздетый, выскочил на крыльцо, обнял грязного пса за шею и, прижимаясь лицом к его мокрой голове, радостно говорил:

– Джекушка! Милый мой, жив! Где же ты пропадал?

Конечно, пёс ничего не отвечал. Он только лизал лицо своего хозяина и несмело прижимался к нему, стремясь показать, что он прекрасно понимает свою вину и просит прощения.

Борис провёл собаку в дом, закрыл дверь. Налил в алюминиевую чашку, всё ещё стоявшую около двери, где обычно ел Джек, остатки какого-то супа, обнаруженного в котелке на кухне и, приказав Джеку есть, сам прыгнул обратно в постель.

Через несколько минут Джек, проглотивший суп и выли-
завший миску, тихонько прошёл в комнату к хозяину и за-
лез под его постель. Провалившись ещё около часа и убе-
дившись, что ему больше не уснуть, Борис встал, побрился,
умылся, оделся. Вдруг дверь отворилась, и в ней показалась
тоненькая фигурка Шуйской. Она держала в руках чайник,
завёрнутый в бумагу хлеб и котелок, из которого вкусно пах-
ло.

– А, ты уже проснулся? Хорошо, а то я думала, что тебя
будить придётся. Засоня ты эдакий! Сейчас я умоюсь, и бу-
дем завтракать. Игнатъич хотел всё это нести тебе, да я ми-
мо шла, сама и взяла. Пусть уж он там посидит со своими
друзьями. Они где-то целую бутылку немецкого шнапса раз-
добыли, – говорила она, ставя принесённую пищу на стол, и
идя к умывальнику.

– Ну как там, в операционной-то?

– Не волнуйся, всё хорошо, за завтраком расскажу. Поля-
ки – толковые медики, всё делают неплохо, хотя и не так ско-
ро, как мы, да и не по-нашему. Это ничего, самое главное,
что у нас теперь практически переработки нет. Я хотела по-
сле завтрака поспать, да Тоня Мертенцева сказала, что она
где-то там в подвале склад одежды нашла и сейчас с людьми
туда собирается идти. Я тоже пойду, может быть, что-нибудь
себе и тебе найду. У тебя ведь бельё-то совсем износилось,
а когда новое дадут, ещё неизвестно. Потом отдохну.

– Только ты побыстрее. Да поосторожней там, а то мы с

Тоней вчера под обстрел попали, так еле успели спрятаться.

– Ну, об этом не беспокойся. Фашисты белый флаг выкинули, нам Павловский об этом ещё в шесть часов сказал. Слышишь, как тихо?

– Верно, а я и не заметил. Слушай-ка, у нас радость!

– Какая радость?

– Сейчас увидишь. Джек! – крикнул Борис.

Собака выбралась из-под кровати. Пёс немного обсох, облизался, стал почище, но всё равно выглядел очень неважно.

– И где он только пропадал?

Катя подбежала к Джеку, несмело помахивавшему хвостом, погладила его и спросила:

– Тебя хоть покормили?

– Ну конечно, – улыбнулся Борис, – только вот никак не пойму, где он пропадал.

Катя улыбнулась:

– Ничего-то вы, мужчины, не понимаете! Ведь весна сейчас. Ну вот, встретил какую-нибудь военную подругу и бегал за ней, высунув язык. Смотри, какой избеганный. Только почему он в этот раз её с собой не привёл? Помнишь, как Сильву под Кривой Лукой?

Борис хлопнул себя рукой по лбу:

– Да, как же я об этом раньше-то не догадался! Ну гуляка, ну прохиндей! Иди уж, отдыхай!

Джек послушно юркнул под кровать, неся в зубах довольно большой кусок тушёнки, который ему успела сунуть Катя.

На крыльце послышалось лёгкое покашливание Игнатъича, которым он всегда сопровождал своё появление. У Бориса мелькнула озорная мысль:

– Слушай, Катя, давай-ка его разыграем!

– Как?

– А вот сейчас увидишь.

После завтрака Борис собирался в операционную, но в этот момент услышал тяжёлые шаги Игнатъича, поднимавшегося на крыльцо. «Наверно, опять основательно выпил», – подумал он. В последнее время, особенно после похорон Джека, Игнатъич стал чаще выпивать, и Борису захотелось проучить старика.

Дверь открылась, в кухню вошёл Игнатъич. По его покрасневшим щекам и блестящим глазам было видно, что с очередной бутылкой шнапса он познакомился довольно близко.

– Товарищ майор, вы уже позавтракали?

– Да, мне принесли, да больно много! Половину только съел, что с остальным делать, не знаю. Джеку, что ли, отдать?

– Какому Джеку, вы что, товарищ майор? – недоумённо глядя на Бориса, спросил Игнатъич. – Джека же ведь нет...

– Нет? Разве?

– Ну конечно, вы что, забыли? Совсем заработались!

– Да нет, я-то помню, а вот ты что-то зарпортовался.

Игнатъич, понимая, что он не совсем в себе – как-никак, а выпивки на его долю досталось порядочно – виновато развёл руками и смущённо повторил:

– Да нет у нас никакого Джека! Убили его, сам я его и похоронил, – и он смахнул слезу со щеки, которая там показалась.

Борису стало жаль старика, и он громко крикнул:

– Джек, а ну вылезай сюда, покажись-ка.

Игнатъич с ужасом взглянул на своего начальника, почти совсем протрезвел, но всё же заметил, как из-под кровати почти выполз, замирая от стыда и страха, с поджатым хвостом, пёс. Когда же старик его увидел, то не мог сдержать крика:

– Господи, Боже мой, это же Джек! Откуда ты? Ведь я тебя даже в плащ-палатку завернул, когда хоронил. Как же ты выбрался?

– Что ты, Игнатъич, как могла похороненная тобой собака из могилы выбраться? Значит, ты не его похоронил.

– Да как же? Правда, голова у него была прострелена так, что морду-то было трудно разобрать... Но по всему остальному это был прямо Джек! Эх ты, чертушка! Это опять твои весенние штучки. На этот раз подруги с собой не привёл, как в Кривой Луке. Ну и грязный же ты, где же ты носился-то? И как уцелел при таком обстреле? Ну уж теперь, шалишь, при каждом переезде я тебя на цепь буду брать. Сколько я пережил из-за тебя! Ну, иди ко мне, ладно уж, не бойся, иди.

Джек, поглядывая на Бориса, робко подошёл к Игнатъичу, потёрся головой об его ноги и так умильно поглядел на старика, что тот не выдержал. Обнял его, как час назад сделал

это же хозяин, и сказал:

– Ладно уж, подлец! Идём, я тебе поесть дам, а уж потом, как хочешь, вымою. Благо хозяева нам вон ванну оставили. С мылом, так и знай!

В это время дверь отворилась и в ней показался Добин, как всегда, дежуривший по госпиталю:

– Товарищ начальник, к нам подъехали две машины с ранеными поляками, их привёз какой-то майор медслужбы, требует, чтобы мы их приняли.

– Сейчас я выйду, – Алёшкин накинул шинель и выбежал во двор, оставив Игнатъича и Джека улаживать свои отношения.

Около ворот стоял незнакомый майор медслужбы, а за ним две грузовых машины, в которых сидело человек тридцать раненых.

– В чём дело? – спросил Борис.

– Вы начальник госпиталя № 27? – вопросом на вопрос ответил майор.

– Да, я, а что вы хотите?

– Отойдёмте куда-нибудь, я вам всё расскажу.

Борис провёл его в маленькую комнатку, располагавшуюся около сортировки, доктор Батюшков использовал её как амбулаторию. В тот момент она пустовала. Они уселись около стоявшего там столика. Приезжий заговорил:

– Я начсандив шестнадцатой дивизии, майор медслужбы Кузнецов. Наша дивизия принимала военнопленных из кре-

пости, сопровождала их до железнодорожной станции, сейчас получает пополнение. Командующий группой войск, товарищ Комаров приказал мне обследовать санитарное состояние крепости и навести там порядок, для этого мне выделили группу бойцов. При осмотре я обнаружил во дворе крепости и в домах десятков пять трупов немецких фашистов и поляков. Поручил своей команде организовать захоронение. В одном из крепостных подземных казематов обнаружил тех людей, которых привёз сюда. Подлецы-фрицы своих раненых вынесли и вывезли, когда покидали крепость, а этих бедолаг бросили на произвол судьбы без помощи, без пищи и без воды. Я выяснил, каким образом они очутились вместе с немцами.

Майор Кузнецов рассказал, что, получив сведения о приближении Красной армии, фашисты, отступая, всё трудоспособное мужское население угнали на Запад, оставив в городе стариков, женщин и детей. Они понимали, что Грауденц не удержат, и решили его так же разрушить, как Варшаву и другие города, но сделать этого не успели: наступление Красной армии было слишком стремительным. Тогда их командование, уведя основные силы, оставило в крепости города гарнизон из четырёх тысяч человек, чтобы создать опорный пункт и задержать продвижение частей Красной армии, но и этого не получилось. Через два дня после отступления основных сил гарнизон Грауденца, как и весь город, оказался окружённым и отрезанным от фашистских войск.

Гарнизон в основном состоял из эсэсовцев, они приняли решение обороняться до конца. Для выполнения разного рода тяжёлых работ они взяли с собой двести поляков, обращались с ними, как с животными, почти не кормили, а раненых, не способных работать, пристреливали.

Пока генералы, сидевшие в крепости, имели радиосвязь со своими отступающими войсками, крепость держалась, а когда она прекратилась, и из сообщений, передаваемых по общему радио, стало понятно, что никто не спешит к ним на помощь, весь их боевой дух испарился. После безуспешных попыток и переговоров о почётной сдаче в плен, эсэсовцы капитулировали.

– По приказу нашего командования они вышли без оружия и вынесли своих раненых, а про этих даже и не сказали. Когда я их нашёл, то хотел взять в свой медсанбат, но генерал Комаров указал на ваш госпиталь, который, по его словам, назначен для оказания медпомощи полякам, поэтому я и привёз их сюда. Все они нуждаются в срочной хирургической помощи.

Выслушав рассказ Кузнецова, Борис дал распоряжение о немедленном приёме прибывших раненых. Они действительно находились в ужасном состоянии. Истощённые, с нагноившимися загрязнёнными ранами, перевязанные грязными тряпками, они выглядели прямо-таки страшно.

После хирургической обработки Алёшкин приказал поместить их в тот лазарет, который был организован в быв-

шем бомбоубежище. К счастью, у всех этих людей ранения были не особенно тяжёлыми, хотя и запущенными. Хирурги госпиталя сделали всё, что могли. Именно с прибытием этих раненых Борис и Павловский поняли, почему в госпиталь попадали в основном старики, женщины и дети.

Более 20 дней провёл госпиталь № 27 в Грауденце. За это время удалось разыскать 18 поляков-врачей и достаточное количество среднего медперсонала. В городе уже организовалась польская власть, появились военный комендант и бургомистр.

Части Красной армии, осаждавшие крепость, одна за другой двинулись по направлению к линии фронта.

В этом городке госпиталь оказал медпомощь более чем двум тысячам раненых поляков. Алёшкин решил, что госпиталь свою задачу выполнил, о чём и направил донесение начальнику сануправления 2-го Белорусского фронта генерал-майору медслужбы Жукову.

Через два дня в Груденц приехали четыре грузовых машины ЗИС-5. На двух из них находилось имущество госпиталя, оставленное на хранение в Бромберге, и люди, охранявшие его. В приказе, привезённом лейтенантом, командовавшим колонной, говорилось о необходимости срочной передислокации госпиталя в город Шлохау, где и следовало

ждать дальнейших распоряжений.

Передав по акту оставляемое трофейное имущество (медикаменты, продовольствие) Янковскому, назначенному бургомистром города заведующим Грауденцкой больницей, Алёшкин приказал грузиться. Когда весь личный состав занял свои места, новая колонна госпиталя направилась к указанному пункту.

Конечно, Захаров и Гольдберг постарались захватить с собой столько трофейных медикаментов, продовольствия и белья, сколько смогли вместить имевшиеся в их распоряжении транспортные средства, а вместить они могли много, ведь палатки, щиты, вагонку и остальное, что было необходимым во время пребывания в лесу, начальник эвакуопункта оставил у себя, заявив, что всё это теперь госпиталю не понадобится, отныне он будет развёртываться только в населённых пунктах, в подходящих помещениях. На всё это имущество был составлен акт, один экземпляр которого Борису вручил кладовщик, остававшийся в Бромберге за старшего.

Глава шестая

На следующий день Алёшкин и Захаров в сопровождении Джека отправились пешком по пустым улицам, чтобы осмотреть Шлохау. Передав командование госпиталем Павловскому, Борис перед уходом предупредил его, чтобы он запретил персоналу отлучаться, пока он не вернётся.

Естественно, что начальник госпиталя и его помощник по хозяйственной части, кроме пистолетов, вооружились автоматами. Они обошли несколько кварталов, но так и не встретили ни одного немца – ни женщины, ни ребёнка. Город словно вымер, хотя трупов они нигде не видели. Осмотр занял часа два. За это время наши «разведчики» установили, что, хотя город и имел много разрушений, но это был, пожалуй, первый из виденных ими в течение последних лет городов, оставленных фашистами, где имелись разрушения, полученные только в результате артобстрела, бомбёжки и ружейных пуль. Такого тотального разрушения домов, какое им пришлось видеть в городах Ленинградской, Новгородской, Псковской и других областей Советского Союза, а также в городах Польши, здесь не было. Очевидно, немцы на территории своей страны, в населённых пунктах, которые они вынуждены были оставлять, тактику «выжженной земли» не применяли. Непонятно было только, куда исчезли все жители.

Во дворе одного из довольно красивых двухэтажных особняков Борис и Захаров обнаружили небольшие новенькие мотоциклы. Конечно, обоим страшно захотелось взять себе по машине, но обращаться с ними они не умели. К счастью, мотоциклы легко слушались руля и катились так же свободно, как обыкновенные велосипеды. Вот их и привели во двор госпиталя.

У шофёров автороты глаза загорелись. Лагунцов сказал, что это самый лёгкий тип мотоцикла, они заводятся на ходу, после того, как проедешь несколько метров, как на обыкновенном велосипеде. Открыв бак одной из машин, он убедился, что тот полон горючего, сел в седло и выехал за ворота. Вскоре, с треском, как от настоящего большого мотоцикла, он уже мчался по пустынной улице, разбрасывая из-под колёс осколки стекла, попадавшие ему на пути. Не удержался от соблазна и ещё один лейтенант-автомобилист. Он попросил разрешения опробовать второй мотоцикл и вскоре так же, как и Лагунцов, скрылся из глаз.

Теперь такие машины не редкость, обыкновенные мопеды, в то время они встречались единично, Борис и Захаров вообще видели их впервые. Естественно, обладание такими трофеями и, главное, овладение техникой езды на них стало их нестерпимым желанием. Оба они хорошо умели ездить на велосипедах, ну, а несложное управление подачей горючего и тормозами им удалось освоить за каких-нибудь полчаса. Весь вечер мотоциклы носились по улицам опустевшего го-

рода, так и не встретив никого из жителей.

Уже гораздо позднее Алёшкин и его люди узнали, что под влиянием геббельсовской пропаганды и прямого физического воздействия отступавших фашистов, жители обязаны были покидать оставляемые войсками города и уходить на Запад. Часто это делалось в таком спешном порядке, что многие из них не успевали даже взять с собой самых необходимых вещей, а торговцы – вывезти свой товар из магазинов и складов.

В этом первом немецком городке, где пришлось остановиться госпиталю № 27, кроме битых стёкол, обломков кирпича, поломанной мебели, на улицах, во дворах и в оставленных квартирах можно было увидеть посуду, всевозможную одежду, книги и даже радиоприёмники.

В большом сарае, который замыкал двор дома, занятый под госпиталь, санитары и дружинницы, работавшие под руководством Добина, старшины Ерофеева и Лагунцова, нашли какие-то станки и много ящиков, наполненных самыми различными товарами: одеждой, мануфактурой, посудой, запчастями к автомашинам. Обнаружилось много устройств, приборов и деталей для электрооборудования, и что особенно обрадовало электрика госпиталя, – проводов и лампочек.

Конечно, Захаров и другие хозяйственники захватили всё, что могло хоть как-нибудь пригодиться в работе госпиталя, и погрузили это на машины. Посоветовавшись с Павловским, Борис разрешил всему личному составу выбрать

себе одежду, что кому понравилось. Было понятно, что это был склад какого-то торгового предприятия, и, может быть, не одного, а так как хозяева сбежали, то Алёшкин счёл себя вправе распорядиться брошенным имуществом и товарами.

Кстати сказать, один из ящичков сарая был забит рисунками, фотокарточками, книжками, альбомами и даже статуэтками порнографического содержания. Обнаружил этот ящик один из шофёров госпиталя, Васильев. Свою находку он постарался скрыть от начальства, рассказал о ней только друзьям, и содержимое ящика очень быстро среди них распространилось. К вечеру почти все санитары, шофёры, повара, многие дружинницы и медсёстры стали обладателями разных предметов, тогда и стало известно об этой находке Алёшкину и Павловскому. Собрав коммунистов и комсомольцев, последний основательно пробрал любителей подобного направления в «искусстве» и предложил всё найденное сдать ему для уничтожения. К чести многих сотрудников госпиталя, взглянув на картинку или альбом, они только отплёвывались и решительно отказывались от непристойного подарка.

На следующий день Павловский, конфисковав целый ворох этих омерзительных произведений, устроил во дворе настоящее аутодафе, но кое-что так и не удалось изъять. Сожжение происходило часов в 12 дня, Борис и Захаров в это время вновь катались на своих мопедах. Вернувшись, они увидели стоявший у входа в здание новенький джип. Оказа-

лось, что приехал связной из сануправления фронта с приказом немедленно следовать на север, ближе к побережью Балтийского моря, остановиться в городе Штольпе и к 24 часам 2 апреля развернуться там с таким расчётом, чтобы обеспечить приём не менее 1 700–2 000 раненых. Прибывший лейтенант предупредил, что никаких других лечебных учреждений на этом направлении нет. Хотя фашисты быстро отступают на запад и серьёзных боёв не ведут, всё же раненых может быть много. Хорошо, что Алёшкин не отпустил приданные ему машины, так как в этом случае с передислокацией и развёртыванием госпиталя пришлось бы очень трудно – в сануправлении транспортом помочь бы не смогли. Связной предупредил, что, как только госпиталь обоснуется в Штольпе, он должен будет приданные машины отпустить.

По распоряжению генерала Жукова, связь с госпиталем будут осуществлять посыльные, от Алёшкина требовались ежедневные донесения. Сануправление к этому времени разместится, вероятно, в Пренцлау. Эвакуации раненых из госпиталя пока не будет, все фронтовые медучреждения перемещаются и принимать раненых не могут, поэтому-то и предлагается двадцать седьмому вместо положенных по штату двухсот коек развернуться до двух тысяч. Для выполнения технической работы разрешается использовать местное население. Ожидалось, что кое-кто, главным образом женщины и дети, постепенно убедившись в гнусной лживости Геббельса об отношении Красной армии к населению, нач-

нут возвращаться, так уже происходило в некоторых других городах и посёлках.

Пока Павловский и Добин угощали связного обедом, Борис и Захаров успели дать соответствующие распоряжения. Так как фактически почти ни одна из автомашин не разгрузалась, уже к 16 часам 1 апреля 1945 года госпиталь, собрав развёрнутое имущество из сортировки и перевязочной, был готов к отправлению и тронулся в путь. До города Штольпе предстояло проехать 122 километра на северо-запад.

В числе различных трофеев из Шлахау нашлось около десятка карт автомобильных дорог Германии. Конечно, начальник госпиталя и все его помощники этими картами вооружились, и теперь, пользуясь ими, могли довольно точно наметить путь следования. На всякий случай маршрут с перечислением всех пунктов, которые следовало проезжать, Добин размножил и раздал каждому из врачей и командиров, ехавших в кабинах машин. Вот этот маршрут: Штольценфельд – Шпенгрек – Экфер – Гальденбург – Фалькенштайн – Руммельбург – Трептен – Треббин – Суккере – Кваменбург – Кублиц и Штольпе. Только первые три пункта располагались на обычной шоссейной дороге, а все остальные лежали на большой государственной асфальтированной трассе. Дороги оказались в хорошем состоянии, кое-где были только повреждены мосты, и это немного задерживало продвижение колонны. Тем не менее уже к 22 часам 1 апреля колонна госпиталя № 27 находилась в пригородах Штоль-

пе. Решили заночевать, не разгружаясь: подыскивать ночью в незнакомом вражеском городе помещение для госпиталя было бессмысленно.

Глава седьмая

Весна, даже на севере Германии, вступает в свои права рано, а в этом, 1945 году, она вообще пришла раньше времени. В начале апреля, когда госпиталь прибыл в Штольпе, было совсем тепло. Деревья покрылись листвой, а обочины дорог – густой зелёной травой.

Утром 2 апреля, после ночёвки на окраине города, возле колонны гружёных машин собрался почти весь личный состав госпиталя. Совсем недалеко от дороги, около небольшого, огороженного невысоким палисадником, опустевшего деревянного домика находилась действующая водопроводная колонка. Водой из неё воспользовались повара для приготовления завтрака, а все остальные – для умывания.

Дорога была совершенно пустынна. Также пусты были и видневшиеся в каких-нибудь нескольких сотнях метров окраинные улицы города. Кое-где возле дороги валялись полуобгорелые раздавленные автомашины и покорёженные орудия явно немецкого происхождения. Очевидно, на подступах к городу и на его окраинах прошёл ожесточённый бой, который закончился дальнейшим разгромом и поспешным отступлением фашистов. «Наверное, снова навалилась наша танковая сила», – подумал Алёшкин.

После короткого завтрака Борис с Захаровым в сопровождении двух вооружённых автоматами санитаров в машине с

шофёром Лагунцовым направились на поиски здания. Городские предместья состояли из небольших, частью разрушенных домов и, конечно, для размещения госпиталя никак не подходили. Ехали дальше.

Слева от дороги, на расстоянии около полукилометра показалось большое здание, похожее на какой-то старинный замок, окружённый высокой стеной. К этому зданию вела узкая асфальтированная дорога, обсаженная цветущими фруктовыми деревьями, она упиралась в вычурные железные ворота. Около ворот стояла санитарная машина с большими красными крестами на боках и крыше, рядом толпилось человек десять в красноармейской форме.

Кстати сказать, на машинах госпиталя № 27 перестали малявать большие кресты ещё со времени нахождения на Ленинградском и Волховском фронтах. Мы уже упоминали, что эти знаки не только не охраняли медицинский транспорт, а, наоборот, как бы привлекали фашистских лётчиков, которые, завидев красный крест, преследовали машину с большим ожесточением, чем обычный грузовик. В хозяйстве Алёшкина (так обычно назывался госпиталь № 27) знак красного креста на белом круге помещали или на ветровом стекле, или на боковой стороне машины. Он был совсем небольшим, имел в диаметре не более 15–20 см.

Когда машина с нашими пассажирами подъехала к воротам, только что пропустившим «санитарку», ворота закрылись, а из незаметной калитки вышел лейтенант, сопровож-

даемый автоматчиками. Ознакомившись с личными удостоверениями Алёшкина и Захарова, лейтенант приказал Лагунцову свернуть с дороги и, замаскировав машину в кустах, вместе с оставленными тут же санитарями ждать возвращения своих командиров.

По дороге к большому помещицкому дому, идущей через ухоженный парк, лейтенант рассказал, что здесь располагается армейский госпиталь, которому основательно досталось за последние дни, ведь армия ушла далеко вперёд, других лечебных учреждений нет (они на марше вместе с наступающими частями), и весь поток раненых свалился сюда.

Дом, к которому они приближались, представлял собой смесь разных стилей и эпох и, поскольку был достаточно велик, то, очевидно, внутри изобиловал множеством переходов и коридоров. Вообще-то говоря, такой дом для госпиталя вряд ли был удобен, единственным его достоинством являлась изолированность от города, собственная электростанция и водопровод (всё это действовало), а также высокая, прямо-таки крепостная стена вокруг, облегчавшая его охрану.

В одной из боковых комнат, расположенной в какой-то башне, находился кабинет начальника госпиталя. Представившись ему, Алёшкин узнал от майора медслужбы Романовского, что они стоят в этом здании двенадцать дней и с нетерпением ждут фронтового госпиталя, который бы их заменил.

– Теперь я передам вам наших раненых, а сам буду догонять свою армию, – обрадованно заявил Романовский. – Раненых у меня скопилось около пятисот человек.

Но Борис его разочаровал. Указаний о приёме раненых от какого-либо госпиталя он не получал, лишь приказ в течение суток развернуться в Штольпе и не позднее 24 часов этого дня начать приём раненых, поступающих с передовой. Так он и ответил Романовскому, попросив совета, где подыскать необходимое помещение. При этом Борис пообещал, что, как только он развернётся, поступление раненых к Романовскому прекратится. Тот, хотя и огорчился ответом Алёшкина, всё-таки дал дельный совет:

– Нужно через два квартала свернуть с основной магистрали направо, и там в километре или полутора по боковой улице выйдете к группе казарм. Их там штук шесть. Это большие трёхэтажные кирпичные здания, огороженные колючей проволокой. В своё время в них размещался немецкий гарнизон города. В них есть кровати и легко найти помещение, которое можно приспособить под операционно-перевязочный блок. По-моему, водопровод и электропроводку там починить тоже просто. Даже в половине этих казарм можно разместить до двух тысяч раненых. В одной из казарм есть стационарный пищеблок, есть и продсклады, мы из них кое-что берём. Вокруг этих казарм расположен посёлок из коттеджей, в них жили семьи начсостава. Сейчас всё это пусто, но находится в относительно удовлетворительном со-

стоянии.

Попрощавшись с Романовским, Борис и сопровождавшие его, полчаса поплутав по городу, нашли эти казармы. Отправив Лагунцова с одним из санитаров за оставленной на окраине колонной, Борис вместе с Захаровым и вторым санитаром приступили к осмотру помещений. Они обнаружили, что почти все казармы находятся во вполне пригодном к эксплуатации состоянии. Две из них более или менее пострадали от артобстрела, а у остальных четырёх лишь во многих окнах были разбиты стёкла. Разумеется, и сами казармы, и окружающий их двор были донельзя завалены разнообразным мусором, но это уже никого не смущало. Вычищать оставленные бегущими фашистами Авгиевы конюшни на месте размещения госпиталя вошло в привычку.

Самое главное, что имевшиеся на территории военного городка электростанция и водонапорная башня были исправны. Радовало также, что коттеджи, в один из которых Борис и Захаров успели заглянуть, находились в очень хорошем состоянии, и хватало места для размещения медперсонала. Горожан-немцев на месте расположения казарм и вокруг них не было.

Через час автоколонна госпиталя разгрузилась на площади в центре расположения казарм. За это время Захаров уже успел наметить четыре коттеджа, которые предполагалось занять под жильё врачей, медсестёр и под штаб госпиталя. Для Алёшкина он подобрал уютный домик, находившийся

почти напротив ворот, ведущих в военный городок.

Дом этот, окружённый красивым цветником, был достаточно велик, и Борис полагал, что добрую половину его следует отдать врачам. В глубине двора виднелась зелень на хорошо ухоженных грядках.

Когда они с Игнатъичем начали перетаскивать во двор свои вещи, то тут, пожалуй, в первый раз, увидели настоящую живую «мирную» немку. Захватив из машины вещевые мешки, чемоданы, а также довольно объёмистый ящик с посудой, которую Игнатъич возил с собой ещё с Эстонии, они поднялись на невысокое крыльцо. Дверь была закрыта. Игнатъич взял топор и приготовился её взломать. Вдруг она неожиданно открылась, и на пороге показалась маленькая сухонькая старушка.

Увидев в руках Игнатъича топор, она отступила на шаг назад, испуганно подняла руки вверх и со слезами на глазах воскликнула:

– Ах, майн гот! Вер зинт кайне зольдатом! Вер зинт кайне фашистен! Хир лебт дер профессор!

Борис, как мог, попытался её успокоить, но его знаний немецкого языка явно не хватало, и он отправил Игнатъича за переводчицей.

Джек, насидевшись за дорогу в машине, весело бегал по двору. Борис в нетерпении топтался на крыльце, ему хотелось как можно скорее обследовать казармы, проверить правильность распределения помещений, побудить подчи-

нённых ему людей к ускорению очистки будущей территории госпиталя, развернуть операционно-перевязочный блок и сразу же подготовиться к приёму первых раненых. Как только были разгружены все машины, он отправил с уезжавшим командиром автороты донесение начальнику сануправления фронта о том, что госпиталь № 27 прибыл на место новой дислокации и с 24:00 2 апреля 1945 года будет полностью готов к приёму раненых. Он полагал, что это донесение в сануправлении получат не позднее 14–15 часов, и, следовательно, по радио дадут распоряжение всем медслужбам частей, преследовавших врага, о переключении потока раненых на него.

Знал он также, что вследствие стремительности наступления, наши части не могли основательно прочёсывать все посёлки и леса, находившиеся в стороне от основных дорог, а там могли остаться группы недобитых фашистов, поэтому нельзя исключить возможность диверсий и нападения на такой объект, как госпиталь.

Если госпиталь Романовского находился в здании, окружённом высокой кирпичной стеной, то двадцать седьмой размещался почти на открытом пространстве. Нужно было организовать надёжную круговую охрану. Хотя Добин получил распоряжение и, вероятно, уже этим занимался, но всё-таки нужно было всё проверить самому. «Надо попросить Павловского строго проконтролировать, нет ли в оставшихся продскладах спиртных напитков, и если есть, то органи-

зовать сторожайшую охрану. – Борис уже знал, что некоторые санитары и шофёры, да кое-кто и из начсостава госпиталя, весьма склонны к выпивке, а если они напьются, то вся работа по развёртыванию полетит к чёрту. – Надо организовать проверку всех соседних домов. Может быть, и в них притаились немцы. А тут ещё эта старуха стоит на пороге, в дом не войдёшь, ведь не будешь же её отпихивать...»

Алёшкин, погружённый в эти мысли, присел на один из своих чемоданов и закурил. Показалась Ася, та самая женщина, которую встретили в Эстонии и которая, теперь уже на должности дружинницы, была официально зачислена в штат госпиталя. Она исполняла обязанности переводчицы. Следом за ней, шагавшей крупными быстрыми шагами, едва поспевал Игнатъич.

Подойдя к Борису и узнав, что он хочет поселиться в этом доме, Ася поздоровалась со старушкой, и успокоив её, сказала, что начальник госпиталя, майор-врач, просит разрешения пожить здесь, пока госпиталь будет стоять в этом городе. Старушка засуетилась, ответила, что это большая честь – предоставить помещение начальнику, вероятно, её хозяин даст своё согласие.

Когда Борис, Ася и Игнатъич зашли в большую, очень чистую, уставленную самой разнообразной посудой кухню, старушка подошла к приоткрытому подвалу и крикнула (для удобства чтения её слова будем давать в переводе):

– Карл, Карл, подымись скорей наверх и помоги поднять-

ся профессору, тут пришли русские люди. Они ничего не ломают, не стреляют и не жгут, а вежливо просят разрешения остановиться у нас. Я думаю, что им можно будет уступить восточную половину дома: две комнаты и кухоньку с отдельным входом. Да вылезайте вы скорее, не бойтесь ничего!

В ответ на её слова послышалось какое-то ворчание, и из подвала один за другим выползли два старика. Один из них, более старый, был одет в какой-то длинный тёплый халат, а другой был в куртке, кепке и брезентовом фартуке. Старушка представила их Борису:

– Вот это мой муж, садовник Карл. А это наш хозяин, профессор, археолог, доктор Вернер. Я служу у него экономкой уже много лет. Этот дом принадлежит ему. Герр профессор, вы позволите? – и она изложила просьбу, переданную ей Асей.

Не очень-то хотелось Борису жить вместе с немцами, но уж больно на выгодном месте стоял дом.

Профессор старомодно поклонился и поздоровался за руку сперва с Асей, затем с Борисом. В ответ на переданную просьбу старушки чуть заметно кивнул головой, и больше не обращая внимания на прибывших, прихрамывая и сгорбившись, пошёл из кухни куда-то по коридору. Старушка спросила:

– А мы с Карлом можем остаться в этом доме? Ведь профессору нужно готовить еду, всё убирать, за огородом и за садом тоже уход нужен.

Борис ответил согласием и попросил побыстрее проводить его в ту часть дома, которую отводят ему под жильё. Там были две светлые небольшие комнатки. В первой, кроме стола и стульев, стоял большой диван. Решили, что тут поселится Игнатъич. Другая была поменьше, в ней, кроме письменного стола, платяного шкафа и кресла, стояла кровать. Из первой комнаты одна из дверей вела в небольшой коридорчик, в котором находились уборная и ванная, он упирался в кухню. Там так же, как и на хозяйской половине, было множество разной посуды. Из кухни через маленькую веранду имелся выход в огород.

Помещение Борису очень понравилось. Игнатъич, притаскивая вещи, в который уже раз сквозь зубы бормотал:

– И чего им, чертям, надо было? Ишь, как живут!..

Борис оставил его устраиваться на новом месте, а сам вместе с Асей отправился на новую территорию госпиталя, там работа кипела вовсю. Операционный блок полностью развернули. Уже через час после подготовки инструментов можно было принимать и обрабатывать первых раненых.

В этой же казарме на втором этаже устроили первые палаты. Работа шла конвейером: в то время, как одни выгребали мусор, мыли, чистили окна, полы, а иногда и стены, производя по необходимости мелкий ремонт, другие устанавливали и застилали койки.

Оказалось, что, кроме продовольственных, в этом военном городке фашисты бросили и вещевые склады. В них

имелось запасное нательное трикотажное бельё разных размеров, постельное бельё и несколько сотен новых матрасов, набитых морской травой.

Впоследствии Борис узнал, что хозяйственники госпиталя Романовского бедствовали с бельём и матрасами, а как следует обследовать территорию городка не удосужились. Не таким был его Захаров, который так дотошно обследовал и осмотрел соседние дома, что от него ничего не укрылось. Конечно, ко всем складам он поставил часовых.

Таким образом, из всего собственного имущества госпиталя потребовалось взять только инструментарий, медикаменты и перевязочный материал. Всё остальное пока так и оставалось лежать кучей на «плацу» под довольно небрежно растянутым полом палатки ДПМ. Несмотря ни на что, Захаров эти куски брезента продолжал возить с собой. «Нужно не позднее завтрашнего дня всё имущество перенести в какое-нибудь помещение», – подумал Борис, проходя мимо.

Батюшков уже развернул и приготовил помещение под сортировку. В довольно разорённом пищеблоке работали санитары и шофёры, знавшие слесарное дело. Старший из них, сержант Белоусов, обещал, что к вечеру можно будет пользоваться кухней.

Алёшкин приказал старшему повару пока срочно приготовить обед в полевой кухне и, в расчёте на возможность прибытия раненых, заложить не менее ста добавочных порций.

Выйдя из кухни, Борис столкнулся с замполитом Павлов-

ским, за которым бежала секретарь комсомольской ячейки Нина Куц, неся в руках свежий, только что выпущенный боевой листок «Медик». В нём, помимо сводки Совинформбюро, принятой Павловским по радио, были заметки, хвалившие отдельных медработников, успешно готовивших свои отделения к работе, а также критические замечания в адрес отстающих. Решили поместить этот листок на большом щите посередине площади, между казармами. Это место, очевидно, немцами тоже использовалось для вывешивания каких-нибудь приказов. «Медик», как всегда, был красочно оформлен различными рисунками и карикатурами, Куц умела неплохо рисовать.

Павловский доложил Борису, что он послал двух санитаров, чтобы прикрепить указатели на всех ближайших перекрёстках, с информацией, куда везти раненых. По рекомендации начальника сануправления таких указателей в каждом госпитале заготавливалось несколько десятков. Представляли они собой фанерную дощечку, выпиленную в виде стрелы, с красным крестом у острия и надписью: «Хозяйство Алёшкина». Прибивались они на телеграфных столбах, углах уцелевших домов и просто на деревьях так, чтобы стрелка указывала дорогу в направлении госпиталя.

После того, как боевой листок был вывешен, а Борис рассказал своему заместителю о встрече с немцами и о своей квартире, Павловский, который уже при помощи Аси тоже нашёл себе подходящее жильё, предложил Алёшкину сни-

мать поочерёдно людей с работы и направлять их для размещения по домам, которые им были отведены. Также он рекомендовал выделить несколько санитаров, чтобы в одной из казарм подготовить комнаты для жилья санитаров и дружинниц.

Борис согласился с этим предложением и, подозвав к себе проходившего мимо начальника штаба Добина, дал ему соответствующее указание. Затем Павловский предложил:

– А что, Борис Яковлевич, пока раненых ещё нет, обед ещё не готов, пойдём побродим по городу? Посмотрим, как его разделали, если встретим, пообщаемся с населением. Ведь не может же быть, чтобы фашисты всех до одного человека угнали. Вон твой профессор же остался, да и не один, а вместе со своими слугами. Здесь пока нашей военной власти, да и гражданской немецкой, нет. Наши прошли Штольпе с ходу, а удиравшие, видимо, об остающемся населении не позаботились, так что мы с тобой, хочешь не хочешь, в этом городе всю власть собой олицетворяем. Возьмём с собой Асю на случай необходимости переговоров.

– Что ж, пойдём, – согласился Борис. – Товарищ Захаров, – окликнул он проходившего недалеко своего зама по хозяйству, – мы с Вадимом Константиновичем пойдём немного по городу побродим, поглядим, что тут и как. Вы за меня остаётесь.

– Хорошо, идите, только возьмите с собой трех-четырёх бойцов на всякий случай.

– Ну да, может быть, ещё взвод охраны взять? – усмехнулся Борис.

– Возьмём, возьмём, – вмешался Павловский. – Вон комсомольца Петрова с автоматом, да и сами ППШ вооружимся.

Через несколько минут группа, состоящая из четырёх человек, уже шагала по направлению к центру Штольпе. Если окраины его казались относительно благополучными, то весь центр выглядел сплошными развалинами. Было видно, что разрушены самые большие и красивые здания города.

– Кому было нужно уничтожать эти магазины, театры и жилые дома? – спросил Борис Павловского.

– Я и сам не пойму, – ответил тот, – бои шли только на окраинах, там видны следы этих боёв, последствия артиллерийского и ружейного огня. А эти разрушения – следствие авиабомбёжек. Наши обычно бомбят военные объекты, а здесь что? Казармы почти не пострадали, а красивые жилые дома разбомбили... Ни черта не пойму! Да и бомбёжка-то давняя. Вон развалины уже травой поросли.

Лишь через несколько лет они узнали, что английская и американская авиация во всех городах восточной части Германии специально разрушала центральные, наиболее красивые районы городов и рабочие кварталы, оставляя нетронутыми не только большинство военных объектов, но и некоторые промышленные предприятия, в которых капиталисты США и Великобритании являлись такими же хозяевами, как Крупп и другие немецкие промышленники.

Около часа бродили они по развалинам и, так и не встретив ни одного немца, решили вернуться. На обратной дороге из бокового переулка показалась группа мужчин – человек десять в гражданской одежде, несших над головой самодельный французский флаг. Оказалось, что это специалисты, привезённые фашистами из Франции для работы на заводах «Телефункен». Во время боёв они, как и другие жители города, прятались в подвалах, а их охрана убежала вместе с отступавшими войсками.

От них удалось узнать, что в городе много жителей. С немецкими войсками ушли только члены национал-социалистической партии, а до этого из Штольпе выехали более или менее крупные капиталисты. Остальные жители сидят по подвалам и убежищам и пока выходить боятся, ведь бои за город окончились всего два дня назад. По мнению французов, очень скоро голод заставит всех оставшихся немцев выбраться наверх.

Всё это Борис узнал от французского инженера, хорошо владевшего польским языком. Он сообщил и о том, что в разбитых складах предприятия «Телефункен» находится много хороших аппаратов, которые могут растащить, если не принять меры к их охране.

По возвращении в госпиталь Алёшкин приказал Захарову выделить двух санитаров для охраны этих складов, пока госпиталь будет стоять в городе.

Француз знал город достаточно и обещал по просьбе Бо-

риса раздобыть для него хороший радиоприёмник. Чтобы знать, куда его доставить, он отправился вместе с группой. По дороге господин Жермо (так звали этого инженера) от имени остальных французов, а их в Штольпе было около сотни, просил Алёшкина организовать их возвращение на родину. Борис ответил, что этим вопросом будет заниматься военный комендант города, когда он появится, а он, как начальник госпиталя, может только помочь с питанием, если нужно.

– Благодарим вас, господин майор. Кое-какие продукты у нас есть, но если вы поможете нам хлебом и мясом, то мы будем вам благодарны.

Алёшкин тут же дал распоряжение Захарову выделить для французов необходимые продукты, теперь это не представляло затруднения. Госпиталю уже не раз попадались продовольственные склады фашистов, на которых находились и мясные консервы, и галеты, и мука. Подобный склад находился и здесь, в Штольпе.

После длительной прогулки по городу Алёшкин и Павловский в сопровождении французского инженера и переводчицы вернулись на территорию, занятую госпиталем. То, что они увидели, их поразило.

В чисто убранном дворе, вокруг которого стояли казармы (большую часть их окон уже успели застеклить, а в остальных кипела работа), стояла длинная очередь от самых ворот до прицепной полевой кухни за похлёбкой. Очередь эта, со-

стоявшая главным образом из ребятишек 8–10 лет, державших в руках тарелки, миски и даже консервные банки, медленно продвигалась к кухне. Там дежурный повар Козлов наливал в подставленную посудину похлёбку, и ребята тут же начинали прямо через край хлебать это варево, издававшее аппетитный запах. Попадались в очереди и женщины.

Увидев офицеров, очередь молча испуганно шарахнулась в сторону, а повар при появлении командиров прекратил раздачу, соскочил с подножки кухни и, подбежав, рапортовал:

– Товарищ начальник госпиталя, по разрешению капитана Захарова, старшины Бодрова и секретаря партячейки Логиновой, произвожу выдачу питания пострадавшему немецкому населению.

Затем тише добавил:

– Суп сварен из трофейных немецких консервов и крупы.

Борис переглянулся с Павловским, гладившим в это время какого-то малыша по русой головёнке, и ответил:

– Продолжайте, только в следующий раз кухню вывозите за пределы расположения госпиталя.

Затем он обернулся к сопровождавшему его французу и сказал:

– Видите, господин инженер, наши бойцы не злопамятны. У этого повара в Псковской области вся семья погибла, а он немецких детей кормит...

Зайдя в здание госпиталя, Борис обрадовался тому, как

быстро и хорошо санитары, дружинницы и медсёстры привели первую казарму в должный порядок. Он отсутствовал около трёх часов, а за это время полностью развернулись сортировка с санпропускником, операционно-перевязочный блок, пищеблок и несколько палат. Уже сейчас можно было начинать приём раненых.

Алёшкин посоветовал Захарову, воспользовавшись услугами переводчицы Аси, пригласить нескольких немцев из очереди около кухни для выполнения разных технических работ по госпиталю: уборку оставшихся казарм, а в дальнейшем и палат, на кухню в качестве судомоек и подсобных рабочих и т. п. Это был первый раз за всю войну, когда он решил воспользоваться услугами немцев. Всех согласившихся Алёшкин приказал зачислить на довольствие и выписывать им зарплату, как вольнонаёмным.

К вечеру он узнал от Захарова, что тот набрал двадцать человек, а желающих работать было гораздо больше. При этом большинство выражало согласие работать только за питание, но большего числа Захаров пока брать не решился, хотя и помнил распоряжение начальника сануправления фронта о доведении ёмкости госпиталя до 1 500–2 000 человек при штате, рассчитанном на 200 коек.

С утра следующего дня начали поступать раненые, и вскоре всем работникам госпиталя пришлось трудиться с полной отдачей. Передав административные функции Захарову и Павловскому, Алёшкин полностью включился в лечебную

работу. Он оперировал так же много и с таким же напряжением, как в период тяжёлых боёв на Волховском фронте. Облегчение было только в том, что в распоряжении медперсонала был настоящий постоянный электрический свет, водопровод, канализация и, конечно, хорошее помещение.

Осложнялась работа отсутствием эвакуации и тем, что поступающие раненые были всех профилей и различной тяжести. Наряду с тяжёлыми, требовавшими особой медицинской заботы, поступало много и таких, которые после обработки незначительных ран и перевязки могли отправляться в строй, но ведь никто не знал, где находится их часть. Никакого запасного полка в Штольпе ещё не было, хотя комендант с комендантским взводом уже появился. Кстати сказать, одновременно с этим в городе начала организовываться какая-то гражданская власть, и официально кормление детишек госпиталем прекратилось, но красноармейцы втихаря давали хлеб и другие продукты стоявшим около ворот ребятишкам.

Кроме раненых, стали поступать и больные, причём в основном носители венерических заболеваний, чаще всего гонореи. С ними приходилось ещё труднее, чем с легкоранеными. Если этих было трудно удержать в расположении госпиталя, то венерические больные вообще дисциплине не поддавались.

Единственным врачом, который разбирался в венерологии, был доктор Батюшков. Пришлось его освободить от ра-

боты в сортировке и назначить начальником венотделения. Для лечения пользовались старым методом: промываниями марганцевым раствором и таблетками стрептоцида. Это требовало много времени и терпения, а у больных его не было. Пришлось одну из казарм оборудовать нарами, огородить её колючей проволокой, у входа поставить часового и содержать здесь всех венбольных. Только такая мера позволила навести относительный порядок.

С большим напряжением госпиталь, и в особенности его начальник, спавший едва ли 3–4 часа в сутки, проработал более двух недель. 20 апреля 1945 года в расположении госпиталя появилась колонна автомашин, доставившая сменявший его фронтовой эвакуогоспиталь № 57 и приказ двадцать седьмому следовать далее вглубь Германии и остановиться в городе Дойч-Кроне. Так как транспорта не дали, а своих имелось всего двенадцать машин, включая и легковую ГАЗ-АА, Борис отдал приказ оставить большую часть трофейного имущества, в том числе и многое из того, что успел набрать себе личный состав. Увозили только самое необходимое.

Кстати сказать, в Штольпе госпиталь наконец-таки расстался со своим старым, практически совершенно вышедшим из строя, автобусом ЗИС-16. Лагунцов, бродя по городу, разыскал брошенную, большую, видимо, ранее пожарную, машину, и всё имущество, которое перевозилось на автобусе, перегрузил в неё. Составили акт и передали «старичка» вновь прибывшему госпиталю.

Двадцать седьмой прибыл в Дойч-Кроне. Там его догнал новый приказ: не развёртываться, следовать в город Вальденбург и ждать там дальнейших распоряжений. Оттуда госпиталь проследовал в Кюстрен, затем в Штеттин, Пренцлау. Во всех этих городах они находились от нескольких часов до суток, и лишь в Пренцлау пришло распоряжение следовать в город Варен и там развернуться немедленно по прибытии.

Глава восьмая

Хотя по имеющейся у Алёшкина карте можно было определить, что город Варен находится северо-западнее Берлина и, по-видимому, ещё занят фашистами, он за последнее время так привык ничему не удивляться, что, получив приказ, 26 апреля отправился туда. Как всегда, они с Захаровым и двумя автоматчиками выехали вперёд на рекогносцировку, оставив колонну под командованием Павловского на расстоянии 5–8 километров от себя. Одновременно он дал распоряжение, чтобы колонна пока в город не въезжала: возможно, что помещение для его размещения найдётся где-нибудь на окраине.

Варен – маленький, чистенький и совсем не тронутый войной городок производил приятное и в то же время удивительное впечатление. Его, очевидно, сдали без боя, так как никаких следов боевых действий и даже прохождения крупных подразделений наших войск не было. Больше всего изумляло, что он, видимо, совершенно не подвергался бомбёжкам с воздуха.

Многие городки и даже небольшие посёлки Германии, встречавшиеся на пути следования госпиталя, почти всегда носили следы налётов, производимых американской и английской авиацией, даже в том случае, если этот населённый пункт не имел никаких военных объектов, а, следовательно,

и стратегического значения.

Варен составлял удивительное исключение. Он располагался на берегу озера Мюриц, имел значительный железнодорожный узел, много складов, в центре было достаточно крупных зданий, и тем не менее, его ни разу не бомбили. Непонятно!

Пока Борис и Захаров делились друг с другом этими впечатлениями, машина бесшумно катилась по асфальтовой мостовой и уже приближалась к центру, который, как и во всех немецких городках, обозначался площадью перед зданием ратуши, отличавшейся от других домов небольшой башней с часами.

В палисадниках чистеньких домов беззаботно играли дети, по тротуарам шли в различных направлениях пешеходы, не было только автомашин. В центре города торговали магазины, большие и маленькие. Вообще, городок выглядел так, как будто никакой войны не было. Более того, когда машина остановилась около здания ратуши, и Алёшкин с Захаровым, сопровождаемые автоматчиками, вышли из неё, то у входа в дом они увидели немецкого полицейского в форме. Борис и Захаров переглянулись: «Уж не попали ли мы в «логово зверя»? Может быть, город ещё в руках фашистов?», – подумали они одновременно. Очевидно, о том же подумал и Лагунцов. Он быстро развернул машину и, не глуша мотора, открыл обе дверцы, как бы приглашая в случае необходимости своих командиров и бойцов быстрее садиться.

Но к немалому удивлению наших разведчиков, шуцман (сотрудник нацистской полиции. Прим. ред.), увидев выходящих из машины советских офицеров, вытянулся, приложил руку к своей форменной каскетке и, распахнув дверь, около которой стоял, вежливо, пожалуй, даже подобострастно, произнёс:

– Битте, комхер!

Кстати сказать, прибытие представителей Красной армии, видимо, заинтересовало прохожих, в основном женщин и детей, вероятно, видевших советских воинов впервые. Они стали останавливаться в некотором отдалении от машины, о чём-то быстро, беспокойно, но тихонько, переговариваясь.

Поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, офицеры были встречены пожилой немкой, которая радостно улыбалась и, сделав приветственный жест, показала рукой на находившуюся почти прямо против лестницы большую дверь, проговорила:

– Хир ист герр бургомистр, битте!

Это выражение оба командира научились понимать. Они направились к двери, оставив второго из сопровождавших их автоматчиков на лестнице, первый уже стоял на улице у входной двери. Сами они, кроме пистолетов, были вооружены автоматами ППШ и готовы были при первом же признаке тревоги открыть из них огонь.

Войдя в большую комнату, они увидели за письменным столом старого, гладко выбритого мужчину. Лысина его бы-

ла обрамлена венчиком седых волос, а на худом, сморщенном лице отражалась сильная усталость. Он встал, радостно улыбнулся и неожиданно по-русски произнёс:

– Славу Богу, наконец-то вы пришли!

Борис и Захаров от изумления даже остановились.

– Проходите, садитесь, сейчас я вам всё расскажу. Курите.

Всё ещё не придя в себя, гости сели к столу, и закурили.

Захаров протянул пачку «Казбека» и старичку. Тот взял папиросу, долго мял её пальцами, потом закурил и сказал:

– О-о! Как давно я не курил русский табак! Зер гут!

Через полчаса Борис и Захаров уже знали, что этот немец – автомеханик. В 1932–1935 годах он работал в качестве иностранного специалиста на Горьковском автозаводе, где научился русскому языку. После возвращения в Германию его отправили в концлагерь на пять лет. Будучи антифашистом, он находился в Варене на нелегальном положении, под чужой фамилией, работая в депо на железной дороге. Эта работа помогла ему избежать тотальной мобилизации.

Тихий провинциальный Варен имел две особенности. Первая – его пригород служил местом отдыха многих берлинских капиталистов, для чего там было построено около трёх десятков роскошных вилл. Большая часть населения и торговые предприятия городка обслуживали эти виллы. Вторая – в противоположной части Варена с 1939 года находился большой лагерь военнопленных, американских и английских лётчиков.

Узнав это, Захаров понимающе посмотрел на Бориса: «Так вот почему англичане и американцы не бомбили этот городок, ведь многие германские крупные капиталисты были тесно связаны не только финансовыми, но и родственными узами с представителями крупного капитала Америки и Англии. Кроме того, и лагерь со своими – англичанами и американцами...»

А между тем старичок рассказывал дальше. Он сообщил, что начальник немногочисленного гарнизона, узнав о приближении Красной армии, выслал делегатов с просьбой не обстреливать Варен, так как город капитулирует без сопротивления. Командир дивизии, к которому обратилась делегация, согласился и пообещал прислать своих людей – коменданта и воинскую часть. Однако до сих пор никто не приехал.

– Гарнизон, охрана лагеря, находившиеся в городе нацисты (бывший бургомистр и часть полицейских) решили не ждать прихода советских войск, а сразу же после ухода делегации покинули город, сев на поезд, отправлявшийся на запад, в сторону Гамбурга. В Варене наступило безвластие. Тогда, – продолжал свой рассказ старый немец, – антифашистский подпольный комитет назначил бургомистром меня. Первым моим распоряжением было, чтобы все жители вывесили белые флаги.

Тут Борис и Захаров поняли, почему из окон домов свисали простыни, они ещё изумились подобному способу суш-

ки белья.

– Мне сейчас очень трудно. Большинство служащих бургомистрата сбежали, осталось всего два-три человека, да несколько полицейских, а в городе начались беспорядки. Англичане и американцы, выйдя из лагеря на свободу, стали грабить население и обижать его, особенно женщин. Я очень рад, что теперь прибыли вы и наведёте соответствующий порядок.

Алёшкин был смущён этим рассказом и особенно его концовкой. Он совсем не готовился к тому, чтобы принимать на себя административные функции в каком-либо немецком городе. Он так и сказал бургомистру:

– Видите ли, камрад бургомистр, мы представляем собой медицинское учреждение, я начальник госпиталя, а это мой помощник. Мы обязаны как можно скорее развернуть госпиталь в каком-нибудь помещении вашего города, скоро придут первые машины с ранеными. Мы не вправе, да просто пока и не сумеем, выполнять административные функции. Единственное, чем мы вам готовы помочь, при условии, что помещение для госпиталя не потребует большой работы по его обустройству, это выделились десять красноармейцев, которые могут патрулировать улицы города.

Было видно, что старик, хотя и разочаровался, что принял не коменданта города, а лишь начальника госпиталя, заинтересованного только в том, чтобы скорее развернуть своё учреждение, обещанной помощи всё-таки обрадовался. Он

сказал:

– Очень жаль, что в городе не будет пока твёрдой военной власти, но спасибо и за тех солдат, которых вы мне выделяете. Насчёт размещения госпиталя не волнуйтесь: в том же лесу, где расположены виллы богачей, стоит прекрасное трёхэтажное здание госпиталя для офицеров-подводников. Только вчера оттуда вывезли на катерах по озеру последних раненых. Никаких разрушений, кажется, там нет. Занимайте это здание, я вам дам проводника. А когда ждать ваших солдат?

– Часа через два, – немного подумав, ответил Борис.

Нужно заметить, что этот разговор проходил не так гладко, как мы его описали: немец говорил по-русски всё-таки плоховато, часто вставлял немецкие слова и переиначивал русские, не сразу понимал Бориса, поэтому переговоры заняли порядочно времени, во всяком случае, более часа. Лагунцов, сидевший в машине, уже начал беспокоиться, тем более что среди стаяк немецких женщин, детей и стариков вдруг начали появляться здоровенные верзилы, что-то кричавшие на незнакомом языке и, видимо, основательно выпившие. Они находились рядом с женщинами, бесцеремонно расталкивали их, однако ближе к машине подходить не решались. В ответ на это и Лагунцов, и оставленный внизу автоматчик приняли оборонительное положение, направив оружие в сторону этих людей.

Старик-бургомистр позвонил колокольчиком, и когда к

нему зашла женщина, встретившая Бориса и Захарова, он ей что-то сказал по-немецки. Вскоре в комнату вбежал молодой немец, почти мальчишка, и, увидев советских офицеров, испуганно застыл у двери. Бургомистр что-то сказал ему, и он моментально выскочил за дверь.

– Поезжайте за этим паренёком, он вас проводит. Да, пожалуйста, не забудьте про обещанных солдат, – попросил бургомистр.

Попрощавшись со стариком за руку (кстати, это был первый немец, которому Борис пожал руку), посетители вышли из ратуши.

Мальчишка уже стоял около машины с велосипедом, пытаясь что-то объяснить Лагунцову, который сердито на него покрикивал. Сели в машину, паренёк вскочил на велосипед и поехал вперёд.

– Поезжай за ним, – сказал Борис шофёру.

В предполагаемое для размещения госпиталя место пришлось ехать по дороге, идущей вдоль берега озера Мюриц. Выехав из города, на развилке дорог они встретили колонну своих машин. Борис приказал колонне следовать за ними. Через 15–20 минут показался лес. Это был обычный немецкий лес, состоявший из молодых сосёнок. Было видно, что он создан искусственно, так как все деревья стояли совер-

шенно правильными рядами, расположенными довольно густо, почва под ними была чисто выметена. Лес прорезало великолепное асфальтированное широкое шоссе. Слева, среди деревьев, то там, то здесь мелькали красивые одно- и двухэтажные небольшие дома, справа, ближе к берегу озера, лес был редкий, естественный и никаких строений не виднелось.

Проехав по этой дороге около трёх километров, вдруг совершенно неожиданно они увидели кирпичное, выкрашенное белой краской, большое трёхэтажное здание, рядом с ним – двухэтажный дом поменьше, а сквозь железную ограду виднелось несколько одноэтажных строений, очевидно, служивших для хозяйственных надобностей. Ворота, ведущие во двор этого здания, были широко распахнуты. Вокруг не было видно ни одного человека. На противоположной стороне дороги, почти прямо напротив большого дома, стояло несколько деревянных барачков, обнесённых изгородью из колючей проволоки, по-видимому, они также пустовали.

Подъехав к зданию, велосипедист остановился, слез с машины и, обведя руками вокруг, сказал:

– Дас из госпиталь!

– Данке, – ответил Борис и показал жестом, что сопровождавший может вернуться в город.

Колонна ещё не успела подойти, как Алёшкин и Захаров уже обежали весь дом и убедились, что фашисты вывозили раненых в большой спешке, поэтому побросали всё медицинское имущество, медикаменты, инструменты и бельё.

Все помещения были совершенно целыми, ни одного разбитого стекла. Действовал водопровод. Электричество, поступавшее из города, тоже было исправно. Больше того, работал даже телефон, по которому Борис сумел связаться с бургомистром города. На кроватях лежало частью испачканное кровью постельное бельё, разбросанное в беспорядке.

Для приведения в порядок этого здания и для развёртывания в нём госпиталя требовалось всего несколько часов. К вечеру этого же дня можно было начать приём раненых, так Борис и сообщил связному сануправления, догнавшему колонну ещё в пути. Тот на мотоцикле помчался с донесением, а Алёшкин вместе со своими помощниками распределил помещения между отделениями госпиталя и потребовал от медперсонала закончить их подготовку к 20:00. Это было 29 апреля 1945 года.

Добин организовал охрану территории, занятую госпиталем: выставил часовых у основного помещения, а в полукилометре от него на дороге установил шлагбаум с постовым. При этом выяснилось, что дорога в двух километрах от госпиталя упиралась прямо в берег озера, пересекая, таким образом, как бы небольшой полуостров. Дальше имелись только пешеходные тропинки, ведущие в лес.

Метрах в восьмистах от здания госпиталя на этой же стороне дороги стояло три двухэтажных дома, заполненных детьми, женщинами и стариками. Как удалось выяснить, это были семьи медперсонала, обслуживавшего госпиталь и до-

ма по соседству. Люди были очень напуганы появлением военных в красноармейской форме. Хотя Алёшкин и Павловский, собрав своих подчинённых, настрого запретили им проявлять какие-либо враждебные действия по отношению к местным немцам, а последним запретили проход на территорию госпиталя, всё же на всякий случай с этой стороны поставили второй шлагбаум с часовым, создав ещё один пропускной пункт. Кроме того, для охраны со стороны леса решили выдвинуть подвижной пост – патруль из двух человек для обхода по окраине леса на противоположной стороне дороги.

Здание госпиталя одним своим краем примыкало к самому берегу озера. Там была небольшая бухточка, на волнах которой качалось несколько яхт и около десятка вёсельных лодок. Как потом выяснилось, в распоряжении госпиталя имелось шесть быстроходных катеров, на них-то и были вывезены раненые офицеры-подводники, лечившиеся здесь, обслуга, а также выздоравливающие рядовые матросы, находившиеся в бараках.

Пока Алёшкин и Захаров занимались распределением помещений большого дома для лечебных отделений госпиталя, Павловский занялся размещением личного состава. По просьбе Игнатича, Алёшкину предоставили две комнаты на втором этаже в двухэтажном доме, находившемся рядом с госпиталем. Остальная часть этого дома отводилась для жилья медсестёр, дружинниц, санитаров и хозяйственников.

Для себя и врачей Павловский избрал одну из дач, находившуюся в 150–200 шагах от здания госпиталя.

Лагунцов тоже не терял времени даром. В гараже, обнаруженном во дворе, он нашёл две большие грузовые машины, не требовавшие ремонта, а съездив в город, разыскал в заброшенных гаражах местных богачей, удравших за границу, четыре прекрасные легковые машины. Весь этот автопарк вместе со своим транспортом так же, как и штаб госпиталя, решили разместить на той территории, где находились бараки. При беглом осмотре выяснилось, что и из них фашисты бежали с такой же поспешностью, как и из основного здания.

Когда все службы разместились на территории барачков, в одном из них обнаружили истощённого молодого немецкого солдата, лежавшего на койке. Увидев русских, он страшно испугался и поначалу от страха не мог вымолвить ни слова. Только после того, как переводчица Ася сказала ему несколько ободряющих немецких фраз, он немного успокоился и стал говорить. Рассказал он о том, что эвакуацией госпиталя руководили эсэсовцы. Офицеров, не обращая внимания на их состояние и протесты медиков, грузили на катера, поспешно уходившие в северо-западном направлении. На эти же катера погрузили и весь личный состав госпиталя. Раненых матросов рассортировали: более или менее трудоспособных взяли с собой, остальным приказали вынести на носилках всех лежачих и увели их куда-то в лес.

Дней через пять после того, как госпиталь обосновался в

этом месте, Алёшкин и Захаров, бродя по лесу с охотничьими намерениями, так как там оказалось множество коз, служивших дичью для охоты приезжавшим на дачи богачам, наткнулись на большую воронку от бомбы, заполненную трупами немецких матросов, кое-как присыпанную землёй.

Найденный матрос рассказал также, что ему удалось спастись чудом. Он участвовал в погрузке раненых офицеров на катера и в самый последний момент был отправлен в помещение госпиталя, где один из врачей забыл свой серебряный портсигар. Когда с этим портсигаром он вернулся на берег, то катера находились от него более чем в полукилометре. Идти в город он не решился, а спрятался в одном из барачков, надеясь, что как-нибудь сможет вернуться в Берлин.

— Но тут неожиданно появились вы, я испугался ещё больше, ведь эсэсовцы уверяли, что русские расстреливают всех подряд. Я запрятался в самый дальний угол. Сутки перед отъездом нас не кормили, значит, уже двое суток я не ел. Воду ночью пил из бочки, стоявшей под водосточной трубой.

Алёшкин и Павловский с помощью Аси разъяснили перепуганному парнишке (ему было всего 16 лет), что ничего ему не грозит, они его даже в плен не возьмут и, если он хочет, может пойти куда угодно. Однако посоветовали отсидеться в этом городке до окончания войны, а она должна кончиться очень скоро.

Борис приказал Захарову накормить немца, что и было сделано. Поев, парень захотел отблагодарить русских и через

переводчицу сообщил Захарову, что на площадке, где стояли бараки, есть вход в подземный продовольственный склад.

– Из него, наверно, не успели вывезти все продукты, – сказал он.

Действительно, в северо-западном углу площадки, почти у самой ограды обнаружили искусно замаскированную дверь, запёртую висячим замком. Когда сбили замок и открыли её, внутри оказалось забетонированное обширное подземелье, по стенам которого размещались полки и ящики с самым разнообразным продовольствием, имевшим марки и этикетки различных европейских стран. Тут были и португальские сардины, и итальянские макароны, и голландские сыры, сливочное масло, французские вина, ветчина, копчёности и все виды круп. находка очень обрадовала и Алёшкина, и Захарова, теперь они могли месяца два-три кормить личный состав госпиталя и полный комплект раненых, не думая о получении продуктов с продсклада фронта.

А раненые уже начали прибывать. 1 мая 1945 года в госпиталь поступила первая партия из Берлина и его северо-западных окраин, их было человек двести. Через день поступило ещё сто человек, затем поток раненых прервался.

Теперь и у Алёшкина, и у Павловского, и у Захарова, и почти у всех врачей имелись радиоприёмники, подобранные в Штольпе и других немецких городах. Благодаря электричеству, можно было слушать как Москву, так и вещание фашистов. Установили приёмники и в палатах.

Из сводок Информбюро стало известно о самоубийстве Гитлера, о прекращении сопротивления фашистов в Берлине. Все ждали со дня на день сообщения о конце войны, и вот этот день наступил, восьмого мая война была окончена. Мы победили!

Сообщение это в госпитале получили поздно вечером, и все, кто имел оружие, выскочили на улицу, открыли отчаянную пальбу в воздух и пустили ракеты. Люди ликовали. Все раненые, способные передвигаться, тоже выбрались на улицу, остальные подобрались к окнам и с восторгом смотрели на салют, устроенный их товарищами.

На следующий день, когда стало известно, что Днём Победы считается 9 мая, устроили торжественный обед для всех раненых и личного состава. Решили пустить в расход весь ассортимент имевшихся трофейных продуктов и вин.

Перед обедом Павловский провёл краткий митинг. В своей речи он призвал командиров и бойцов не расслабляться, помнить о том, что они находятся во вражеской стране, что, несмотря на капитуляцию военного командования фашистов, могут действовать различные диверсионные группы, и поэтому бдительность следует сохранять так же неукоснительно, как и во время войны.

Это было нелишним предупреждением, у многих бойцов появились признаки халатности в несении караульной службы, и Алёшкину с его помощниками иногда приходилось применять строгие наказания.

Сразу же после обеда раненые потребовали немедленной эвакуации в тыл, лучше всего на Родину. Конечно, выполнить это было невозможно, во-первых, по состоянию здоровья некоторых, а во-вторых, потому, что начальник госпиталя просто не знал, куда можно направлять раненых, – связь его с начсанупром оборвалась. Где находились в тот момент фронтовые госпитали, он не представлял.

Для того, чтобы успокоить возмущённых раненых, Борис решил сам съездить в Пренцлау, где ранее находилось сануправление фронта. На хорошей легковой машине, которая теперь была в его распоряжении (шикарный шестиместный «мерседес»), взяв с собой двух автоматчиков, он отправился в путь. 90 километров, которые отделяли Пренцлау от Варена, несмотря на все препятствия (взорванные мосты и объезды многочисленных воронок), они преодолели за два часа. К счастью, генерал-майор медицинской службы оказался на месте.

С интересом выслушав доклад Алёшкина о городе Варене и местоположении госпиталя, он тут же дал распоряжение начальнику орготдела о немедленной полной эвакуации всех транспортабельных раненых из во фронтовые учреждения. Отпуская Бориса, Жуков предупредил, что не позднее чем через два-три дня к нему в госпиталь приедет специальная комиссия в составе члена Военного совета, генерала Рузского, начальника тыла фронта, генерала Лагунова и его самого, Жукова.

– Тебе, товарищ Алёшкин, вероятно, будет дано особое задание. Подтяни своих ребят, наведите в госпитале и вокруг него образцовый порядок, – закончил генерал свою речь.

В тот же день Борис с этой новостью вернулся в Варен, а так как почти вслед за ним прибыл десяток автобусов, то к утру следующего дня из госпиталя вывезли почти всех раненых.

Началась генеральная уборка помещений. В ней приняли участие все – от начальника госпиталя до дружинниц и санитаров. Работа длилась почти сутки, и к утру следующего дня весь госпиталь, а также его территория, прямо-таки блестели.

Глава девятая

Через два дня действительно нагрянула комиссия, причём в её составе, кроме тех, кого ждал Алёшкин, оказался и сам командующий фронтом, маршал Советского Союза В. К. Рокоссовский. Борис, как и его заместители и помощники, очень удивился такой чести – присутствию этой высокой комиссии в их госпитале. Бегло оглядев некоторые помещения, приезжие направились в кабинет начальника госпиталя и пригласили туда же его самого, замполита и помощника по хозяйственной части.

Когда все уселись за столом, генерал Жуков с молчаливого разрешения маршала Рокоссовского сказал:

– Товарищ Алёшкин, вы мне рассказывали о виллах рядом с госпиталем, я доложил о них маршалу, и он принял решение организовать на базе вашего госпиталя кратковременный дом отдыха для высшего командного состава фронта. Нам нужно осмотреть сейчас эти виллы, и если они действительно так хороши, как вы описывали, то использовать их. На ваш госпиталь ляжет большая ответственность по организации этого своеобразного дома отдыха. Отдыхать будут генералы и полковники, занимавшие должности не ниже командира дивизии и корпуса, а также члены Военных советов и командующие армиями. Так что создание необходимого рациона питания, медицинского наблюдения, лече-

ния и, конечно, охраны будет делом нелёгким. Как видите, доверие вам оказываем немалое. Для дополнительной охраны и несения караульной службы выделим вам роту автоматчиков, разместить её можно в одном из барачков. Командир этой роты будет полностью подчинён вам. Ну а сейчас, товарищ маршал, пойдём посмотрим некоторые из домов, их здесь двадцать два.

– Да, двадцать два, – ответил Алёшкин. – Но я сам не видел все, посмотрел только некоторые. Вот товарищ Захаров успел обследовать каждый дом и уверяет, что они шикарные.

– Так уж и шикарные, – усмехнулся Рокоссовский. – Ну, пойдём проверим, посмотрим. А вообще-то, наши генералы заслужили хоть несколько дней отдохнуть в шикарных домах. Хватит с них землянок, палаток да лесных шалашей. Пойдём, показывайте!

Вся эта группа вышла из здания госпиталя и, пройдя около ста шагов по дороге, а затем свернув в сторону леса, как-то незаметно очутилась перед небольшим красивым и даже немного вычурным одноэтажным домом, с круглой башенкой посередине. Участок соснового леса вокруг дома был обнесён изящной железной оградой. Борис позвонил в звонок у калитки, расположенной рядом с воротами ограды. На звонок из-за дома вышел опрятно одетый старый немец лет шестидесяти в белом фартуке с метлой в руках.

Увидев много офицеров Красной армии, причём большую часть с генеральскими погонами, он немного опешил от

неожиданности, затем опомнился, бросил метлу, бегом направился к калитке, распахнул её и, согнувшись в полупоклоне, встал в стороне.

Рокоссовский удивлённо спросил:

– И что же, тут в каждой вилле немецкий сторож есть?

– Да, – ответил Борис. – Когда мы нашли эти виллы, то товарищ Захаров собрал всех сторожей-дворников, разрешил им остаться в их квартирах (как правило, они в глубине двора), приказал следить за чистотой и никого, кроме меня и его, в помещение не впускать. Также у нас выделено два подвижных поста, которые патрулируют входы в виллы со стороны дороги и со стороны леса. Хотя въезд на эту территорию охраняется шлагбаумами, тем не менее, эта мера необходима: могут появиться любители «почистить» помещения и из немецких дезертиров, и из наших братьев-славян.

Пока Алёшкин докладывал всё это маршалу, Захаров, взяв ключи у дворника, забежал вперёд и предупредительно открыл парадную дверь. Этот небольшой дом из шести комнат с мансардой наверху и большой верандой, выходявшей в хорошо ухоженный цветник, очень понравился Рокоссовскому и всем остальным генералам. Генерал-лейтенант Лагунов даже сказал:

– Эх, самому бы отдохнуть в таком домике!

Рокоссовский улыбнулся и заметил:

– Ну, это вам вряд ли удастся, а вот если семью свою сюда привезёте, то на некоторое время можно. Я, может быть, и

своих пришлю.

Эти виллы, как мы уже говорили, служили дачами для крупных немецких фабрикантов и других капиталистов и, так как все они с началом наступления советских войск на Берлин спешно эвакуировались в нейтральную Швецию и Швейцарию, то имущество, имевшееся на этих дачах, оказалось брошено на произвол судьбы. Варен и его окрестности были взяты без боя, виллы стояли в стороне от основной дороги, и поэтому никакого ущерба не понесли. Вся мебель, богатейшая обивка стен, радиоприёмники, посуда и даже одежда и бельё, которыми пользовались хозяева при посещении дач, находились на месте. В гаражах некоторых вилл стояли легковые автомобили. Правда, тут Лагунцов проявил активность, и три наиболее дорогих машины переехали во двор госпиталя.

Осмотрев таким образом пять вилл, комиссия приняла следующее решение: дать госпиталю на подготовку десять дней, а затем направлять в него генералов на десятидневный отдых. Список и очерёдность составит член Военного совета фронта, генерал Рuzский. Ему нужно было предупредить всех направляемых, что они могут взять с собой двух-трёх человек (например, адъютантов или ещё кого-нибудь) и не более двух автоматчиков для личной охраны, также поста-

вить в известность, что за порчу или хищение имущества виновные будут подвергаться самым суровым взысканиям, вплоть до отдачи под суд военного трибунала. Каждому направляемому начальник сануправления фронта генерал Жуков должен будет выдавать соответствующую путёвку с перечислением сопровождающих лиц и указанием срока пребывания. В госпитале эти путёвки станут документами строгой отчётности. Начальнику тыла генералу Лагунову поручалось обеспечить госпиталь необходимым продовольствием. Конечно, это решение мы передаём не дословно, а лишь сохраняя его суть.

Прощаясь с Алёшкиным, Рокоссовский сказал:

– Наверно, через неделю я пришлю сюда жену и дочь, предоставьте им помещение, какое они сами выберут. О готовности приёма отдыхающих доложите генерал-майору Жукову.

На следующий день после отъезда комиссии в госпитале началась прямо-таки бешеная активность. На коротком совещании, проведённом Алёшкиным и Захаровым, решили для каждой виллы выделить специальную медсестру, которая станет сестрой-хозяйкой и будет отвечать за всё хозяйственное обслуживание отдыхающих на вилле, организацию их питания, а если потребуется, и лечения.

В каждом доме имелось две-три спальни с кроватями. Решили все их заправить чистым бельём, а остальное постельное бельё, а также гражданскую одежду, находившуюся на

виллах, собрать и сдать на склад госпиталя (иногда шкафы просто ломились от одежды). Питание запланировали организовать по специальным заказам каждого отдыхающего, получая эти заказы за день, для приготовления пищи использовать пищеблок госпиталя. Повара у них были весьма квалифицированные, главное, чтобы ассортимент продуктов не подвёл. Питание решили доставлять в специальной посуде – термосах и судках. Предполагалось, что дружинницы под руководством сестры-хозяйки будут разогревать еду на кухне, имевшейся в каждой вилле (там были газовые плиты).

Обсудив детали, все принялись за работу, а Борис и Захаров отправились к генерал-лейтенанту Лагунову с просьбой организовать своевременную доставку с фронтовых складов высококачественных продуктов. Тот принял их очень любезно, но заявил, что получение и доставку продуктов им придётся взять на себя. Найдя на карте недалеко от города Варена фольварк (поместье), он сказал:

– Вот вам и база, и склад. Используйте те продукты, которые там сумеете найти. Доставку их организуйте сами. Да, наши генералы нуждаются и в спиртном. Вот тут, – он вновь ткнул в карту, – есть спиртоводочный завод, передаю его в ваше распоряжение. Остальное ищите в городке. Всё, что нужно, берите, оставляя расписки, я вам дам соответствующее разрешение.

Он вызвал кого-то из своих помощников и приказал перечисленные распоряжения оформить соответствующим при-

казом, а на имя начальника госпиталя выдать удостоверение.

Выйдя из кабинета генерала Лагунова, Борис и Захаров недоумённо переглянулись:

– Вот так фунт, – не вытерпел Захаров. – Что мы там найдём в этом фольварке? И в нашем городке?

– Да-а, – протянул Алёшкин, – вот тебе и обеспечение продуктами! Но всё-таки поедем посмотрим.

Часа через два, ориентируясь по карте, они разыскали поместье. Оно состояло из большого хозяйского дома с заколоченными окнами и полутора десятков коттеджей, в которых жили немцы-сельхозработчие. Выяснив с помощью мешанины из немецких, польских и русских слов, что сельхозработами и вообще, всей деятельностью поместья руководил старший рабочий, Алёшкин и Захаров отправились к нему.

В доме они застали за обедом семью: хозяин – мужчина лет сорока пяти без левой руки, его жена – подвижная, молодая женщина, и трое детей. Увидев входивших офицеров, а следом за ними двух солдат с автоматами, все обедавшие испуганно вскочили. Детишки бросились к матери, а мужчина встал, как бы загораживая их, насупился и, поглядывая на незваных гостей исподлобья, угрюмо молчал.

Борис вышел вперёд и на ставшем уже привычным, смешанном языке спросил, верно ли, что Ганс Штубер (фамилию ему подсказали в первом доме) – старший рабочий этого поместья. Немец ответил на исковерканном, но всё-таки понятном, русском языке, что это правда. Мы передадим со-

держание его речи в целом, как его поняли Борис и Захаров. Штубер действительно принял на себя обязанности старшего, так как их хозяин ещё два месяца назад уехал в Берлин и более не возвращался, а оставленный им управляющий, как только «русские взбунтовались», ускакал верхом неизвестно куда.

Услышав это, начальник госпиталя со своим заместителем, уже находясь во второй комнате домика и сидя на вежливо предложенных хозяевами стульях, изумлённо спросили:

– Какого бунта? Каких русских?

Штубер ответил:

– Вы ещё не осматривали поместье? Там за конюшней находится большой барак со сплошными нарами. В нём жили русские – женщины и подростки, которых пригнали сюда из России, а наш хозяин выкупил их себе для работы. Хозяйство у него большое, всех рабочих-мужчин взяли в армию, вот он и набрал русских. Они с управляющим обращались с русскими ребятами, шестнадцатилетними парнями и девушками, как с рабочим скотом, работать заставляли по 12–16 часов, а есть давали похлёбку из брюквы и маленький кусочек хлеба. У нас тоже очень маленькие нормы, но всё же жить можно, а этих несчастных людей держали на голодном пайке. Кое-кто из наших помогал им, приносил на работу еду (картошку, хлеб или кусочек мяса), но это строго наказывалось. Уличённый в таком преступлении вместе со всей

семьёй лишился своего пайка на неделю, на две, а то и на месяц. Немудрено поэтому, что как только мимо фольварка проехали последние машины с солдатами, а следом за ними появились советские танки, при этом охрана помещика сбежала, русские почувствовали себя свободными и, вооружавшись кто чем мог – вилами, топорами, лопатами, принялись громить барскую усадьбу. Управляющий сбежал, мы тоже перепугались, ведь в фольварке живёт всего пятеро мужчин, таких же калек, как и я, остальные – женщины и дети, а русских рабочих было больше ста человек. Но они не тронули ни одного из нас, только забрали продукты и разные вещи из имения, запрягли четыре подводы и отправились со всем этим куда-то на восток.

Алёшкин и Захаров не раз уже встречали подобные группы репатриированных, самостоятельно возвращавшихся домой, и потому рассказу немца поверили, а он между тем продолжал:

– Русские ушли, а хозяйство осталось. У нас здесь сотня молочных коров, много телят и бычков, откармливаемых на мясо, куры, индюки. У нас маслобойный завод, хозяйство производит масло, мясoproдукты и яйца. Нельзя же было бросить это всё на произвол судьбы! Меня избрали старшим, и мы все продолжали работу, как и раньше, только теперь нам приходится работать больше.

– А куда же вы деваете получаемые продукты? – поинтересовался Захаров.

– Раньше хозяин отправлял их в Варен и другие города, там у него были магазины, а сейчас у нас есть большой погреб с холодильником, всё получаемое в нём и храним. Мы хозяйского не берём, вдруг он вернётся. Всё цело, у меня записано в книге.

– А как же вы питаетесь?

– По нормам, которые раньше были. Решили только прибавить по пол литра-молока на маленьких детей.

Задав ещё несколько вопросов Штуберу и осмотрев склады поместья, Алёшкин и Захаров убедились, что это хозяйство, действительно, в полном порядке, и если и нуждается в чём-либо, так только в дополнительной рабочей силе.

Один из сопровождавших их санитаров, в прошлом председатель колхоза, с завистью посматривал на упитанный скот, запасы корма для него, склады в погребе, забитые мясом, сливочным маслом, яйцами. Борис заметил это и, обратившись к нему, спросил:

– Ну как, товарищ Коноваленко, нравится вам это поместье?

– Ещё бы, товарищ майор, такое богатство! Нам бы так-то жить!

– Подождите, дайте срок, заживём лучше. А у них кто жил? Богатей, помещик. А эти немцы, что мы тут видим, они же все голодные, живут-то хуже некуда. Детишки-то прямо синие все.

– Да уж... И чего они от этого богатства не берут? – изу-

мился Коноваленко.

– Чего, чего... Такая уж у них палочная дисциплина! – заметил второй санитар.

– Ну так вот, товарищ Коноваленко, – заявил Алёшкин, – в соответствии с имеющимся у меня приказом начальника тыла фронта, мы этот фольварк берём себе. Вас я назначаю главным управляющим поместья, будете с помощью Ганса Штубера хозяйничать, нам в Варен доставлять ежедневно свежее молоко, мясо, масло, яйца по требованиям, которые мы будем вам посылать. Следите, чтобы рабочие работали не больше 8–10 часов. Лишний скот прирежьте, нам мяса много потребуется. Да, обязательно пересмотрите норму обеспечения рабочих и их семей, дайте им возможность поесть как следует, ведь неизвестно, какая тут будет власть, когда мы уйдём, пусть хоть сейчас досыта наедятся. Ну как, товарищ Коноваленко, остаётесь? Не боитесь? Наши бойцы вас через день навещать будут, чтобы в случае чего помочь.

– Товарищ майор, – Коноваленко даже задохнулся от неожиданной радости, – так ведь это просто счастье – хозяйством опять заняться! Как мне опротивел этот инструмент за четыре года, – он с отвращением взглянул на свой автомат, – что и сказать не могу, но понимаю, что пока с ним расставаться тоже нельзя. Товарищ майор, лучше бы было, если бы вы дали сюда в моё распоряжение одну полуторку. Мне бы и продукты было способнее доставлять, и я был бы не совсем один. Как думаете?

Алёшкин переглянулся с Захаровым:

– А что, товарищ Коноваленко дело говорит. Как только вернёмся в Варен, сейчас же пришлю вам машину.

– Ганс, – обратился Борис к немцу, стоявшему рядом и внимательно слушавшему весь разговор, но, очевидно, не всё понимавшему, – вот товарищ Коноваленко станет здесь управляющим, а хозяином этого поместья буду я, понятно?

Немец кивнул головой.

– Гут, герр майор, – уже почти подобострастно сказал он.

Как потом выяснилось через Коноваленко, в своём сознании Штубер уже определил, что майор Алёшкин по праву завоевателя захватил поместье себе, и теперь перед ним придётся раболепствовать так же, как перед прежним хозяином.

К слову сказать, это хозяйство обеспечивало госпиталь не только молоком и мясом. Выяснилось, что в Варене раньше работали маленькая колбасная фабрика и сыроваренный завод. Хозяева их сбежали, из-за отсутствия сырья эти предприятия вынуждены были закрыться. Захаров договорился с ними, чтобы начинали работать, пообещал сырьё, но не менее трёх четвертей продукции, изготавливаемой из него, они должны бесплатно передавать госпиталю.

Таким же образом Алёшкин принял винокуренный завод, находившийся в пяти километрах от Варена, в котором, помимо спирта, оказался большой запас картофеля. Около вокзала станции Варен оказался большой склад, заполненный мукой. Бургомистр разрешил брать муки столько, сколько-

ко потребуется. В городе работала булочная и кондитерская, госпиталь загрузил их полностью.

К назначенному сроку «дом отдыха» был готов к приёму отдыхающих, о чём Алёшкин и доложил соответствующим рапортом. На следующий день начали прибывать генералы. Большинство из них поражались и искренне радовались тому комфорту, в котором они очутились, и неукоснительно выполняли все правила, список которых висел на каждой вилле. Питание тоже всех вполне устраивало.

По правилам госпиталя в первый же день каждый генерал и все сопровождающие его лица проходили медицинский осмотр, проводимый врачами госпиталя. Если было необходимо, назначалось лечение, диета и режим. Такое положение сразу ставило на место тех отдыхающих, которые намеревались провести свой отдых как обыкновенную гулянку, да ещё и с выпивкой. Да и член Военного совета генерал Рузский своим авторитетом и довольно частыми наездами в «генеральский дом отдыха» помогал обеспечивать должный порядок.

Время шло. В Варене сменилось уже две смены отдыхающих, готовились к приёму третьей. Проводили генеральную уборку помещений, меняли бельё, тщательно убирали территорию вилл, – одним словом, шла обычная подготовительная работа.

Надо сказать, что этот период деятельности госпиталя довольно отрицательно сказался на рядовом составе – сани-

тарах и в особенности шофёрах. Не сильно загружены были и врачи. Многие стали устраивать частые прогулки в город, чем вызывали серьёзное беспокойство со стороны начальства. Рядовой состав, пользуясь свободным доступом к спирту, которого теперь в госпитале имелось в избытке, стал часто выпивать, и некоторые в таком состоянии грубо нарушали воинскую дисциплину. Эго, конечно, требовало от всех командиров, и особенно от Алёшкина, принятия самых строгих мер. Пришлось один из погребов превратить в гауптвахту. Борис был вынужден, не стесняясь, пользоваться своей властью, а она у него, как у командира воинской части (госпиталь приравнивался к таковой) была большой, и наказывать виновных очень строго.

О врачах и медсёстрах, уезжавших на велосипедах (в одной из вилл обнаружили их целый склад), приходилось беспокоиться по следующим причинам. Хотя на третий день прибытия Алёшкина в Варен в городе появился военный комендант (старший лейтенант Жучков с целым отделением бойцов), он никакой серьёзной охраны порядка обеспечить не сумел, и главным образом не потому, что его не слушались немцы (ими продолжал управлять бургомистр и несколько шуцманов), а потому, что освободившиеся из лагеря военнопленных американцы и англичане, ожидавшие репатриации на родину, вели себя в городе самым разнузданным образом. Они нападали не только на немцев, но могли и советским медикам-женщинам причинить вред. Для их без-

опасности Павловский направлял с ними вооружённых санитаров, но и этого могло оказаться недостаточно. В город женщин привлекало то, что в маленьких магазинчиках на русские деньги можно было купить дёшево различные мелочи.

Дня через три после отъезда последней партии генералов госпиталь был готов к приёму следующей, но вместо них явился нарочный с пакетом. Там было предписание госпиталю немедленно передислоцироваться в курортный город Бад-Польцен, найти свободное помещение и развернуть в нём санаторий для среднего офицерского состава, ёмкость которого должна быть не менее 400–500 мест. Начальник сануправления фронта, генерал-майор медслужбы Жуков требовал, чтобы и этот санаторий был достаточно оборудован, обеспечен необходимым мягким инвентарём, посудой и хорошим питанием. Кроме того, следовало организовать и возможное курортное лечение.

Ни Алёшкин, ни его ближайшие помощники не имели никакого представления об этом курорте, и потому новое распоряжение их основательно встревожило. Город Бад-Польцен находился километрах в 250 восточнее Варена и, кажется, теперь входил в состав Польши. Что и в каком состоянии там имелось, конечно, никто не знал.

Генерал разрешил взять с собой максимальное количество белья и продуктов из Варена, однако он категорически запретил увозить что-либо с вилл, предупредив, что эта территория отходит в распоряжение 1-го Белорусского фронта,

и маршал Жуков наметил здесь организовать отдых своим генералам. В распоряжении говорилось, что представителю 1-го Белорусского фронта, который скоро должен был приехать, следует передать виллы в том состоянии, в каком они были.

Никаких средств для перевозки госпиталя на новое место из сануправления фронта не поступило, а между тем теперь у двадцать седьмого набралось столько дополнительно барахла, как его пренебрежительно называл Павловский, что обойтись своими силами было невозможно. Решили воспользоваться железной дорогой (к этому времени по многим внутренним железнодорожным линиям Германии уже ходили поезда). Через военного коменданта города договорились с комендантом станции Варен, тот выделил восемь вагонов, четыре платформы и обещал отправить этот состав специальным эшеленом сразу после погрузки.

Конечно, не всё было так гладко, как мы описываем, Захарову пришлось потратить немало усилий, чтобы выпросить весь перечисленный транспорт, но, так или иначе, вопрос разрешился.

Основную часть личного состава, всё медимущество, аптеку и кое-какое продовольствие отправляли своим автотранспортом. Образовался эшелон из 12 машин.

Всем надоело фактическое безделье в Варене, поэтому погрузка как в автомашины, так и в вагоны проводилась с большим подъёмом и была закончена в течение суток.

Нужно было подготовить госпиталь к приёму отдыхающих не позднее 20 июня 1945 года. Пришлось поторопиться, в распоряжении Алёшкина имелось всего десять дней.

Таким образом, хирургический полевой передвижной госпиталь № 27 пробыл в Варене почти полтора месяца. Его персонал и начальник были заняты совершенно новой работой по организации дома отдыха для высшего командного состава, и поэтому они как-то не придавали значения событиям, которые в это время происходили в мире. После подписания представителями германского командования Акта о безоговорочной капитуляции, которое произошло 8 мая, и объявления 9 мая Днём Победы, война ещё не окончилась. 11 мая войска 1-го и 2-го Украинских фронтов разгромили остатки немецко-фашистских войск в Чехословакии, и лишь 14 мая завершилось освобождение Югославии от немецко-фашистских оккупантов. 5 июня была подписана «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединённого королевства Великобритании, Соединённых Штатов Америки и Временным правительством Французской Республики». События огромной политической важности прошли как-то мимо работников госпиталя № 27, и, хотя товарищ Павловский регулярно проводил политинформацию по этим вопросам, получая материалы из политуправления фронта, врачи, средний медперсонал, да и сам Алёшкин как-то не

оценили их значение.

Теперь, следуя в город Бад-Польцен, Борис Алёшкин попытался узнать, что же это за город, в котором им предстоит работать. Никакой информации он найти не сумел, и первое время и у него, и у всех его сотрудников возникало немало недоумённых вопросов. Пользуясь авторским правом, мы расскажем об этом городке то, что Алёшкину стало известно много лет спустя.

Город Бад-Польцен в средние века входил в состав Польского Королевства, конечно, под другим названием. Тогда была обнаружена целебная сила минеральных источников, вокруг которых постепенно строился городок. При последнем разделе Польши, в 1794 году этот город, как и вся Познаньская область, отошли к Германской империи, тогда он и получил своё название «Бад-Польцен». В течение XIX, а затем и начала XX веков городок увеличился, так как там построили несколько крупных санаториев, в том числе один для императорской семьи. В соответствии с этим в городе жили и поляки, и немцы.

В 1918 году после разгрома кайзеровской Германии и образования независимого польского государства, город снова перекочевал в Польшу и находился в её составе до 1939 года. Теперь, после разгрома фашистской Германии предполагалось, что эти земли, в том числе и город Бад-Польцен, отойдут снова к Польше, и поэтому Польский комитет национального освобождения, руководимый Берутом, начал ста-

вить представителей своей власти во все северо-восточные городки и поселения бывшего фашистского рейха.

Но, повторяем, ничего этого Алёшкин в то время не знал. По пути в Бад-Польцен его мысли были заняты тем, каким образом он сумеет выполнить полученное задание и организовать в этом городе санаторий. Он надеялся найти подходящее неразрушенное здание и уложиться в срок.

Расстояние от города Варена до Бад-Польцена, как мы уже говорили, равнялось 250 километрам. В место назначения прибыли поздним вечером 11 июня. Несмотря на хорошее состояние дорог, двигаться приходилось медленно: они были забиты большими толпами репатриированных, направлявшихся в Советский Союз. Навстречу им двигались колонной соединения Войска Польского, перемещавшиеся из одного бывшего немецкого города в другой. Задерживали также и многочисленные объезды участков, испорченных снарядами или фугасами, заложенными фашистами при отступлении.

Колонна госпиталя остановилась на центральной площади Бад-Польцена. Разыскивать какое-либо помещение на ночь глядя в незнакомом городе было безрассудно, решили заночевать, как это бывало в начале войны, в машинах, под машинами и около них. Выставили охрану вокруг этого своеобразного лагеря. Как всегда при таких переездах, караульным начальником стал Добин.

В группе автомашин, кроме грузовиков, находилась всего одна легковая машина «опель-капитан», а остальные девять

отличных трофейных машин следовали по железной дороге так же, как имевшиеся в госпитале шесть лошадей.

Проснувшись ранним утром 12 июня и оглядевшись, Алёшкин заметил, что на эту же площадь выходит здание ратуши. Он решил пойти туда, чтобы выяснить у военного коменданта, где искать подходящее здание для санатория. Вместе с Павловским они подошли к ратуше. К их удивлению, никакой охраны здания не было.

В большой приемной, где за столом сидела молоденькая девушка, находилось несколько человек, ожидавших приёма, но не у военного коменданта, а у бургомистра города, или, как он требовал, чтобы его называли, у «пана старосты повятового».

Увидев входящих офицеров Красной армии, девушка встала из-за стола и, подойдя к ним, на довольно чистом русском языке спросила, что им угодно. Борис заявил, что ему необходимо переговорить с бургомистром, и как можно скорее. Она скрылась за массивной дубовой дверью и, вернувшись через две минуты, вежливо пригласила их зайти. Следом за ними вошла и сама. На вопросительный взгляд Алёшкина она сказала:

– Пан староста по-русски не розумее, я буду переводчица.

– Не тщеба, пани, бардзо дзенькуе. Я умием мович польски и вшистка разумием, – заявил Борис.

При этих словах бургомистр (будем называть его так, по-

тому что все жители города пока его так и называли), выско-
чил из-за стола и, подойдя к обоим офицерам, пожал им ру-
ки.

– О-о! Бардзо пшиемно, бардзо пшиемно, же пан майор
разумеч польски. Прошу сядач. Кристина, поведж там, же
естем заети.

Алёшкин и Павловский уселись и через несколько минут
уже знали, что в Бад-Польцене установлена польская народ-
ная власть, в распоряжении бургомистра имеется взвод поль-
ских солдат, которые пока и обеспечивают порядок в горо-
де, никаких советских подразделений нет. Узнали они также,
что здесь есть шесть санаториев, все они сейчас пустыют (во
время войны в них лечились немецкие солдаты и офицеры),
что пришлось выставить специальную охрану зданий, остав-
шихся целыми, и бургомистр будет очень рад, если русские
возьмут на себя использование и охрану хотя бы некоторых
из них.

Узнав от Бориса, что его госпиталь прибыл как раз для
организации работы в одном из санаториев и что, вероятно,
скоро придут и другие, он очень обрадовался. Пан бурго-
мистр заявил, что будет помогать в оборудовании санатория,
направит необходимых рабочих и выдаст вещи, взятые из
этих зданий на склад для хранения. Он обещал также обес-
печить всех находящихся на лечении необходимым продо-
вольствием.

Получив такие гарантии, Алёшкин решил расстаться с по-

местьями, которые ему были выделены начальником тыла фронта, тем более что они находились теперь от него на расстоянии более 150 километров. Он приказал на следующий же день послать две грузовые машины, вывезти возможно больше необходимых продуктов и освободить Коноваленко от руководства тем хозяйством.

Через полчаса после разговора в ратуше Алёшкин и замполит в сопровождении бургомистра объехали несколько санаториев и остановили свой выбор на одном из них, носившем название города – «Бад-Польцен». Это было большое трёхэтажное здание, имевшее около четырёхсот комнат и позволявшее разместить в очень хороших условиях не менее пятисот человек.

На первом этаже находилась огромная, шикарно обставленная столовая, хорошая водолечебница и электролечебный кабинет, там же располагался и стационарный рентген. Вода из целебного минерального источника была подведена к зданию санатория. Правда, всё это, как и общий водопровод, как и электроосвещение, в настоящий момент не работало, но бургомистр заверил, что его мастера в течение нескольких дней это наладят. Будут устранены также и некоторые неполадки в комнатах: рабочие починят полы, вставят выбитые стёкла и т. п.

Борис поблагодарил услужливого бургомистра и пообещал, что после развёртывания он пришлёт к нему своего помощника, если почувствует недостаток инвентаря, посуды и

прочего. После этого эшелон госпиталя направился к облюбованному зданию, которое находилось в каком-нибудь километре от площади. Во дворе санатория стоял двухэтажный дом, в котором, очевидно, раньше жил обслуживающий персонал, кроме того, находился гараж и большой сарай. Всё это пустовало.

Посоветовавшись с Павловским, Алёшкин решил разместить в двухэтажном доме весь личный состав госпиталя, себе же взял две комнаты в основном здании санатория. Павловский решил поселиться в соседнем жилом доме.

Как всегда, первое, с чего начали работу по освоению нового места дислокации, – это произвели очистку его от оставленного немцами мусора. Затем занялись выяснением дефектов каждой комнаты и других помещений. Каждому отделению госпиталя Алёшкин отвел по одному этажу, начальники отделений распределили имевшиеся на этажах отдельные блоки, состоявшие из 12–15 комнат, между врачами. Те руководили своими сёстрами и дружинницами и составляли список необходимого ремонта и недостающего инвентаря. Начальник продовольствия вместе с поварами обследовал пищеблок, кухню и ресторанный зал (столовую), проверяли наличие кухонной и столовой посуды. Одним словом, все занялись делом.

К вечеру в помещениях удалось навести относительный порядок, выявить дефекты и составить список необходимого. В основном требовался мягкий инвентарь – ковры, до-

рожки, скатерти, постельное бельё, а также электролампочки и другая мелочь.

Алёшкин знал, что многое из недостающего вполне можно заменить тем, что привезёт в железнодорожном эшелоне Захаров, но всё же решил кое-что раздобыть у бургомистра города. «Ведь как-никак, а санаторий для офицеров Красной армии будет находиться в этом городе не вечно, после его закрытия здание со всем имуществом перейдёт в ведение города, так пусть они тоже немного позаботятся о его устройстве», – подумал он.

На следующий день Борис направился к бургомистру. Тот долго и внимательно изучал представленный Алёшкиным список необходимых предметов и, наконец, сказал (для удобства приводим его слова по-русски):

– Не знаю, пан майор, сумею ли я удовлетворить ваш запрос полностью. Тем более что, как я узнал, на днях сюда прибывает с такими же целями ещё один госпиталь, ему тоже придётся кое-что давать. Постараюсь вам, как первому, выделить возможно больше. Отправьте человека и машину к нашему трофейному складу, я дам провожатого. Что сумеем подобрать по вашему списку, они выдадут и составят акт, потом мы его подпишем. А специалистов (водопроводчиков, электриков, столяров) я вам сегодня же пришлю, у нас их много, а работы им пока нет. Рассчитываться за сделанную работу вы с ними будете по расценкам, которые мы установим вместе, а если во время работы вы их сможете и покор-

мить, то они будут работать не за страх, а за совесть.

Так всё и произошло. Через три дня в здании санатория работало электричество: отремонтировали большую электрическую плиту на кухне, в ресторанном зале ярко светились люстры, в каждой комнате горели лампы, все электроприборы физиотерапевтической лечебницы работали. Монтёры осветили двор, гараж и даже часть парка, прилегавшую к санаторию. Одновременно исправили водопровод, а также трубы и вентили, которые подводили к санаторию воду из целебного источника, следовательно, и водогрязелечебница была готова. Грязь доставлялась из пруда в полукилометре от санатория.

Посуды на кухне и в столовой имелось достаточно, в подвале обнаружилось немало консервированных продуктов, а вот с постельным бельём дело обстояло плохо. У бургомистра удалось получить ковры, портъеры, вазы, настольные лампы, картины и ещё кое-какую мелочь для интерьера, только белья не было. Железнодорожный эшелон, в котором имелся большой запас трофейного белья госпиталя, как назло, задерживался. Железнодорожники на станции Бад-Польцен не могли сказать, когда он прибудет. Не было вестей и от Захарова. Почти сразу с приездом первого эшелона госпиталя от него прибыл нарочный с сообщением, что виллы переданы представителям 1-го Белорусского фронта, всё имущество госпиталя погружено в вагоны и на платформы, и эшелон отправился в путь. Этим нарочным был Лагунцов, не ре-

шившийся доверить железной дороге две самые лучшие легковые машины и приехавший с одним из друзей-шофёров своим ходом.

Прошло ещё три дня, и, наконец, на железнодорожной станции получили известие, что эшелон № 1217 находится на станции Дейч-Кроне и в ближайшие сутки прибудет в Бад-Польцен.

Алёшкин очень удивился, получив это сообщение: вышло, что эшелон уехал куда-то в сторону от места назначения, но на следующий день всё разрешилось. Эшелон прибыл, и Захаров рассказал о тех мытарствах, которые ему пришлось испытать. Оказалось, что многие пути существовали только на бумаге, фактически же они находились в таком состоянии, что пускать по ним поезда немецкие железнодорожники не решались. Вот и пришлось эшелону № 1217 кружить окольными путями таким образом, что вместо 250 километров проделать путь длиннее более чем в три раза.

Но теперь всё это было позади. Разгрузив привезённое имущество и приблизительно подсчитав его, Алёшкин и Захаров убедились, что, благодаря предусмотрительности помпохоза, постельного белья хватит на два таких санатория, что продуктов, доставленных поездом, а также машинами из поместья, где командовал Коноваленко, при стопроцентном заполнении санатория, хватит, по крайней мере, на месяц. Таким образом, получилось, что к 20 июня 1945 года они будут готовы к приёму отдыхающих.

Дело осложнялось вопросом с обслугой. Алёшкин решил пока не посылать донесение о готовности, а поехать в сануправление лично и переговорить с генералом Жуковым. Он выехал на самой лучшей машине – шестиместном «мерседесе-бенц» в сопровождении двух автоматчиков. Вёз его Лагунцов, никому не доверявший эту машину. Сануправление фронта в это время всё ещё находилось в городе Пренцлау. Алёшкин доложил Жукову о готовности госпиталя к приёму отдыхающих и одновременно о возникших затруднениях. Он сказал:

– Товарищ генерал, положение в нашем госпитале осложняется несколькими вещами. Во-первых, госпиталь рассчитан на двести коек, в подготовленном нами санатории пятьсот мест, выгодно их использовать целиком. Значит, нужно увеличить штат медсестёр и дружинниц, да следовало бы добавить и врачей-терапевтов. Во-вторых, в санатории имеется и может уже функционировать прекрасный физиотерапевтический кабинет с массой различных аппаратов, водолечебница с естественной минеральной водой и грязелечебница. Среди личного состава госпиталя ни физиотерапевтов, ни специалистов по водогрязелечению нет. Значит, госпиталь нужно бы пополнить такими специалистами.

Жуков внимательно выслушал рассуждения Алёшкина, задумался, а затем ответил:

– Мне ваши замечания и то, что вы привели санаторий в такое, можно сказать, идеальное состояние, нравятся,

но вряд ли мы сможем без разрешения управления кадров фронта увеличить вам штат. До завтра подождите здесь, я посоветуюсь с членом Военного совета фронта, и мы решим, как быть. Вам есть, где остановиться?

– Хирург, майор Школьников здесь находится?

– Да, сейчас мы его позовём.

Через полчаса Борис и Лагунцов ехали вместе с майором Школьниковым в его дом. Это был целый коттедж из трёх, правда, немного разрушенных, комнат, майор занимал одну.

– Пожалуйста, располагайтесь. Если есть с собой продукты, можете разогреть на кухне, плита работает. А затем сходим пообедать в столовую Военторга.

В двух словах нужно сказать о том, как познакомились Алёшкин и Школьников. Когда госпиталь ещё стоял в Штольпе, к Борису приезжал заместитель фронтового хирурга, майор медицинской службы Школьников. Проверив работу госпиталя, он остался ей очень доволен, а получив от Алёшкина в подарок несколько вещей из трофейного хрустала, которые принесли с разбитого склада санитары, он прямо-таки расцвёл, и это явилось началом дружбы.

Увидев машину, на которой приехал Борис, он всплеснул руками и заявил:

– Ну, если генерал увидит эту машину, он вас на ней не выпустит. Он «болеет» хорошими автомобилями.

Школьников, конечно, не удержался и поведал Жукову об этой машине. И когда на следующий день Борис пришёл к

генералу, то первым вопросом, который он услышал, было:

– Ты что же от меня свою машину прячешь, а?

Напрасно Борис старался уверить начальника, что он ничего не прячет, а просто не обратил на это внимания. Генерал потребовал, чтобы Лагунцов пригнал немедленно машину к сануправлению.

Когда автомобиль остановился у ворот дома, в котором размещалось сануправление фронта, Жуков выбежал на улицу, восхищённо оглядел машину со всех сторон и заявил:

– Слушай, Алёшкин, давай меняться? Вон у меня новенький «опель-капитан» стоит, бери! А этого красавца мне отдай.

Борис был равнодушен к машинам, лишь бы возили, поэтому, к великому огорчению Лагунцова, немедленно согласился.

Затем генерал собрал небольшое совещание, на котором решили передать санаторий в Бад-Польцене эвакогоспиталю № 1818, в данное время находившемуся без работы. Госпиталь был рассчитан по штатам на 800 коек, и поэтому персонала для обслуживания санатория у него хватало. Необходимые специалисты там тоже имелись Жуков предложил:

– Товарищ Алёшкин, поскольку санаторий оборудовали вы, можем вас перевести на должность начальника эвакогоспиталя № 1818, тем более что теперешний его начальник, подполковник Швецов, очень пожилой человек. Он болен и нуждается в замене. Руководство своим госпиталем переда-

дите кому-нибудь из своих врачей.

Борис подумал несколько секунд, а затем сказал:

– Товарищ генерал, я в госпитале № 27 служу с 1943 года, с личным составом его мы перенесли очень многое, а знаю я его с 1941 года, когда ещё служил в медсанбате. Под Ленинградом мы стояли рядом, вместе перенесли блокаду. Я бы из него уходить не хотел. Если можно, оставьте меня на месте.

– Ишь, какой вы патриот своего госпиталя, – недовольно заметил Жуков, а его помощники удивлённо переглянулись, услышав такой прямой отказ от предлагаемого повышения. – Ну что же, оставайтесь. Через несколько дней к вам прибудет госпиталь № 1818, а вы получите новую задачу.

На этом совещание закончилось, и Борис с Лагунцовым на новой машине поехали домой.

Надо сказать, что отказ Алёшкина от нового назначения был вызван не только его действительной привязанностью к своему госпиталю, точнее, даже не столько этим, сколько другими соображениями. Он прекрасно понимал, что если он станет начальником госпиталя № 1818 и, по существу, превратится в директора санатория в Бад-Польцене, то его возвращение домой может затянуться ещё не на один год. Уже было известно, что советские войска, оккупирующие Германию и находившиеся в Западной части Польши, пробудут там неопределённо длительное время. Оставаясь на своём месте, Борис надеялся, что их госпиталь, созданный в военное время, просуществует недолго. Он вот-вот дол-

жен расформировываться, а, следовательно, и его начальнику представится возможность демобилизоваться и вернуться к своей семье. По правде говоря, очень надоели ему эти чистенькие германские домики и улицы, где даже развалины после бомбёжки выглядели до тошноты аккуратно, очень хотелось увидеть родную землю.

Алёшкин собрал заместителей, рассказал им о совещании у Жукова и заявил, что надо готовиться к новой передислокации. Пока ещё никто не представлял, куда направят госпиталь и какая работа его ожидает. Однако перед выездом на новое место решили запастись всем самым необходимым: медикаментами, бельём, консервированными продуктами. Конечно, бессмысленно было оставлять новым хозяевам и кое-какие трофеи: радиоприёмники, посуду и, конечно, автотранспорт.

Не дожидаясь прибытия нового госпиталя, Алёшкин приказал всё это имущество заранее основательно упаковать и погрузить в две самые большие трофейные грузовые машины и в свой старенький ЗИС-5.

Для санатория оставили по две смены белья на каждую койку и необходимое количество столовой и кухонной посуды. Медимущество аптеки за время путешествий госпиталя по Германии выросло до размера небольшого медицинского склада, поэтому решили часть его оставить санаторию, остальное погрузили в две полутоннажные машины. Хирургический блок вообще в Бад-Польцене не разгружался.

Таким образом, через два дня после возвращения Алёшкина из сануправления фронта почти всё имущество госпиталя уже находилось на машинах, и для передислокации оставалось погрузить пустяки – в основном, личные вещи медперсонала, которых, кстати сказать, набралось тоже порядочно. А ещё через день в расположение госпиталя на старенькой «эмке» приехала женщина-врач, майор, в сопровождении медсестёр и двух дружинниц. Она предъявила удостоверение, из которого следовало, что это заместитель начальника эвакогоспиталя № 1818 по лечебной части, бывшая на рекогносцировку и осмотр помещения.

Юлия Фёдоровна Семёнова осталась очень довольна и самими помещениями, и тем оборудованием, которым они были оснащены. Ей понравился порядок, наведённый в здании работниками хирургического полевого передвижного госпиталя № 27. В день своего прибытия она успела всё осмотреть, составила подробный рапорт и с медсестрой на своей машине отправила его начальнику.

Себе для жилья она выбрала комнату, расположенную напротив квартиры Алёшкина, и в этот же день вечером за ужином рассказала Борису и Павловскому о своём госпитале. Из её рассказа они узнали, что эвакогоспиталь № 1818, рассчитанный на тысячу коек, находился в маленьком городке, точнее посёлке, расположенном близ города Пренцлау. Помещения были крайне неудобны, развёрнут он был всего на двести коек, да и из тех больше половины пустовало.

Личный состав госпиталя, не будучи загружен практической работой, отдыхал. Раненых не поступало уже с 1 мая, и персонал ожидал скорого расформирования. Новое назначение в качестве obsługi санатория все работники госпиталя, и прежде всего начальник, встретили в штыки. Они понимали, что санаторий может просуществовать год-два и даже больше, такая перспектива никого не устраивала. Начальник госпиталя ездил объясняться в сануправление фронта, но ему там, видно, здорово попало, потому что он вернулся оттуда злой как черт, как выразилась Семёнова.

Потянулись томительные дни ожидания прибытия госпиталя № 1818 и решения участи госпиталя № 27. В глубине души многие, в том числе и Борис, надеялись, что госпиталь будет расформирован. Между прочим, по этому поводу у Бориса с Шуйской состоялся разговор. Как-то вечером Борис сказал:

– Катя, война закончилась, мы уцелели. Может быть, скоро наш госпиталь расформируют, и мы поедем по домам. Я, конечно, вернусь к семье.

Та посмотрела на него, затем медленно произнесла:

– Я от своих слов не отказываюсь. Я обещала не отнимать тебя от семьи, и я это слово сдержу. Но пока-то мы ещё не демобилизуемся, и я хочу остаться возле тебя.

Борис опять смалодушничал. Он ответил:

– Ну что же, оставайся...

5 июля 1945 года исполнялась четвёртая годовщина суще-

ствования госпиталя № 27. Этот день всегда отмечался торжественным собранием, праздничным обедом или ужином. Решено было и сейчас его отметить, тем более что лучшего места для этого торжества, чем здание санатория с его просторным залом-столовой, где имелаась даже маленькая эстрада, было трудно и придумать. Замполит Павловский и комсомольцы уже несколько дней готовили программу самодеятельности. Захаров и Гольдберг подготовили торжественный ужин. Последние дни они только боялись, чтобы не прибыл сменяющий их госпиталь и не расстроил праздник. Однако всех успокоила Семёнова:

– Наши не очень-то торопятся переезжать. Своего транспорта у нас нет, а у сануправления с транспортом тоже туго. Да и раненых, имеющих в госпитале, куда-то надо развести. На всё это понадобится время. Пока эти вопросы утрясут, да свернут имущество, пройдёт недели две, не меньше, так что празднуйте спокойно.

Между прочим, Алёшкин, Павловский и Захаров удивлялись такой медлительности. Они привыкли передислоцироваться в те же сутки, как поступал приказ, в крайнем случае, к концу следующих. А тут, имея около сотни раненых, будут копать две недели, да и ехать-то всего 75 километров! Пожалуй, только теперь они поняли, почему им так часто приходилось затыкать разные дыры в санобслуживании фронта. Фронтные эвакуогоспитали оказались слишком малоподвижными единицами.

Вечер 5 июля 1945 года прошёл празднично. После торжественного собрания, на котором замполит Павловский сделал доклад об истории госпиталя и перечислил наиболее отличившихся, награждённых правительственными наградами сотрудников, состоялся концерт самодеятельности. На вечер пригласили работников соседнего госпиталя (он располагался в здании бывшего санатория имени Кайзера Вильгельма), военного коменданта железнодорожной станции, бургомистра города. Последний привёл с собой маленький эстрадный оркестр, под музыку которого молодёжь пела и танцевала.

Медсестра Мертенцева исполняла новую песню «В лесу прифронтовом», текст и ноты которой были напечатаны во фронтовой газете. Её госпиталь получал теперь регулярно. Впрочем, вся почта теперь приходила во время, и переписка Бориса с женой приобрела систематический характер. В своих письмах Катя по-прежнему писала, что у неё всё хорошо, все они здоровы и никаких лишений не испытывают. Мы знаем, что на самом-то деле всё было не так уж хорошо, и этими известиями она хотела только успокоить мужа. Но он, оторвавшись от семьи, не мог себе представить того положения, в котором она на самом деле находилась, верил Катиным письмам. Не понимая реальной стоимости денег, которая была в это время в стране, считал, что его семья действительно ни в чём не нуждается.

Но вот, наконец, прибыла большая колонна автомашин с

имуществом госпиталя № 1818. Начальник его, желчный, худой и высокий старик, подполковник медслужбы, после знакомства с Борисом обошёл все помещения, осмотрел окрестности санатория и, в противоположность Семёновой, остался очень недоволен, его не устраивало буквально всё. Но самым главным, очевидно, было то, что его госпиталь и его самого опять загнали «в какую-то дыру, из которой скоро не выберешься». После нескольких часов общения с ним Борис только и думал, как бы поскорее расстаться.

Акты о сдаче помещения и имевшегося инвентаря были уже давно приготовлены и, к удивлению Бориса, ожидавшего всяких придирок, Жалевич (фамилия начальника эвакогоспиталя № 1818) подписал их без каких-либо разговоров. Можно было уезжать. Борис отдал команду об окончательной погрузке.

Глава десятая

Мы уже говорили, что эвакогоспиталь № 1818, как и большинство других эвакогоспиталей, своего транспорта почти не имел. Кроме старенькой легковушки, в его распоряжении находились две полупорки для доставки продуктов, медикаментов и других хозяйственных целей, а багажа имелось много, поэтому для его передислокации выделялся специальный автобат. Так было и в этот раз.

Командир автобата, старший техник, лейтенант, привёз с собой запечатанный пакет из сануправления для Алёшкина, там был приказ о передислокации, в котором, между прочим, говорилось: «Госпиталю № 27 передислоцироваться в город Сандомир, где развернуться не позднее 15 июля и обеспечить обслуживание раненых бойцов и офицеров (русских и поляков), поступающих из Западной Украины и Восточной Польши после стычек с бандеровцами и другими гитлеровскими недобитками». Второй задачей перед госпиталем ставилось медобслуживание русских и украинских репатриантов, заболевших или получивших травмы по пути на родину. Наконец, третьей – стационарное обслуживание личного состава подразделений, расквартированных в Сандомире.

Прочитав приказ, Алёшкин понял, что, видимо, в сануправлении фронта из-за отказа занять новую должность его

решили загнать вместе с госпиталем подальше от своих глаз. И в самом деле, от Пренцлау, где располагалось сануправление фронта, до города Сандомира было более семисот километров и, следовательно, практически всякая личная связь между руководством госпиталя и сануправлением фронта исключалась.

С одной стороны, это была как бы ссылка, но с другой – и признак высокого доверия, указывавшего на то, что сануправление уверено в работоспособности этого госпиталя.

Конечно, сделать три или даже два рейса, чтобы перевезти всё имущество и личный состав при таком удалении нового места дислокации, нечего было и мечтать. Требовалась помощь транспортом. К счастью, в сануправлении об этом подумали, и командир автобата, привёзший госпиталь № 1818, имел указание выделить в распоряжение Алёшкина одну роту, то есть шесть автомобилей ЗИС-5. Этого было более чем достаточно, чтобы в один рейс захватить всё имущество госпиталя.

Так как большую часть вещей заблаговременно погрузили на свои машины, то погрузка остального отняла не много времени, и вечером того же дня госпиталь № 27 был готов следовать к новому месту назначения.

Посоветовавшись с Захаровым и Павловским, Алёшкин решил отложить отъезд до утра. Зайдя вечером к Семёновой, Борис застал там Жалевича. Они как раз обсуждали вопрос о том, где разместить медперсонал на те дни, пока гос-

питаль № 27 будет свёртываться и грузиться.

Борис сообщил, что они готовы к выезду, но по совету командира автороты решили отложить отъезд до утра. Этим заявлением он очень удивил своих преемников, совершенно не представлявших себе возможности такой оперативности. Они решили поделиться затруднениями по поводу размещения личного состава: занимать комнаты, приготовленные для отдыхающих, им очень не хотелось. Алёшкин предложил им своеобразный выход:

– Сейчас, – сказал он, – мы построим людей нашего госпиталя, распределим их по машинам и оставим ночевать или на них, или рядом. Нам к этому не привыкать. Сейчас середина лета, погода стоит прекрасная, так что не беспокойтесь, через час можете занимать все помещения.

После этого Алёшкин вернулся к себе, вызвал Захарова и отдал ему соответствующие распоряжения. А ещё через час все врачи, медсёстры, дружинницы и санитары после распределения по машинам собрались вместе (автоколонна стояла в парке санатория) и устроили настоящий концерт.

Долго ещё раздавались на большой лужайке посреди парка песни, музыка и весёлый смех беззаботной молодёжи, отправлявшейся в не известный им город для выполнения не совсем понятных задач. Единственным человеком, который выражал неподдельную грусть расставания с Баден-Польце-ном, был Лагунцов – начальник гаража госпиталя № 27.

Дело в том, что Алёшкину было приказано оставить при

санатории все шикарные легковые автомашины, которыми он обзавёлся в Германии, и это обстоятельство огорчало больше всего именно Лагунцова. Он ворчал:

– И чёрт меня дернул собирать все эти машины! Пусть бы сами их искали, как я искал. А теперь вот ни за что ни про что отдавай! А в этом разваленном курятнике (так он окрестил госпиталь № 1818), даже и шофёров-то порядочных нет.

Однако ворчи не ворчи, а приказ есть приказ. Лагунцов сумел сохранить для госпиталя лишь две легковые машины, одну – «опель-капитан», выменянный у начсанупра, числящуюся в трофейных, и вторую, тоже нигде не записанную – DKW, малолитражку, на которой Алёшкин часто ездил сам.

Поздней ночью замполит Павловский разогнал разгулявшуюся молодёжь, а на рассвете колонна госпиталя тронулась в путь. Ехали не спеша, выбирая наиболее сохранившиеся и лучшие дороги, иногда делая значительные крюки.

Лагунцов, который руководил движением, говорил, что лучше 10–15 километров лишних, да по хорошей дороге, чем напрямую, да по разбитым колеям, выбоинам и воронкам от взрывов.

В переезде очень помогла карта государственных дорог Германии 1940 года, Алёшкин хранит её и до сих пор.

Переезд до Сандомира занял больше трёх суток. Приехали около двух часов дня, остановили колонну на базарной площади в центре города. Алёшкин и Захаров в сопровож-

дении двух автоматчиков направились подыскивать помещение.

На подъезде они видели военный городок, состоявший из нескольких казарм. Придя туда, обнаружили, что в нём занята одна казарма автомастерской какой-то воинской части, остальные три казармы находились в таком плачевном состоянии, что приведение их в порядок потребовало бы массу материалов и, по крайней мере, месячный срок.

Начальник мастерской сказал, что недалеко есть городская больница, которая используется не вся. Поехали туда. Действительно, в нескольких деревянных зданиях полубарачного типа размещалась городская больница. Борис переговорил с главным врачом, тот заявил, что один из барачных пустует, и после небольшого ремонта его можно приспособить для работы, там поместятся 40–50 коек. Места для размещения личного состава нет. Конечно, это госпиталю тоже не подходило. Тогда главный врач сообщил, что в Сандомире есть прекрасное здание духовной семинарии, занятий там сейчас нет. Пустует и общежитие, так как слушатели разъехались. Он дал провожатого, и минут через пятнадцать Алёшкин и Захаров входили во двор, обнесённый высоким кирпичным забором. Во дворе, кроме костёла, находились два большие здания: одно – учебное и другое – общежитие. Отпустив провожатого, Борис и Захаров переглянулись и согласно кивнули головами.

Надо сказать, что внутрь двора попасть им удалось не сра-

зу. Минут пять они толклись около крепкой дубовой двери, в окошко которой выглядывал сморщенный сухой старичок, категорически отказывающийся пропустить пришельцев. Только появление перед дверью автоматчиков, один из которых не стерпел и произнёс такую фразу, что, наверно, и стены бы покраснели, старик открыл дверь, а сам, путаясь в длинной сутане, побежал куда-то вглубь двора.

Когда Борис и Захаров очутились во дворе и стали мысленно планировать размещение подразделений госпиталя, откуда-то из-за угла костёла показалась целая делегация. Впереди шёл высокий, представительный, ещё не старый ксендз, за ним два других, потолще и постарше, самым последним семенил старичок, открывший калитку.

Подошедшие поздоровались. Наиболее представительный из них густым, басовитым голосом на ломаном русском языке спросил, что им нужно. Борис ответил ему на польском, что он начальник госпиталя, и что они хотят в зданиях колледжа временно, на два-три месяца, разместить госпиталь. Ксендз вынул из кармана бумагу и молча протянул её Борису. В бумаге по-польски и по-русски было написано, что помещения семинарии-колледжа освобождаются от постоя воинских частей. Эта бумага была подписана каким-то польским полковником.

Алёшкин внимательно прочитал бумагу, а затем сказал: – Я подчиняюсь маршалу Рокоссовскому. У меня предписание развернуть госпиталь в Сандомире. Ваши здания сей-

час пустуют, мы будем в них находиться, очевидно, до октября, потом их освободим. Мы гарантируем, что из зданий ничего не будет похищено, и сами они не будут попорчены. Разрешите нам осмотреть здания, может быть, они нам ещё и не подойдут.

Ксендзу ничего не оставалось сделать, как показать помещения. Он повёл за собой Бориса и Захарова, послав куда-то одного из сопровождавших его монахов.

Здание колледжа вполне подходило для размещения госпиталя и по размерам, и по порядку расположения комнат-классов. Требовалось только вынести парты и заменить их кроватями.

Общежитие, состоявшее из многочисленных комнат-келлий с высокими сводчатыми потолками и узкими окнами, было не очень уютным, но всё-таки могло служить жильём для медсестёр, санитаров и дружинниц. Решили, что для врачей и начсостава подыщут жилые помещения в ближайших домах у населения.

Сопровождавший Алёшкина ксендз просил оставить примерно около трети общежития для служителей, проживавших в нём на тот момент. Скрепя сердце Борис согласился. Не очень-то ему хотелось, чтобы на территории госпиталя находились посторонние люди, да к тому же ещё и монахи, но делать было нечего.

Пока шли эти переговоры, а происходили они в келье-кабинете настоятеля, последний нетерпеливо поглядывал на

дверь и тянул время. Но, видно, так ничего и не дождавшись, дал своё согласие на въезд госпиталя. Алёшкин вызвал одного из автоматчиков, дал ему поручение съездить на центральную площадь и привезти колонну сюда, к зданию колледжа. Но прежде, чем тот успел выйти, в комнату вошёл, почти вбежал, юркий человечек и, еле переводя дух, обратился к Алёшкину:

– Пан майор, пан бургомистр просит вас к себе на беседу, и до тех пор никаких мер по размещению госпиталя просьба не предпринимать.

Борис про себя чертыхнулся. Он понял, что настоятель его опередил. В городе существовала польская гражданская власть, но Алёшкин надеялся согласовать с ней своё размещение в колледже, так сказать, постфактум – после того, как оно будет произведено. Получилось наоборот.

К этому времени уже было известно, что поляки не очень-то охотно предоставляют общественные учреждения Красной армии, особенно в районах Восточной Польши. Борис предполагал, что бургомистр выделит такое здание, в котором развернуть госпиталь будет если не невозможно, то невероятно трудно, но ничего не оставалось, как ехать к бургомистру. Ссориться с местной властью было и неразумно, да и попросту непозволительно.

Бургомистр заседал в здании ратуши, стоявшей на той же площади, где находилась автоколонна госпиталя. Подъезжая к площади, Борис и Захаров с ужасом увидели, что машины

автобата уже разгружены, всё свалено в кучу, а лейтенант-командир роты садится в первую машину, и колонна собирается тронуться в путь. Разъярённый Алёшкин вскочил на подножку машины, в которой был лейтенант, и гневно закричал:

– Кто вам позволил разгрузиться? Как вы смели без моего разрешения?

– Разгрузиться нам позволил капитан Павловский, а смели мы этого требовать потому, что приказ был доставить вас до города Сандомира. Мы это сделали, а как вы будете здесь устраиваться, это не наше дело. У нас есть приказ скорее вернуться в свою часть, так что не кричите на меня, товарищ майор. Поехали, – обернулся он к шофёру.

Борис выругался, соскочил с подножки и устроил скандал Павловскому. Однако теперь было не до ссор, надо было идти к бургомистру и добиваться хоть какого-нибудь помещения. Груз, сваленный на площади, мог попортиться, если бы начался дождь.

Бургомистр встретил Алёшкина и Захарова у входа в кабинет. Он сносно говорил по-русски. Поздоровавшись и предложив им сесть, он начал:

– Что же это, товарищи, вы нарушаете договор, подписанный товарищем Берутом и маршалом Рокоссовским, который обещал не занимать под воинские части помещений без разрешения городских властей? На вас жалуются. Вы ещё в городе-то не пожили, а уже ссоритесь с местными жителями.

– С какими жителями? – возмущённо воскликнул Алёш-

кин. – С попами! Да и не ссоримся с ними, а договариваемся.

Бургомистр усмехнулся:

– Мне уже доложили, как вы там договариваетесь. С автоматчиками врываетесь в помещение, принадлежащее костёлу, устраиваете там панику и предъявляете невыполнимые требования.

– Да какие требования? – вмешался в разговор Захаров. – Нам нужно развернуть госпиталь для вас же, для поляков. Бандеровцы-то больше всех вас же бьют! Мы нашли подходящее пустое помещение, попросили предоставить его нам на два-три месяца. Хозяева этого помещения соглашаются, а вы говорите, «врываетесь» ...

– Как это соглашаются?

– Да так. Мы только что вместе с настоятелем колледжа распределили помещения так, чтобы и нам было удобно, и им, – сказал Борис.

– Тогда зачем же он ко мне нарочного прислал с просьбой о защите? Теперь этот нарочный к епископу побежал, там тоже всё порасскажет, а ведь нам приказано с католическим духовенством в самом лучшем мире жить... Прямо не знаю, как с вами и быть, хоть из города вас выдворяй.

– Ну, положим, из города вы нас выдворить не сумеете. У меня приказ маршала Рокоссовского развернуться в городе Сандомире, и я здесь развернусь, даже если для этого мне придётся занять вот это здание, так что не пугайте меня. А вот с епископом, которого вы так боитесь, я сам поговорю.

Мы сейчас поедem к нему, – гневно сказал Алёшкин.

Бургомистр подозвал какого-то поляка и попросил его проводить пана майора и капитана к дому епископа.

Епископ жил в большом, двухэтажном, похожем на средневековый замок доме на высоком обрывистом берегу Вислы. От улицы он отделялся вычурной металлической оградой, внутри которой виднелись большие клумбы с яркими цветами. Фасад дома, наличники высоких стрельчатых окон выглядели внушительно. Косяки входных дверей также, как и сами двери, украшались искусной лепниной и резьбой. В палисадник с одной стороны дома выходила большая стеклянная веранда. Было очевидно, что дом епископа или по счастливой случайности совсем не пострадал во время жестоких боёв, проходивших за этот город, или, что, пожалуй, вернее, заботливые прихожане успели восстановить его для своего пастыря в первую очередь. Так или иначе, он представлял собой значительный контраст с теми обшарпанными и частью разрушенными зданиями, которые Борис и Захаров видели даже в центре города.

Провожатый нажал кнопку электрического звонка у калитки, из дома выбежал одетый в чёрный подрясник молодой послушник. Видимо, бургомистр по телефону успел предупредить епископа о появлении неожиданных да и не очень желанных гостей.

Служка проводил прибывших в большую гостиную и попросил подождать епископа. Тот появился минут через пять.

Это был представительный человек лет пятидесяти пяти, с седеющими висками, выглядывавшими из-под надетой на голову фиолетовой шапочки. Сутана на нём имела такой же фиолетовый цвет, на груди на массивной золотой цепочке висел крест. Войдя в комнату, он приветливо кивнул головой и пригласил гостей садиться, затем спросил на правильном русском языке:

– Чем могу служить, господа?

Борис, до этого мучавшийся мыслью, как он будет объясняться с этим польским попом, обрадовался, ведь его знания польского языка не были так уж хороши. Сумел бы он объяснить, что нужно? Услышав русскую речь, они с Захаровым невольно выразили удивление. Епископ заметил это, улыбнулся и сказал:

– Не удивляйтесь, господа, я в своё время в Петербурге окончил русскую гимназию и жил там до 1920 года, так что прекрасно понимаю русский язык и, по-моему, неплохо говорю на нём.

– Вы, святой отец, – сказал Борис, – говорите отлично! Разрешите представиться. Я начальник госпиталя, врач-хирург Алёшкин, а это мой заместитель по хозяйственной части, капитан Захаров. У нас приказ командования развернуть госпиталь в вашем городе для оказания помощи раненым польским и советским солдатам, пострадавшим в борьбе с бандитами-бандеровцами и другими, находящимися в лесах по ту сторону Вислы. Кроме того, нам поручено оказы-

вать помощь возвращающимся домой репатриантам, украинцам и русским, которые будут направляться по этой дороге на Восток. Осмотрев город, мы нашли, что самое лучшее место для госпиталя – это учебное здание и общежитие католического колледжа. Мы уже беседовали с настоятелем колледжа, и он дал согласие на размещение там госпиталя, ведь эти здания всё равно сейчас пустуют.

При упоминании о договорённости с настоятелем колледжа епископ нахмурил свои чёрные брови и недовольно проговорил:

– Придётся наказать этого настоятеля, он же прекрасно знает, что любой вопрос, касающийся зданий, принадлежащих духовному ведомству, могу решать только я. Он должен был вас направить ко мне. Хорошо, что в это дело вмешался бургомистр, неглупый человек. Я вам, молодые люди, скажу так: эти здания вам не подойдут. Вы, наверно, обратили внимание, что во дворе колледжа стоит большая церковь – костёл. Это единственный костёл, уцелевший в городе, и все церковные службы проходят там. Каково будет ваше положение, когда во дворе госпиталя два раза в неделю будет собираться толпа прихожан? Они, конечно, возмутятся тем, что в духовном учреждении размещён русский военный госпиталь. Должен вам сказать, что даже фашисты старались не вступать в ссоры с духовенством, ну, а вам-то уж сам Бог велел.

Алёшкин и Захаров задумались. Они поняли, что здания

колледжа им не видать, как своих ушей. И, мысленно поругивая попа, уже прикидывали объём работы, которую придётся вести хотя бы в одной из казарм, увиденных ими при въезде в город.

– Да вы особенно не огорчайтесь, – сказал епископ, заметив их удручённый вид. – Я знаю, что здесь, на южной окраине города, в бывших бараках военнопленных и палатках размещается полк польских войск и батальон Красной армии. Их подразделения ежедневно вступают в стычки с бандитами на той стороне Вислы, и ваше присутствие в настоящий момент в городе необходимо, поэтому я вам помогу.

Он встал, подошёл к окну.

– Подойдите сюда, – подозвал он Бориса. – Посмотрите, – он указал на большое кирпичное здание, стоявшее почти рядом с его домом и невидимое с улицы, так как его загораживал большой сад. – Вот это здание тоже наше. В будущем в нём разместится часть классов колледжа. Его начали строить перед войной. Первый этаж почти полностью закончен, второй требует внутренней отделки. Здание подведено под крышу. В него проведён водопровод и электричество. Правда, отопления нет, но сейчас лето, так что это не страшно. Там, конечно, имеются разрушения, причинённые во время боёв за город. Пойдите осмотрите его, и если оно вам подойдёт, то занимайте. Проведение всех необходимых ремонтных работ я вам гарантирую в самый кратчайший срок. С рабочими расплатитесь продуктами. Так и волки будут сыты, и овцы

целы, – засмеялся епископ.

Затем он хлопнул несколько раз в ладоши и вошедшему службе сказал по-польски, чтобы тот проводил офицеров в новое здание колледжа и предупредил сторожа. Затем он повернулся к Борису:

– Вот вам провожатый, он переговорит со сторожем. Только, к сожалению, переводчика я вам дать не могу, по-русски здесь говорю только я.

Алёшкин улыбнулся:

– О, падре, то не тщеба, я и разумием и умием мович по польску.

Епископ был приятно удивлён. Он посмотрел на Бориса с большим уважением и уже на своём языке сказал:

– То бардзо пшеемно, пан майор. Я билбим бардзо задоволи, если пан майор знайдже час и не пшийде до мние яко проситель, а на шклянке гербаты.

Борис и Захаров встали, поклонились, надели фуражки и направились к выходу.

Здание, предложенное епископом, оказалось подходящим. Оно представляло собой большой двухэтажный кирпичный дом в форме буквы Г. Так же, как и дом епископа, он стоял на самом краю крутого, обрывистого берега Вислы на высоте около 50 метров от уровня воды. На первом этаже

имелось более двадцати больших, хорошо отделанных, хотя немного захламленных, комнат. Окна выходили во двор, вернее, в сад и в сторону Вислы. Почти во всех уже были вставлены новые стёкла – очевидно, что и здесь прихожане начали проводить восстановительные работы. Второй этаж, такой же по размерам, имел незастеклённые рамы. Стены в комнатах были отштукатурены, но не побелены. Внизу Захаров обнаружил довольно вместительный подвал, имевший вход со стороны реки. Туда можно было сложить большую часть имущества госпиталя.

Это здание позволяло разместить личный состав и не менее двухсот раненых и больных. Кроме того, имелись помещения и для операционно-перевязочного блока. Задействуя второй этаж, количество коек могло увеличиться до пятисот.

Справа от территории предполагаемого размещения госпиталя, если повернуться лицом к реке, располагался замок епископа, а слева – двухэтажное кирпичное здание, в котором, как выяснилось, находилась беспека, то есть учреждение госбезопасности с отрядом бойцов.

Сообщив епископу через сопровождавшего их службу, что предложенное здание им вполне подходит, Борис вместе с Захаровым направились на площадь, чтобы скомандовать колонне переезд к новому расположению. Там они застали настоящую ярмарку. Вокруг колонны автомашин и кучи сложенных вещей собралась целая толпа поляков разного возраста и пола. Многие из них держали корзины с ягодами

и овощами, у некоторых были домашние колбасы и другие кулинарные изделия, все они наперебой предлагали свой товар. Шла оживлённая и бойкая торговля.

В свою очередь, санитары, дружинницы, медсёстры держали в руках разное трофейное барахло и меняли его на предлагаемые продукты. Командованию госпиталя, и прежде всего самому Алёшкину, пришлось потратить немалые усилия, чтобы прекратить этот обмен и заняться переездом.

Через некоторое время во двор отведённого здания переезжали все вещи госпиталя, разгрузили машины, медимущество, оборудование палат и операционного блока внесли в помещение, продовольствие и другие трофеи поместили в подвал. Кухни задымались, поспел обед, после которого Алёшкин и Павловский, посоветовавшись, предоставили всем отдых и возможность привести в порядок те комнаты, которые отводились под жильё личному составу госпиталя.

На следующий день Захаров доложил Алёшкину, что около ворот, где, конечно, уже стояли часовые, собралось человек двадцать поляков, присланных бургомистром для ремонта помещений. Борис разрешил впустить их на территорию. Необходимых строительных материалов, кирпича, извёстки, краски, готовых оконных переплётов и дверей, как и стекла, оказалось в достаточном количестве в сарае, стоявшем во дворе. Замок этого сарая открыл служба епископа. Он же сообщил, что рабочие присланы бургомистром по требованию

епископа, их работа будет оплачена городским управлением, и от госпиталя требуется только, чтобы во время работы им два раза в день выдавали горячую пищу. Алёшкин на это, конечно, согласился.

На первом этаже ремонтных работ почти не требовалось, поэтому личный состав госпиталя занялся после его уборки развёртыванием там необходимых лечебных помещений. Та часть в которой разместились на жильё медицинские работники, была приведена в порядок ранее.

Несколько рабочих Захаров взял для оборудования складского помещения в подвале. Там поставили стеллажи и сделали ящики для продуктов. Большая часть рабочих занялась устройством второго этажа.

Между прочим, в числе трофеев, кроме белья и другого мягкого инвентаря, имелось много самых разнообразных предметов, в том числе более десятка первоклассных радиоприёмников. Служка епископа заметил их и, подойдя к Алёшкину, сказал, что нужно бы отблагодарить епископа за то, что он так сочувственно отнёсся к нуждам госпиталя. Он намекнул, что святой отец очень страдает из-за отсутствия радио. Фашисты отобрали приёмники у всех жителей, в том числе и у епископа.

Посоветовавшись с Павловским и Захаровым, Борис решил подарить епископу радиоприёмник. Он выбрал «Филипс» и поручил Захарову с одним из санитаров доставить его епископу.

Через три дня ремонт складского помещения и большей части второго этажа был закончен, на первом этаже уже развернули операционно-перевязочный блок, а в палатах поставили койки, полученные от бургомистра. Госпиталь полностью приготовился к приёму раненых. В этот же день со специальным нарочным Алёшкин отправил донесение в сануправление фронта о готовности.

В Сандомир прибыл обоз из шести лошадей, которым командовал Коноваленко. Мы уже знаем, что эти лошади принадлежали госпиталю, их в своё время перевезли по железной дороге в Польшу, а затем и в Германию. Пока госпиталь стоял в Варене, Алёшкин передал животных во временное пользование тому поместью, в котором хозяйничал Коноваленко. Выехав сперва в Бад-Польцен, а оттуда в Сандомир, было решено, что лошади пойдут своим ходом. Таким образом, этот обоз и прибыл сюда через пять дней после приезда автоколонны.

По совету бургомистра лошадей разместили в одной из ближайших деревенок, чтобы их могли использовать в сельских работах крестьяне, которые рассчитывались бы за это овощами. Борис проехал вместе с Коноваленко в одну из таких деревушек и оставил его там с поручением контролировать аренду лошадей и ежедневно принимать от старосты необходимое количество свежих овощей для госпиталя.

Алёшкину пришлось начать приём раненых ещё до получения ответа на своё донесение. Дело в том, что на проти-

в противоположном берегу Вислы в лесах собрались значительные группы бандеровцев, к ним присоединялись группы немцев – главным образом, эсэсовцев, боявшихся сдаваться в плен. Эти отряды нападали на небольшие гарнизоны правобережья Вислы. Почти всегда они бывали разгромлены, но и гарнизоны несли потери. Раненых красноармейцев и поляков (гарнизоны часто были совместными) привозили в Сандомир и помещали в городскую больницу. С появлением в городе военного госпиталя всех их стали доставлять туда. Правда, поступало их немного, в среднем 5–6 человек в сутки, но это всё равно была работа. Ожидаемого потока больных и раненых из числа репатриированных не произошло. Опасаясь действий бандеровцев, командование фронта направило репатриантов по другим дорогам, минуя Сандомир.

Июль и август 1945 года выдались жаркими, и личный состав госпиталя вместе с жителями города, польскими жолнежами и красноармейцами ежедневно купались в Висле. Вода в ней была тёплой, но очень мутной. Между прочим, во время этих купаний Алёшкин и Захаров убедились, что подняться к их госпиталю от реки было почти невозможно из-за большой крутизны обрыва.

Июль прошёл спокойно, а в середине августа случилось происшествие, повлекшее за собой жертвы среди санитаров госпиталя.

Борис проснулся от перестрелки, разгоревшейся между казармами беспеки и противоположным берегом реки. А

спустя десять минут дежурный доложил ему, что представитель команды беспеки хочет его видеть. Борис вышел к польскому офицеру, стоявшему в коридоре госпиталя. Стрельба не утихала, а из-за реки даже усилилась. Офицер этот оказался знакомым, они несколько раз встречались в кинотеатре (в Сандомире открылся кинотеатр, в нём шли советские фильмы). Прибывший сказал, что на город напал большой отряд бандеровцев. Пробиваться через мост они не решились, так как он охранялся сравнительно крупными польскими и советскими воинскими частями с артиллерией, а решили переплыть реку на лодках и ударить здесь.

Всё это беспеке сообщил разведчик ещё вчера, поэтому её солдаты были приведены в боевую готовность, и, как только на том берегу зашевелились, здесь открыли огонь из пулемётов и винтовок. Бандеровцы рассчитывали переправиться незаметно и застать город врасплох. Это не получилось, тогда они тоже вступили в перестрелку.

Солдат в комендатуре беспеки было немного, послали за подкреплением, но его надо было ждать ещё часа два, вот комендант и просил поддержать их огнём.

Борис через дежурного немедленно поднял по тревоге санитаров и шофёров, их в госпитале было примерно сто человек. У них имелось два ручных пулемёта, около полусотни автоматов и столько же винтовок. Вместе с Захаровым они расставили своих бойцов по наиболее укрытым местам, пользуясь окопами, вырытыми на всякий случай заранее, и

стенами здания. Борис приказал вести интенсивный огонь по противоположному берегу, по кустам и опушке леса, где вспыхивали огоньки выстрелов. Бандеровцы заметили новые огневые точки и перенесли часть огня на них.

Бой длился около часа и прекратился, только когда два танка и около роты польских солдат от моста направились к прятавшимся в кустах и на опушке леса бандеровцам и ударили им во фланг. После этой перестрелки среди санитаров оказалось три человека раненых и один убитый. В комендантуре беспехи потери были более значительными. Поступило около двадцати раненых красноармейцев и польских солдат из тех, кто оборонял пост. Позднее на берегу насчитали более тридцати убитых бандеровцев.

За время пребывания в Сандомире советские газеты «Правда» и «Красная Звезда» поступали в госпиталь очень нерегулярно, только с оказией, когда кто-нибудь из штаба госпиталя ездил с каким-либо поручением в штаб фронта, тогда же привозили и письма. Местная пресса, единственная польская газета, выходившая в Сандомире, сообщала только локальные новости. Из сообщений по радио все знали, что война с фашистской Германией кончилась полным разгромом последней, и 24 июня в Москве состоялся Парад Победы, в котором принимал участие полк, сформированный из

наиболее отличившихся бойцов и командиров 2-го Белорусского фронта. Радио сообщало, что в конце июня принято решение о создании Организации Объединенных Наций, а 28 июня в Польше было сформировано правительство Национального единства. Узнали также, что с 17 июля по 2 августа в северо-западном пригороде Берлина, в Потсдаме, произошла конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, на эту конференцию прилетал Верховный Главнокомандующий, генералиссимус И. В. Сталин. Было принято решение содержать в Германии оккупационные войска четырёх держав – СССР, Великобритании, Франции и США неопределённо длительное время, одновременно договорились провести демонтаж всех военных фабрик и заводов Германии.

Было сообщение, что 6 августа США сбросили атомную бомбу какой-то огромной разрушительной мощи на японский город Хиросиму. 8 августа Советский Союз объявил войну империалистической Японии и на следующий же день начал боевые действия на Дальнем Востоке. США тем временем сбросили вторую атомную бомбу на город Нагасаки.

Все, в том числе и Алёшкин, как-то не очень серьёзно отнеслись к этим новостям. «Ну, подумаешь, ещё бомбу сбросили...» Никто не представлял себе масштабов трагедии и тяжёлых последствий, которые произвела атомная бомбардировка. Все думали, что эта бомба – что-то вроде Фау-2, какими фашисты обстреливали Лондон. Однако начало вой-

ны с Японией немного обеспокоило, надеялись, что их госпиталь не перебросят на Дальний Восток. Павловский уверенно утверждал:

– Войска, которые были необходимы для действий на Дальнем Востоке, направлялись туда уже давно, начиная с середины мая, и, очевидно, сейчас, в августе, наш госпиталь так далеко не перебросят.

Его слова подтвердились. Несколько неожиданно пришёл приказ демобилизовать всех рядовых, родившихся до 1910 года, их в госпитале оказалось 45 человек. Среди них был, конечно, и Игнатъич. Составили список для управления кадров фронта. Через несколько дней пришёл приказ об отправке команды демобилизованных в город Лигниц, где теперь находился штаб фронта. Оттуда они в эшелонах отправлялись на родину. Одновременно с этим распоряжением в госпиталь прибыла команда молодых, только что мобилизованных солдат для заполнения вакантных должностей.

После совещания с помощниками Алёшкин приказал снабдить каждого демобилизованного двумя парами нового трикотажного белья из трофеев, новым обмундированием, обувью из обменного фонда и некоторым количеством трофейных продуктов.

1 сентября 1945 года команда первых демобилизованных была погружена в машины и отправилась в путь. Надо сказать, что многие из них покидали госпиталь с большой печалью, особенно расстраивался Игнатъич, успевший прики-

петь к Борису и Джеку. При расставании он по-настоящему всплакнул.

Ещё месяц после отправки этой группы госпиталь стоял в Сандомире. Бандеровцы были отогнаны. Поступление новых раненых совсем прекратилось, находившиеся там были эвакуированы в тыл или поправились и вернулись в свои части. У личного состава появилось много свободного времени. Борис и Павловский придумывали самые разнообразные занятия с медицинским персоналом, чтобы как-то загрузить людей. Захаров ввёл усиленные строевые занятия с молодыми санитарями и остальным личным составом. Павловский регулярно проводил политзанятия, Алёшкин и Минаева с врачами и медсёстрами совершенствовали медицинские навыки. И всё-таки от безделья люди всё больше стали нарушать дисциплину. Санитары и шофёры всё чаще выпивали, благо самого разнообразного алкоголя в городе можно было купить сколько угодно. Медсёстры и дружинницы ударились в другую крайность – лихорадочно скупали разные безделушки в многочисленных лавчонках, открывавшихся чуть ли не на каждом углу: предметы женского туалета, ткани. Расплачивались золотыми, которыми ещё с Бад-Польцена выплачивалась половина зарплаты и которые считались бросовыми бумажками. Одним словом, в госпитале появился нездоровый дух. Борис и Павловский не замедлили сообщить об этом в сануправление фронта, предлагая направить госпиталь на тот участок, где он мог бы быть полностью за-

гружен. В ответ на этот рапорт 15 октября пришёл приказ о передислокации госпиталя своим транспортом в город Лигниц.

Прежде чем говорить о том, как прошла эта передислокация, следует немного остановиться на состоянии здоровья нашего героя. Дело в том, что ещё с весны 1945 года, после тяжёлой ответственной работы, которую Алёшкину пришлось вести во время боевых дней в Штольпе, в процессе сложных передислокаций по городам Германии и организации совершенно новой работы, которая требовала большого напряжения сил и нервов, у Бориса участились приступы гипертонии. Как правило, повышение кровяного давления сопровождалось резкими болями в сердце. Он не придавал серьёзного значения этим симптомам и, хотя обращался за медпомощью к доктору Батюшкову, единственному терапевту в госпитале, и принимал назначаемые лекарства, но в остальном к его советам не прислушивался, продолжал много курить и работать, не считаясь со временем. Всё это привело к тому, что перед выездом из Сандомира он чувствовал себя очень скверно.

Надо сказать, что методы лечения, которыми в то время пользовался Батюшков, были довольно примитивны. При приступе гипертонии он обычно назначал порошки, содержащие люминал и папаверин, чтобы вызвать сонливое состояние, которое, как тогда считалось, приводило к снижению давления. Для снятия болей в сердце он прописывал кап-

ли нитроглицерина или порошки камфары с белладонной. Все эти лекарства, может быть, и оказали бы благотворное действие, если бы Алёшкин одновременно с этим соблюдал необходимый режим.

Глава одиннадцатая

Получив приказ о новой передислокации, Алёшкин долго не раздумывал, он так привык, что его госпиталь бросают из конца в конец Польши и Восточной Германии, что несколько этому не удивился. Это касалось и других лечебных учреждений. В город Лигниц и его окрестности стягивались все полевые, эвакогоспитали и эвакопункты. Генерал Жуков сказал, что пока вопрос о том, какие из них останутся в составе группы войск, а какие будут расформированы, ещё не решён, Алёшкину с его хозяйством нужно быть готовым ко всему, поэтому следует подобрать не очень большое помещение, не развёртываться и ждать дальнейших распоряжений. Открыть только амбулаторный приём для больных, которые могли поступить из частей, ближайших к месту расположения госпиталя. Жуков сообщил также, что один из эвакогоспиталей развёрнут в здании бывшей женской гимназии и выполняет функции стационарного лечебного учреждения. О месте, подобранном для размещения 27 госпиталя, генерал приказал доложить вечером.

Когда Борис вернулся к оставленной машине, он узнал от Захарова, что тот не терял времени даром, а проявил примерную оперативность и кое-что для размещения госпиталя предпринял. После отъезда Алёшкина в сануправление, Захаров, бродя по окраинам улиц, встретил лейтенанта интен-

дантской службы, разговорился с ним и узнал, что тот послан квартирмейстером от одной из тыловых частей фронта и ищет для неё помещение. Кажется, это было какое-то учреждение связи. Лейтенант сообщил, что почти все большие здания в городе заняты управлениями штаба Белорусского фронта и эвакогоспиталями. Захаров подумал, что их госпиталю развёртываться не придётся, а нужно будет скорее всего где-то ожидать приказа в свёрнутом состоянии. Исходя из этого, он осмотрел ближайшие дома. Вопрос о размещении личного состава его не беспокоил, он знал способность работников госпиталя приспособляться к любой тесноте. Для них хватило бы одного-двух небольших домов. По улице, где он проходил, пустых домов было много. Его беспокоило подыскание места для стоянки автотранспорта и размещения складов.

Мы помним, что за время путешествия по Германии и Польше хозяйственные запасы госпиталя значительно возросли: увеличился автопарк, накопился большой ассортимент различного трофейного хозяйственного твёрдого и мягкого инвентаря, приличные запасы продовольствия, резерв медикаментов. Поэтому Захарова интересовали те помещения, которые можно было бы использовать как склады.

Проходя по одной из улиц, он заметил через разломанные ворота довольно большую пустующую асфальтированную площадку. Судя по оставленным на ней запчастям, скатам, бочкам из-под горючего, она ранее служила местом сто-

янки какой-то автотранспортной части. Обойдя всю площадку, он убедился, что для размещения машин госпиталя площадка подойдёт как нельзя лучше. Но ещё больше его обрадовало, когда в глубине двора он обнаружил большой сарай с распахнутыми дверями. Зайдя внутрь, он увидел там кучи разного хлама, в том числе и старое немецкое обмундирование. Прикинув глазами объём помещения, Захаров убедился, что, если сделать перегородки и поставить стеллажи, то здесь можно будет свободно разместить всё имущество госпиталя. Кроме того, останется достаточно места, чтобы как следует рассортировать его, а сделать это было совершенно необходимо. Подбирая трофеи, хозяйственные работники госпиталя складывали всё в общую кучу, и в результате на складах в Сандомире создалась такая неразбериха, что найти что-то нужное было трудно. Следовало всё привести в порядок, избавиться от излишков и правильно складировать положенное по штату.

«Если госпиталь не будут трогать с места хотя бы две недели, то эту работу можно выполнить, помещение позволит, — подумал Захаров. — Теперь нужно искать дом для жилья».

Выйдя из ворот этого склада, как мысленно он назвал найденный сарай, Захаров увидел на противоположной стороне улицы узкий пятиэтажный дом. Половину первого этажа занимало какое-то торговое предприятие, но витрины его были закрыты железными жалюзи. Над входом висела большая вывеска с какой-то немецкой надписью и нарисованной сви-

ной головой, колбасой и окороком. «Колбасная фабрика, – подумал он. – Пригодится!» Оставив автоматчика у ворот склада и приказав ему никого туда не впускать, Захаров направился в здание.

Немцы уже снимали белые флаги и, привыкнув к постоянным визитам представителей Красной армии, дверей не запирали, поэтому он беспрепятственно вошёл внутрь помещения, которое оказалось магазином. Стены там были выложены белой глазированной плиткой, пол – метлахской плиткой. Прилавок был отделан плиткой из мраморной крошки, а сзади, на железной балке, висело множество крючьев различной величины.

Когда Захаров захлопнул за собой дверь, раздалось звяканье колокольчика, на звук которого из небольшой дверцы за прилавком, с трудом протискиваясь, показался очень толстый пожилой немец. На лице его была написана угодливость и любезность. Он низко поклонился и, показав рукой на пустые крючья, на какой-то польско-немецкой смеси языков извиняющимся тоном произнёс:

– Менса нема. Швайн нема, герр офицер.

Захаров пренебрежительно махнул рукой и, так как его знания немецкого языка были ничтожны, сперва сказал по-русски:

– Не нужно мне мяса, мне дом нужен!

Немец испуганно таращит круглые бесцветные глаза, а в дверце показалась дрожащая от страха женщина. Захаров

добавил по-немецки:

– Их габе дер хауз!

Убедившись, что немец всё равно не понял, он поманил его рукой и, показывая на прихожую, через которую он вошёл, приказал:

– Геен зи!

Немец послушно вышел с ним, и они стали подниматься по лестнице. На площадке второго этажа Захаров увидел открытые двери двух квартир. Всё в них находилось в страшном беспорядке: на полу, на стульях и даже на неубранных кроватях валялись разбросанная женская и мужская одежда. Очевидно, хозяева квартир покинули их в такой спешке, что не захватили даже самых нужных вещей. Обе квартиры состояли из трёх больших комнат и кухни. Таким образом, учитывая четыре свободных этажа, в доме имелось восемь квартир, за исключением той, которую занимали хозяева магазина.

Немец молча следовал за Захаровым и когда они обошли все квартиры, сказал:

– Мешканне эсс... капут.

Захаров понял, что здесь жили эсэсовцы, очевидно, офицеры, в своё время сбежавшие, и спросил:

– Каких-нибудь солдат нет?

Немец понял:

– Зольдатен ниht, кайне ниht.

– Хорошо, – сказал Захаров. – Никого не пускайт, моя за-

нимайт.

Неизвестно, понял ли немец эти, непонятно на каком языке произнесённые слова, но согласно кивнул головой.

Выйдя из дома, Захаров вырвал листок из полевой книжки и, написав на нём крупными буквами «Хозяйство Алёшкина», прикрепил его к входной двери. Когда он вернулся к своей машине, сюда же подъехал и Борис. Он одобрил действия Захарова, и спустя сутки на складе уже лежало сваленное в огромные кучи имущество госпиталя, на площадке ровно выстроились разгруженные машины, а в здании напротив шла генеральная уборка помещения и расселение личного состава.

Амбулаторию устроили в помещении магазина, потребовав от хозяина убрать все крючья. Медикаменты разложили на прилавки, посредине поставили два перевязочных стола, у витрины – стол для врача, а у стен – несколько стульев.

Работа амбулатории началась почти с первых часов прибытия госпиталя, и за время стоянки в этом помещении госпиталь принял около трёхсот амбулаторных больных.

Алёшкин поселился в одной из квартир второго этажа, заняв две комнаты и кухню. В кухне жил новый ординарец с Джеком. Первая, проходная, комната служила кабинетом начальника и местом для проведения различных совещаний, вторая – спальней. Третья комната этой квартиры, самая большая, отводилась под штаб, там же жил и начальник штаба Добин. Остальные люди удобно разместились в

квартирах, только Павловский поселился в соседнем доме, заняв квартиру из четырёх комнат, очень хорошо обставленную. Очевидно, хозяева этих домов сдавали меблированные квартиры внаём. В период войны в этом районе жили в основном эсэсовцы, сбежавшие при наступлении наших войск. Для размещения строевых воинских частей эти квартиры были непригодны, и поэтому до прихода тыловых частей штаба фронта они пустовали.

Пользуясь временной передышкой, Борис и Захаров решили первым делом по-настоящему разобраться с имевшимся в их распоряжении имуществом. К этой работе они подключили заведующую аптекой Иванченко и старших операционных сестёр. Всех людей, свободных от несения караульной службы, поставили на сортировку имущества.

Расскажем, зачем понадобилась караульная служба. Дело в том, что количество тыловых учреждений в Лигнице всё увеличивалось, и размещаться в городке им было уже негде. Жизнь в соседних фольварках многих не устраивала, поэтому желающих занять помещения госпиталя № 27 находилось немало. В карауле было 36 бойцов, 12 человек дежурили ежедневно в амбулатории, шофёры занимались ремонтом своих автомашин. Таким образом для работы на складе оставалось около 60 человек.

Алёшкин и Захаров решили так: взяли инвентаризационные ведомости по состоянию на 1 января 1945 года, по ним собрали всё, что полагалось иметь госпиталю по штатному

расписанию, не обращая внимания на то, какое это имущество – отечественное или трофейное. Например, по ведомостям числились вёдра оцинкованные, сто штук. Часть их давно выбыла из строя, часть бросили по дороге и заменили трофейными – эмалированными, да ещё и с крышками. Суконных одеял числилось 500 штук, их заменили одеялами из верблюжьей шерсти, которых на складе имелось более 1 500. Точно так же поступили и с другим инвентарём, и с медицинством. Всё, что полагалось иметь госпиталю по штату, сложили на отдельных стеллажах, чтобы при переезде взять с собой, а излишки складывали в противоположный угол сарая, чтобы передать их трофейному отделу штаба группы войск.

Время за работой проходило быстро. Кончался октябрь, а никаких распоряжений о дальнейшей судьбе госпиталя пока не поступало. Ещё в Сандомире 3 октября 1945 года все военнослужащие госпиталя были награждены медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Их вручал представитель управления кадров фронта на торжественном митинге, собранном по этому поводу.

21 октября Алёшкина и Павловского вызвали в сануправление. Борис предполагал, что госпиталь получит приказ на новую передислокацию, и поэтому приказал Захарову и Лагунцову готовить транспорт и имущество к погрузке, но оказалось другое.

Генерал Жуков объявил, что решением Военного совета Северной группы войск будет произведено сокращение численности войсковых частей, а, следовательно, и расформирование некоторых тыловых учреждений, в том числе и госпиталей. Хирургический полевой передвижной госпиталь № 27 также будет подлежать расформированию. На проведение работ по демобилизации личного состава и сдаче имущества отводится полтора месяца. Демобилизации подлежат в первую очередь женщины, а также мужчины, призванные из запаса. Личный состав, проходящий действительную службу, а также начальствующий состав молодого возраста после окончания всех работ по расформированию должен быть передан в распоряжение управления кадров группы войск. В отношении лично Алёшкина и Павловского вопрос будет рассматриваться особо: о первом будет думать сануправление группы войск, а о втором – политуправление. Так что по окончании всех работ оба должны явиться в эти управления для дальнейшего решения их судьбы.

В связи с тем, что весь личный состав госпиталя в течение военных операций, проводимых 2-м Белорусским фронтом, обеспечил отличное выполнение боевых заданий, командующий, маршал Рокоссовский приказал всех наградить в соответствии с их заслугами. Сануправление уже подало необходимые документы для награждения начальника госпиталя и его замполита. Им же предстояло в самом срочном порядке дать представление на весь остальной личный состав.

Кроме того, Алёшкину поручалось написать историю госпиталя, которая впоследствии должна храниться в Военно-медицинском музее. Заканчивая свои распоряжения, генерал Жуков предупредил, что на выполнение последних заданий руководству госпиталя даётся не более двух недель.

Сразу же по возвращении из сануправления Павловский вместе с секретарём партийной организации и начальниками отделений занялся составлением списков представляемых к награде, а Борис уселся за написание истории госпиталя.

30 октября вышел приказ о награждении всего личного состава госпиталя, и награды были вручены. Для многих они явились полной неожиданностью.

К 3 ноября подготовили первую, а по существу, вторую, партию к отправке на Родину. В неё входили в основном женщины, мужчины-врачи и старшие операционные сёстры.

Алёшкин и Захаров обратились к начальнику тыла фронта генерал-лейтенанту Лагунову с просьбой о выделении трофейным отделом кое-какого вещевого имущества для выдачи его отъезжающим в качестве подарка. Тот обещал дать соответствующее распоряжение трофейному отделу. Захаров осмелел:

– Товарищ генерал-лейтенант, у нас у самих накопилось много излишков разных трофейных вещей. Может быть, мы разрешим нашим людям взять с собой не стандартные подарки трофейного отдела, а выбрать каждому, что он пожелает или что ему больше нужно, из того, что имеется у нас?

Генерал усмехнулся:

– А вы, видно, здорово нахапали, если можете себе такое позволить!

Борис и Захаров смущённо переглянулись, и Алёшкин пояснил:

– Мы, товарищ генерал, почти всегда шли следом за боевыми частями, и поэтому всё, что фашисты в панике бросали, могли подбирать. Работы было предостаточно, не до трофеев было, но кое-что всё же брали...

– Ну, хорошо, будь по-вашему. А записку эту в трофейный отдел передайте. Оттуда получите справки для каждого демобилизуемого. Оставшееся у вас имущество после окончания демобилизации также передайте в трофейный отдел. Да смотрите, своё штатное довольствие не разбазарьте!

Получив разрешение, Борис и Захаров долго ломали голову, каким бы образом обеспечить тех, на ком держалась вся работа госпиталя: врачей, операционных сестёр, начальника аптеки и другой начальствующий состав. Решили сделать так: выделить одну из самых больших грузовых машин, погрузить в неё людей вместе со всем трофейным имуществом, которое они себе выберут, и отвезти их до города Бреста. Дальше, уже в пределах СССР, они будут добираться поездом сами.

Почему мы говорим, что «они выберут»? Потому что выбирать было из чего. Вероятно, сам начальник трофейного отдела позавидовал бы тому «барахлу», которое находилось

в трофеях госпиталя. Тут были и новенькие радиоприёмники, взятые на разрушенных складах «Телефункена» ещё в Штольпе, ковры из Варена, много самой разнообразной фарфоровой, фаянсовой и даже хрустальной посуды, патефоны, фотоаппараты, много одежды, белья и мануфактуры. Все представляли, что эти вещи в Советском Союзе сейчас являются большой ценностью, и каждому хотелось взять побольше. Естественно, что, следуя к границе обычным путём, то есть немецкой и польской железными дорогами, везти с собой огромный багаж было физически невозможно. Некоторые женщины, да и мужчины, были немолоды, да и молодым-то тащить на себе многое из того, что хотелось, было не под силу. Даже при способе, который придумали Борис и Захаров, и то большинству пришлось расстаться с частью тех вещей, которыми они до этого пользовались или собирались взять с собой.

В конце концов, с багажом разобрались, все остались довольны, и 3 ноября врачи, фельдшеры, начальник аптеки и большая часть работников штаба – всего 30 человек погрузились в машину вместе со своими вещами и отправились в путь.

В числе отъезжавших была и Катя Шуйская. Правда, по возрасту и званию (лейтенант медицинской службы) она не подлежала демобилизации, но Борис отправил её в отпуск, как и других молодых операционных сестёр, чтобы вопрос о демобилизации был решён на месте военкоматом. Оба по-

нимали, что наступило время, когда они должны расстаться. Следует сказать, что в последние месяцы у Бориса чувство увлечения, которое держалось довольно долго, значительно ослабело, ведь война кончилась. Он знал, что ему надо вернуться к своей семье и, следовательно, прекратить эту связь. Демобилизация этому очень помогла. Борис, хотя и привязался к Шуйской, но всегда помнил и видел перед собой лицо той Кати, которая осталась в Александровке, видел своих девочек и ни на секунду не допускал мысли о том, что, когда его демобилизуют, он может не вернуться к ним. Да и Шуйская, помня о своём обещании ни в коем случае не разрушать семью Бориса, подчинилась этой разлуке, хотя и понимала, что она будет окончательной и бесповоротной.

Перед отправкой этой партии произошло одно событие, очень неприятно повлиявшее как на Алёшкина, так и на его ближайших помощников. В штабе госпиталя работал начальником финансовой части лейтенант интендантской службы Васильев. Одновременно он выполнял обязанности и кассира госпиталя, поэтому имел свободный доступ к деньгам, получаемым на ведение хозяйства и выдачу зарплаты служащим госпиталя. В последние месяцы, после официальной женитьбы на дочери начальницы аптеки Лиде Иванченко, он начал частенько запивать. 1 ноября в связи с началом расформирования госпиталя финотделом управления войск была проведена внезапная ревизия, при которой у Васильева обнаружилась недостача в 6 000 рублей. Капитан,

проводивший ревизию, доложил об этом Алёшкину и заявил, что, если в течение двух суток недостача не будет ликвидирована, то Васильева придётся отдать под суд трибунала.

Борис рассказал об этом Павловскому, Захарову и начальнику канцелярии Добину, выполнявшему обязанности главного бухгалтера, и они решили поговорить с Васильевым. Тот держался вызывающе и заявил, что ни в каких трофеях он не нуждается, а отдавать израсходованные деньги не намерен. Алёшкин и все остальные прекрасно понимали, что судебный процесс против Васильева задержит их всех для дачи свидетельских показаний ещё на многие месяцы. Конечно, никого такое положение не устраивало, и, так и не приняв никакого решения, руководители госпиталя разошлись, удручённые случившимся. Особенно тяжело переживали Алёшкин и Павловский, ведь, помимо прочего, обнаружение этого преступления бросало тень на весь госпиталь. У Бориса, как это бывало последнее время очень часто, опять подскочило давление, и Батюшков уложил его в постель.

Вечером к нему пришла начальник аптеки Иванченко и со слезами умоляла не отдавать её зятя под суд. Вместе с дочерью, женой Васильева, они набрали около 2 500 рублей, больше не было.

На другой день, снова собравшись вместе, Алёшкин, Павловский, Захаров и Добин решили собрать недостающую

сумму – 3 500 рублей и внести её в кассу госпиталя. Добину поручили принять кассу на себя, Васильева к деньгам больше не допускать и постараться как можно быстрее демобилизовать.

В 14 часов капитану, производившему ревизию, были предъявлены недостающие деньги, как остаток, находившийся в кассе. В своём акте он отметил, что госпиталь нарушал финансовую дисциплину, имея в кассе значительные остатки денежных сумм, но это никого не волновало: все знали, что избытком денег их попрекнуть было нельзя, так как госпиталь находился в постоянных разъездах на достаточной удалённости от штаба фронта.

После отъезда этой партии Борис, Павловский и Захаров стали готовиться к отправке следующей. В неё входили все медсёстры, дружинницы, санитары и писари штаба. Оставались только кладовщики, начальник штаба Добин, Захаров, Павловский и сам Алёшкин. Отправку наметили на 10 ноября 1945 года. Перед этим прошёл праздник 28 годовщины Великой Октябрьской революции, отпраздновали торжественно. По окончании митинга, проведённого во дворе склада, все разбились на группы и, имея достаточные запасы спиртного и всякого рода съестных припасов, пировали почти всю ночь. Не участвовал в этом празднестве только Бо-

рис. Уезжая, Батюшков передал его под наблюдение опытного терапевта из гарнизонного госпиталя Николая Петровича Высоцкого. Тот, обследовав Алёшкина, потребовал, чтобы он ложился к ним на лечение, так как обнаружил значительные изменения в мышце сердца. Борис от этого предложения категорически отказался, он не мог оставить своё хозяйство в момент его расформирования, и, как выяснилось, поступил правильно.

На самом деле сдача имущества на различные склады, передача автотранспорта, оформление документации на демобилизацию личного состава, а также и передача трофеев происходили совсем не просто. Часто на какой-нибудь склад, в какой-нибудь отдел, кроме кладовщиков и писарей, оформлявших передачу, приходилось ехать и Захарову, и самому Борису, и только после их вмешательства тот или иной инцидент удавалось уладить. Вследствие этого отправку остальных демобилизуемых, в том числе и кладовщиков, пришлось перенести на 15 ноября.

Утром в этот день у Алёшкина произошло непредвиденное, чрезвычайное событие. Продолжая принимать лекарства, назначенные Высоцким, Борис работал. Часов в 8 утра, только начав бриться, он услышал, что в дверь его комнаты кто-то постучал. На приглашение войти в дверях показалась Катя Шуйская. Борис так и застыл с наполовину выбритой щекой. В первый момент он просто удивился её появлению, а затем рассердился, ведь перед её отъездом вместе с врача-

ми и остальными операционными сёстрами они ясно договорились, что связь окончена. И вдруг она снова приехала! Алёшкина ждала очень трудная работа, чувствовал он себя всё время плохо – поднималось давление, боли в сердце повторялись очень часто, а тут ещё снова появилась она!

После отправки всего личного состава Борису предстояло оформление документов на сданное имущество. По опыту других, уже расформированных учреждений, он знал, что эта работа доставляла много хлопот, канители и неприятностей. Предстояли многочисленные поездки по различным отделам и складам, расположенным в окрестностях Лигница. Где в это время будет находиться Шуйская, непонятно. Возить её с собой невозможно, а бросать одну в немецком городе тоже нельзя. Он, конечно, всё это выложил девушке и, между прочим, сказал, что очень поражен её возвращением, ведь она прекрасно знала, что уезжает от него навсегда. Катя заплакала и сквозь слёзы проговорила:

– Боренька, миленький, не сердись! Случилось большое несчастье, и я решилась приехать, чтобы тебя предупредить, чтобы помочь тебе.

– Какое несчастье? О чём ты говоришь? – встревожился Борис.

– Ты помнишь то письмо, которое я попросила тебя написать?

– Какое письмо? – недоумевал Борис.

– Ну то, написанное карандашом, где ты писал жене, что к

ней не вернёшься, а если и приедешь, то только за тем, чтобы забрать своих детей.

Борис мгновенно вспомнил, и его злость на Шуйскую увеличилась ещё больше. Это случилось в начале ноября. После того, как госпиталь прибыл в Лигниц, у Бориса был очередной тяжёлый приступ гипертонии, и Батюшков основательно накачал его люминалом. Несколько дней он находился в полубредовом-полусонном состоянии, лежал в постели, и поэтому участия в проводах врачей не принимал. В день отъезда к нему зашла Шуйская, чтобы проститься, она сказала:

– Боря, а ведь твоя жена тебя совсем не любит! Я прочитала её письмо, которое лежит на письменном столе, она пишет там обо всём, но только не о любви к тебе, оно какое-то сухое...

Как ни плохо сознавал Борис окружающее, слова Шуйской возмутили его:

– Какое право ты имела читать её письмо? Ведь мы договорились, что личная переписка другого нас не касается! А потом, ты же совсем не знаешь моей жены, она не такая, она может не говорить о любви, но при этом любить меня и думать обо мне.

– Ты в этом уверен? А мне кажется, что она тебе изменяет!

– А я? Я-то ей изменяю всю войну! Так что мне даже и говорить об этом стыдно. Как же я могу её в чём-нибудь упрекать?

– Ну, ты другое дело! Ты мужчина, ты на фронте, а она в

тылу. Послушай, а что бы ты сделал, если бы узнал, что она действительно тебе изменила и жить с тобой не захочет?

– Что-о-о? Я бы ей такое письмо написал!

– Какое? – задорно спросила хитрая женщина.

И, плохо сознавая, что он делает, Борис схватил с тумбочки, стоявшей у кровати, листок бумаги, карандаш, наскоро набросал несколько грубых резких строчек, адресованных жене, и с раздражением бросил листок на пол...

Несколько дней Борису было так плохо, что он совсем забыл об этой подлой записке. Вспомнил он о ней лишь перед ноябрьскими праздниками, когда Шуйской уже давно не было в госпитале. Он пересмотрел все бумажки, валявшиеся на столе, и, не найдя того листка, подумал, что, наверно, во время уборки ординарец поднял его с пола и выбросил в печь. Но одновременно у него мелькнула и другая мысль: не взяла ли письмо Шуйская? Он решил подстраховаться и на всякий случай предупредить появление этого письма в Александровке. Борис как раз собирался отвечать на Катино письмо, и сделал там приписку о том, чтобы жена не обращала внимания на письмо, написанное карандашом, если его получит.

Теперь он узнал от Шуйской, что это злосчастное письмо она подобрала с пола и положила в конверт, приготовленный Борисом, лежавший на столе. Она объясняла свои действия так:

– Я оставила это письмо единственно для того, чтобы сохранить память о человеке, с которым я прожила трудные

годы войны. Посылать его я никуда не собиралась. Но мама, как-то без меня разбирая мои вещи, нашла этот запечатанный конверт, подумала, что я просто забыла его отправить по адресу, и бросила его в почтовый ящик. Письмо отправилось в путь. Когда я узнала об этом, пришла в ужас, понимая, какое страшное злодеяние я совершила, взяв это письмо с собой, и какую большую ошибку совершила мама, непрошено отправив его. Я всегда говорила и думала, что наши с тобой отношения, какими бы они ни были, не должны отразиться на твоей семье, а тут вдруг случилось такое... Поэтому мне нужно было приехать, чтобы предупредить тебя. Поверь, сделать это было нелегко. Мне и стыдно, и обидно, что ты мне можешь не поверить и станешь меня презирать, а я не хочу, чтобы ты думал, что письмо я отправила умышленно. Поехать к тебе мне было трудно и по другим причинам. Военком предложил мне демобилизоваться и никак не хотел давать литер на обратный проезд, согласился только после долгих просьб и слёз. Делай со мной всё, что хочешь, а я считала своим долгом рассказать тебе лично, не письмом.

Борис задумался. Он и верил Шуйской, которую до этого нельзя было упрекнуть во лжи, и в то же время сомневался в её искренности, но, самое главное, он до глубины души возмутился её поступком. Зачем она взяла это проклятое письмо? Зачем она вынудила написать его? Он понимал, конечно, что его возмущение создавшегося положения не исправит. Надо немедленно написать Кате в Александровку самое

подробное письмо, может быть, оно придёт раньше, объяснить ей свою глупость, а, вернее, подлость, которую он совершил.

– Вот что, Катя, тебе здесь больше оставаться нельзя. Сегодня мы отправляем эшелон с медсёстрами, дружинницами и санитарями, призванными из запаса, поедешь с ними. А мне теперь будет очень трудно оправдываться...

К слову сказать, оправдываться по этому поводу ему пришлось до конца своей жизни, мы потом скажем об этом немного подробнее.

Катя Шуйская была отправлена вместе со всеми в этот же день, а Борис написал жене подробное покаянное письмо, в котором вновь говорил о своей любви, вспоминал их жизнь на Дальнем Востоке и умолял не придавать значения той «ерунде», которую он написал карандашом.

Как потом стало известно, Катя Алёшкина получила-таки это подлое послание. Оно чуть не убило её. Как всегда, распечатав и прочитав письмо ещё на почте, она была так ошеломлена и обижена, так опечалена и оскорблена, что чуть не потеряла сознание. Выйдя из помещения почты и сев на лавочке у крыльца, она бессильно свесила голову на грудь, крупные слёзы текли по её щекам. Катя прекрасно понимала, что её неугодный Борька не мог прожить без женщины

четыре с половиной года. По его письмам она чувствовала, что есть у него кто-то. Она знала, сама видела, что многие военные, особенно командиры и начальники, обзаводились подругами, и мысленно прощала этот проступок своему шалопутному мужу. Но получив письмо, в котором он отказывался от неё, это возмутило не только её преданную душу, но и женскую гордость. Придя домой и взяв в руки другое письмо от Бориса, которое пришло за несколько дней до этого, она села за стол и задумалась: «Чему верить? Что же он за человек? Как он может так несправедливо поступать?»

В это время на кухню, где сидела Катя, вошла старшая дочь. Увидев расстроенное лицо матери, она подошла и спросила:

– Мама, ты что? Что случилось?

Катя протянула ей письма, которые держала в руке. Эла прочитала письмо, написанное карандашом, и рассерженно крикнула:

– Что ты, мама, расстраиваешься? Неужели ты думаешь, что мы тебя оставим и поедем куда-то с ним? Что он себе воображает? Нам такого отца не нужно! Наверно, он там совсем с ума сошёл. Да ты подожди, не волнуйся, я думаю, всё обойдётся...

Катя, положив лицо на руки, стараясь сдержать слёзы, отрицательно покачала головой.

– Мама, а что это за второе письмо?

– Читай, – глухо проговорила Катя.

Эла взяла конверт и быстро прочитала то письмо, которое Борис послал, уже зная об отправке первого, написанного им в каком-то полубреду. Кроме уверений в любви и желания как можно скорее увидеться, оно было пронизано таким искренним раскаянием за совершённую подлость и глупость, такой надеждой на то, что Катя эту дурацкую пачкотню вообще не получала, что, прочитав его, Эла не выдержала и рассмееялась:

– Эх, мама, неужели ты до сих пор не знаешь нашего папу? Неужели не привыкла к его взбалмошному характеру и безрассудным поступкам? Перестань нервничать, успокойся, никуда он от нас не денется. Приедет, взбучку ему хорошую дашь. А если вдруг и не приедет, так мы и без него проживём.

Катя подняла голову, взяла обратно протянутые дочерью письма, снова прочитала то, в котором Борис просил прощения за совершённую подлость, слегка улыбнулась и с каким-то внутренним облегчением произнесла:

– Эх, Борька, Борька, наверно, таким ты до самой старости окажешься...

Она немного помолчала и добавила:

– Элочка, о том письме никому не говори. И ему не говори, когда он приедет, ладно?

– Да ладно уж, – усмехнулась дочь, – буду молчать, как рыба.

Глава двенадцатая

Но вернёмся, однако, к Борису.

После отправки медсестёр, дружинниц, санитаров и шофёров, а ещё спустя день и работников штаба во главе с начальником Добиным, в госпитале осталось совсем немного народа и собака. В первых числах декабря Павловский заявил, что политуправление фронта его демобилизует, и он уезжает в Ленинград. В большом доме, где размещался двадцать седьмой хирургический полевой госпиталь, теперь жили всего пятеро: Алёшкин, Захаров, два их ординарца – молодые солдаты и Лагунцов. В их распоряжении была грузовая машина и малолитражка DKW, на которой приходилось ездить по складам для окончательного оформления сдачи имущества. Борис с Захаровым ещё не знали своей судьбы. Нужно было подписать все сдаточные документы, и тут неожиданно возникло затруднение.

Начальник отдела материального снабжения Северной группы войск, полковник интендантской службы Семёнов, как и его ближайшие помощники, прослужил всю войну интендантом где-то в тылу, в запасной части. Выдвинутые на новые высокие и ответственные должности, эти люди держались строго официально, изучали документы чрезвычайно придирчиво, точно хотели разоблачить жуликов. Они уже успели сделать крупные начёты на многих руководителей

расформированных частей, в том числе и на начальников госпиталей.

Борис и Захаров с некоторым беспокойством ждали встречи с Семёновым. Они заранее отправили Лагунцова на трофейной, нигде не зарегистрированной машине BMW во Львов, загрузив её тем, что хотели взять с собой на родину. Там были радиоприёмники, велосипеды, разнообразные консервы, мануфактура, бельё, гражданская одежда и много разных мелочей. Как мы знаем, перемещаясь по Германии и делая остановки в различных её городах, работники госпиталя находили полуразрушенные склады и магазины без хозяев. Многие из того, что было брошено, подбирали и сдавали на склад госпиталя. Большую часть этого имущества раздали всем демобилизованным из личного состава госпиталя, но и оставалось ещё немало, даже после того, как Алёшкин, Захаров и Лагунцов отложили то, что им хотелось.

Захаров сдал на трофейный склад группы войск две автомашины и множество вещей по ведомости, они были оценены в 20 000 рублей.

Нужно объяснить, почему Лагунцов на BMW поехал во Львов. В сануправлении штаба Борис как-то встретил майора медицинской службы Романовского – бывшего начальника полевого госпиталя, с которым был хорошо знаком и несколько раз стоял и работал в одних и тех же пунктах. Его госпиталь уже расформировался, а сам Романовский, ещё совсем молодой человек, был назначен начальником гарни-

зонного госпиталя во Львов. В случае демобилизации Борис и Захаров решили ехать на родину через этот город. Дорога через Брест требовала нескольких пересадок, а до Львова из Лигница шёл прямой поезд. Но даже и в этом случае везти с собой всё, что им хотелось взять, по железным дорогам Германии и Польши не удалось бы: в поездах отсутствовали багажные вагоны, а таскать все вещи с собой было попросту невозможно. Вот Алёшкин и договорился с Романовским, чтобы отправить к нему большую часть своих вещей на автомашине BMW. Он заранее предупредил, что машина эта трофейная, пока нигде не зарегистрированная, Романовский может записать её на себя или на свой госпиталь, но за это он должен сохранить всё привезённое до их приезда. Тот согласился, и Лагунцов повёз все эти вещи во Львов. Там он их передал на хранение заведующему складом и отправился домой.

Конечно, привезённые вещи были старательно упакованы в фанерные ящики, коробки или в зашитые брезентовые мешки.

Между тем подошла очередь на приём к полковнику Семёнову. Он довольно приветливо принял руководство хирургического госпиталя № 27, внимательно просмотрел все ведомости, выслушал доклад своего помощника, немного удивлённо поднял брови, увидев список трофейного имущества и сумму, затем с иронией заметил:

– Похоже, что, разъезжая по Германии, вы не столько ра-

ненных лечили, сколько трофеи собирали...

Борис и Захаров промолчали, им особенно возражать было нечего. Ведь действительно, в Германии они по-настоящему работали только в Штольпе, где обслужили около пяти тысяч раненых и больных, и в Варене, где приняли около трёхсот человек, да подготовили помещения для двух санаториев. Во всех остальных городках они не развёртывались, находились сутки-двое, и личный состав, действительно, на улицах и в полуразрушенных складах собирал брошенные вещи.

Полковник Семёнов принял и утвердил все ведомости, кроме одной. Эта последняя являлась актом списания инвентаря, когда-то зачисленного в вещевое имущество госпиталя и за ненадобностью или порчей брошенного в дороге. Всё крупное и более ценное имущество – палатки, носилки, медицинский инвентарь, который госпиталю был не нужен – в своё время сдавался различным фронтовым учреждениям и складам, на него имелись соответствующие квитанции. Когда же Алёшкин и Захаров приступили к окончательной разборке склада госпиталя, то выяснилось, что необходимо было заменить разную мелочь трофейной: например, жестяные вёдра, тазы, умывальники, кастрюли, нательное бязевое бельё, бязевые простыни и тому подобное. Ведомость на списание вещей и замену их трофейными была подписана кладовщиками, Захаровым и утверждена Алёшкиным.

Полковник Семёнов заявил, что все эти предметы, в ка-

ком бы состоянии они ни находились, следовало сдавать на склады сануправления фронта и каждый раз оформлять соответствующий акт или квитанцию. Никаких возражений, что это было просто физически невозможно, так как склады сануправления иногда находились от госпиталя за несколько сотен километров, и не имело смысла отправлять туда транспорт с малоценными вещами (часть из них была сделана из старых консервных банок или подобранного в сгоревших деревьях железа), Семёнов во внимание не принял. Он объявил:

– Хорошо, я поручу своим счётным работникам оценить перечисленное в этом акте, и уж как там хотите, мы с вас за него взыщем в пятикратном размере. Зайдите завтра.

Борис и Захаров решили, что подобные мелочи стоят от силы несколько сотен рублей, и готовы были пожертвовать тысячей, чтобы поскорее развязаться с этим въедливым интендантом.

На следующий день, когда они у знакомого бухгалтера узнали итоговую сумму, то пришли в ужас. Оказалось, что всё барахло пересчитали по коммерческим ценам – около трёх с половиной тысяч рублей, а если это увеличить в пять раз, значит, с них удержат более 15 000 рублей! Таким образом, когда их демобилизуют (оба решили во что бы то ни стало добиваться демобилизации), они вернутся домой совсем без денег.

К счастью, бухгалтер, приятель Захарова, дал дельный со-

вет:

– Я вам дам эту оценочную ведомость на руки как бы для передачи полковнику Семёнову. Вы её пока не сдавайте ему, потому что, если он напишет на ней свою резолюцию «удержать в пятикратном размере», тогда уж ничего не поделаешь. Вы с этой бумагой обратитесь к кому-либо из Военного совета фронта.

Все штабные Северной группы войск по привычке себя и руководство ещё называли «фронтом». Борис взял ведомость и решил добиться приёма у члена Военного совета генерала Рузского, которого он знал лучше других и с которым у него были хорошие отношения. К его удивлению, попасть к генералу оказалось нетрудно. Алёшкин чистосердечно рассказал о своём деле, признался, что всё это барахло они действительно побросали в разных местах, так как смогли заменить его гораздо более качественными трофейными вещами.

Рузский прочитал ведомость и даже улыбнулся, когда увидел, что вёдра, сделанные из консервных банок из-под сгущённого молока, педантичными бухгалтерами оценивались в семь рублей за штуку. Ни слова не говоря, он взял ручку и своим размашистым почерком написал в углу ведомости: «Начальнику интендантской службы полковнику Семёнову. Полагаю необходимым данное вещевое довольствие списать, как утраченное в период боевых действий». И подписался.

Не помня себя от радости, Борис выскочил из кабинета Рузского, едва успев пробормотать несколько слов благодар-

ности. В коридоре штаба его ожидал Захаров. Прочитав резолюцию, он обрадовался не менее Алёшкина.

Когда они пришли к Семёнову и представили ему ведомость с резолюцией генерала Рузского, тот недовольно нахмурил брови и сердито сказал:

– А кто вам разрешил лезть с такими пустяками к члену Военного совета? Может быть, я и сам так же решил бы этот вопрос? А если бы и удержали с вас что-нибудь, так другим была бы наука!

Борис нашёлся:

– Товарищ полковник, мы не обращались! Генерал Рузский встретил меня на улице, сам спросил, нет ли у нас каких-нибудь затруднений, ведь мы с ним давно знакомы. А увидев ведомость, сделал на ней вот эту надпись....

– Вы знакомы с генералом Рузским?

– Да, он несколько раз бывал у нас в госпитале.

– Это меняет дело.

Полковник вызвал секретаря и приказал ему подготовить справку, что интендантская служба Северной группы войск к бывшему начальнику госпиталя № 27, майору Алёшкину и его заместителю по хозяйству, капитану Захарову никаких претензий не имеет.

Взяв справку, Захаров направился в управление кадров. Там он предъявил её вместе с заключением ВКК о перенесённом тяжёлом ранении и беспрепятственно получил документы о демобилизации.

На следующий день Борис направился на приём к начальнику сануправления генералу Жукову. Тот дружески поздоровался с ним и сразу «обрадовал»:

– Вот хорошо, что ты уже разделался со своим двадцать седьмым, у меня тут для тебя место хорошее есть! Будешь начальником одного из гарнизонных госпиталей, это в 15 километрах от Лигница. Там начальник – старик, его надо демобилизовать.

– Василий Константинович, – генерал давно уже разрешил Алёшкину называть его по имени-отчеству, – а у меня совсем другие планы.

И Борис возможно короче рассказал об ухудшении своего здоровья, а также о своей большой семье, которая давно ждёт его, что жена ни в коем случае не согласилась бы отдать детей в интернат, а с ними въезд на территорию Германии пока был запрещён. Да честно говоря, ему уж очень надоела эта Германия.

Жуков не знал о семейном положении Алёшкина, да и на здоровье Борис ему никогда не жаловался, поэтому он исходил только из интересов службы. Выяснив, что семья Алёшкина состоит из пяти человек и что за последний год у него было несколько приступов гипертонической болезни, генерал своё решение отменил и дал распоряжение начальнику орготдела направить Бориса в отдел кадров.

Прибыв в управление кадров к начальнику отдела, Алёшкин не сомневался, что его рапорт о демобилизации будет

удовлетворён, ведь ещё в 1943 году у него обнаружили признаки гипертонической болезни, а ВКК фронта, которую он по собственной инициативе прошёл в конце октября 1945 года, признала его ограниченно годным первой степени из-за гипертонии, осложнённой приступами стенокардии. Борис надеялся, что эта справка даст ему возможность быстрее демобилизоваться, почти так и получилось. Ознакомившись со справкой ВКК, а также документами из ЦУ, начальник отдела сказал:

– Ну что же, товарищ майор, демобилизуем вас, но с одним условием. Пришёл запрос из НКВД на демобилизуемых медиков, членов ВКП(б), имеющих опыт организаторской работы. Вы, как коммунист и бывший начальник госпиталя, подходите. Дадим вам рекомендацию, и вас примут в НКВД.

Борис так хотел домой, что ему было всё равно, с какой рекомендацией ехать, лишь бы поскорее увидеть ребятшек и свою Катю, узнать, что она простила всё, что он натворил во время войны, включая то позорное письмо, если она его получила. Поэтому, когда все формальности были закончены, и он получил на руки документы и причитающиеся ему деньги, Алёшкин чуть не бегом помчался в свою квартиру.

Кстати, о деньгах. Весь последний год половину заработной платы им выплачивали польскими злотыми и немецкими оккупационными марками. Кажется, мы уже писали, что эти деньги практически не имели никакой ценности. К ним относились, как к ничего не стоящим бумажкам. Но перед

демобилизацией было объявлено, что их можно обменять на советские деньги: 50 копеек за один злотый и 30 копеек за одну марку. Полученная при обмене сумма составила основательную прибавку к тому, что у Бориса уже было отложено.

На квартире его ждал не менее счастливый Захаров, оформивший свою демобилизацию и все связанные с ней дела сутками раньше. Конечно, ждал его и всегда радовавшийся возвращению хозяина Джек.

Ехать решили на следующий день. У них были литеры на получение железнодорожных билетов от станции Львов: у Захарова до Рязани, откуда он был призван, а у Бориса до станции Котляревская. По германским железным дорогам демобилизуемые ехали бесплатно.

Глава тринадцатая

Во Львове при помощи своих ординарцев, которых они с разрешения управления кадров задержали и взяли с собой, Борис и Захаров сложили привезённые вещи, а их набралось тоже порядочно, в углу огромного зала, забитого народом, и отправились разыскивать госпиталь Романовского, чтобы забрать остальной багаж.

На площади около вокзала они увидели настоящий цыганский табор из демобилизованных офицеров и лиц младшего командного состава, пожелавших возвращаться на Родину не в общих воинских эшелонах, а самостоятельно, в надежде добраться до дому быстрее. Из разговоров с одним из них Захаров выяснил, что некоторые ожидают посадку на поезд уже около двух недель.

Это сообщение заставило задуматься обоих друзей – будем называть их теперь так, ведь с момента расформирования госпиталя всякие служебные взаимоотношения между ними прекратились, и они стали просто товарищами, демобилизованными офицерами, едущими в одном направлении.

Добравшись, наконец, до госпиталя и найдя там Романовского, Борис и Захаров были встречены им очень радушно. Начальник госпиталя угостил их вкусным обедом и сказал, что они могут забрать свои вещи немедленно. Романовский был очень доволен, что ему досталась легковая машина, те-

перь в городе только у него имелся подобный автомобиль. Разумеется, он оформил BMW на себя.

Закусив, Алёшкин и Захаров отправились на склад, осмотрели свои вещи, хранившиеся там, и стали думать, как всё это доставить на вокзал. Дело было непростое. Нечего было надеяться, что они смогут всё унести сами. Людей в их распоряжении не было, транспорта тоже, просить Романовского не хотелось. Захаров успел познакомиться с начхозом госпиталя и предложил ему следующую комбинацию. В числе привезённых Лагунцовым вещей находился целый ящик туалетного мыла. Захаров слышал, что с мылом в Советском Союзе тогда было трудно, а у госпиталя на складе трофейного мыла было с десятков ящиков, поэтому он решил один забрать с собой. Каждому демобилизованному разрешалось брать мыла сколько хочешь. Посоветовавшись с Алёшкиным, Захаров решил предложить большую часть ящика госпиталю, оставив себе по нескольку кусков. Об этом Захаров и сказал начхозу.

Тот очень обрадовался. Во Львове, а, следовательно, и в госпитале, с мылом, тем более туалетным, дело обстояло очень плохо. Захаров за мыло выторговал помощь санитаров госпиталя, чтобы они погрузили их вещи в машину, доставили на вокзал и там выгрузили. Так и было сделано.

Когда весь багаж объединили, то образовалась такая огромная куча чемоданов, узлов и свёртков, что наши друзья даже испугались, представив себе, как это всё им придётся

перегружать. Кроме того, рядом с этой кучей стояли два мотоцикла, которые Борис и Захаров тоже забирали с собой. Тут же сидел взятый на поводок Джек.

Оформление билетов по литерам заняло немного времени, но выдавший билеты кассир сказал, что он пока их не компостирует, не ставит на них ни номера вагона, ни номера места, ни номера поезда, так как не знает, когда товарищи офицеры смогут уехать: нужно было встать на очередь у военного коменданта и с его запиской за день до отправки закомпостировать билеты.

Борис и Захаров отправились к коменданту, замотанному и задёрганному капитану, сидевшему в маленькой комнатухе. Его окружали демобилизованные офицеры, громко и настойчиво требовавшие немедленной отправки. Встретив вновь прибывших сердитым взглядом, он приказал сидевшему за небольшим столиком сержанту вписать их в очередной список и сразу предупредил:

– Товарищи, раньше, чем через 12–15 дней, ничего не обещаю!

Друзья вышли, довольно удручённые этим заявлением. Их пугала не перспектива двухнедельного пребывания на вокзале или в его окрестностях. По заявлению Романовского, они могли питаться у него хоть месяц, а спать за время войны они привыкли где и как придётся. Беспокоило другое: самостоятельно перетаскать свои вещи и погрузить их в вагон им было просто не под силу. Конечно, никаких носиль-

щиков на львовском вокзале не было и в помине. Они надеялись на помощь ординарцев, которых решили откомандировать в назначенные им части лишь после своей погрузки в поезд, задержав этих солдат на один-два дня. Задержка их на двадцать и более дней грозила большими неприятностями. По вокзалу в течение суток не менее двух раз проходили патрули и проверяли документы у всех находившихся там. Билеты или литеры, предъявляемые сержантами, старшинами и офицерами принимались во внимание, но если проездных документов у человека не было, то его задерживали и отправляли в военную комендатуру города. То же самое грозило и ординарцам, ведь у них, кроме предписания о явке в определённую воинскую часть на территории Германии, не было ничего.

Первый патруль Борису удалось уговорить, объяснив, что это их ординарцы, помогающие им при погрузке в поезд, что они находятся с разрешения управления кадров Северной группы войск и будут направлены через день-два в части, к которым теперь приписаны. Второй патруль обоих солдат не захватил, так как они вместе с санитарями госпиталя Романовского уехали туда, чтобы пообедать (об этом Захаров с начхозом тоже договорился). На следующее утро следовало ожидать нового патруля, и удастся ли договориться с ним, Борис не знал. Да и ребята начали нервничать. Каждый из них ещё в Лигнице выбрал себе часть, в которой хотел бы служить, а тут после задержания комендатурой всё

может поломаться. Они уже не чувствовали себя подчинёнными этих офицеров, а считались как бы товарищами, помогавшими старшим, и хоть ещё и робко, но начали высказывать своё недовольство.

Алёшкин и Захаров оказалась в очень затруднительном положении. После довольно длительного раздумья Захаров сказал:

– Вот что, товарищ майор, если ждать отправки у этого коменданта, то тут и три недели просидеть можно, а ведь вы, да и я тоже, к Новому году дома хотели бы быть. Пойду, пошарюсь тут между железнодорожниками. Может быть, что-нибудь выйдет.

Он пропадал часа два, наконец, вернулся с высоким усатым дядькой лет сорока пяти, который взглянув на людей, кучу вещей и Джека, спросил:

– Что-о-о?!?!! Всех этих и собаку?

– Нет-нет, нас с майором двое! Ну, и собаку, – заискивающе сказал Захаров.

– Нет, не пойдёт! О, а это что у вас? – спросил железнодорожник, показывая на мотоциклы. – Вот добавьте одну такую штуку, тогда помогу.

Захаров поморщился немного, потом махнул рукой и сказал:

– Согласен.

– Ну а кусок – само собой.

Захаров взорвался:

– Не жирно ли будет?!!

– Как хотите! Пока здесь сидеть будете, по два проедите и машины спустите. Как хотите, – и железнодорожник направился к двери.

Захаров удержал его за рукав:

– Да постой ты! Ну, может, полкуска?

– А собака? Знаешь, сколько из-за неё может быть канители? Нет, меньше, чем кусок и эта машина, не согласен.

– Ну ладно, чёрт с тобой, наживайся, – пробурчал Захаров.

– Ругаться не надо, я ведь и других найду!

– Да я не ругаюсь, это просто так...

– Тогда сидите здесь, после 12 ночи я к вам подойду, возьму билеты, закомпостирую их у кассира, выправлю билет на собаку, после этого можете сдавать багаж. Остальное возьмёте с собой. Пока.

Железнодорожник ушёл. Борис и оба солдата, присутствующие при этом разговоре, смотрели на Захарова с ошеломлённым и недоумевающим видом. Он рассмеялся:

– Ага, ничего не поняли? А я среди гражданских тут немного пообтёрся, их язык и способы действия выучил. Это проводник вагона поезда, который формируется на завтра. Он оформит нам всё с билетами и посадит в свой вагон заблаговременно. Завтра, когда с шести часов утра начнут компостировать билеты, тут чёрт знает что начнётся, ведь не только очередники к кассе бросятся, но и все, кто торопит-

ся уехать. Такая давка будет! Да и не только тут, а потом и около вагонов.

– Ну а что это за «кусок» такой? – прервал Захарова Борис.

Тот засмеялся:

– Учитесь, товарищ майор: кусок – это по-теперешнему тысяча рублей.

– Так, значит, за эту услугу придётся заплатить тысячу?

– Да, по полтысячи с человека, да ещё отдать ему мой мотоцикл в придачу, вот как.

– Но это же грабёж!

– Грабёж! А если здесь сидеть, так ещё больше ограбят. Мало того, что проешь чёрт знает сколько, так ещё и обворовать могут. Здесь между офицерами столько жулья шатаётся...

– А как же ты без мотоцикла? Тогда и я свой не возьму.

Эти слова, видно, услышал старший лейтенант, лётчик, стоявший от них в нескольких шагах. Он быстро подошёл к разговаривающим и представился:

– Старший лейтенант Петров, из лётной части, что здесь неподалеку стоит. Я, товарищ майор, давно мечтал такую машину приобрести. Если она вам не нужна, я с удовольствием возьму!

В тот период времени между военнотружущими, в том числе и офицерами, был широко распространён обычай обмена: одному досталась какая-то трофейная вещь, которая

ему была не очень нужна, другому другая, вот они и менялись баш на баш, не глядя. Так и этот лейтенант достал из кармана маленькие золотые женские часики и предложил:

– Ну, майор, баш на баш? Я тебе часы золотые для жены, а ты мне мотоцикл.

Борис не колебался, и через несколько минут счастливый лейтенант катил к выходу с вокзала машину Бориса, а тот прятал в карман часики с блестящим браслетом. Оба остались довольны, особенно Алёшкин, ведь в его вещах чего-нибудь особенно ценного специально для Кати не было. Все вещи, с его точки зрения, или особенной ценности не представляли, или предназначались для всей семьи. Теперь у него была действительно ценная вещь – золотые часы, о которых ранее ни он, ни его жена не могли даже и мечтать.

Ровно в 12 часов ночи к нашим дремавшим спутникам подошёл усатый железнодорожник:

– Ну, ребята, давайте билеты и полкуска.

– А это ещё зачем? – спросил Захаров.

– Билеты сейчас оформлю, закомпостирую, договорюсь с багажным кассиром, а это тоже даром не делается. Ну, давайте.

Борис и Захаров отдали свои билеты, хотя и чувствовали при этом некоторую неуверенность. Во-первых, они побаивались, как бы этот дядька не исчез с их билетами вообще, а во-вторых, им обоим было как-то неловко друг перед другом, ведь, что ни говори, они участвовали в некоей мо-

шеннической операции. Но, с другой стороны, они понимали, что уехать им необходимо как можно скорее. Ездить в госпиталь ради питания было не на чем, ходить – далеко, а есть всем четверым приходилось не менее трёх раз в день.

На вокзале была коммерческая столовая, ужин в ней на четверых обошёлся в 250 рублей, хотя после него все чувствовали себя голодными. А тут ещё и Джека кормить нужно. Они понимали, что если просидят тут две недели, то останутся и без денег, и без большей части вещей. Друзья уже видели, как местные спекулянты перекупали у ожидавших отъезда офицеров вещи за бесценок. А этот усач обещал их вывезти сегодня.

Поделившись друг с другом своими сомнениями, они стали терпеливо ждать возвращения железнодорожника. Наконец, тот появился:

– Задержался маленько, там комендант сидел, ну а при нём такие разговоры вести нельзя. Вот ваши билеты и отдельный билет на собаку. Он 30 рублей стоит, это уж вам оплатить нужно отдельно.

Борис, ни слова не говоря, вытащил из кармана тридцатку и протянул деньги усачу.

– Добро. Теперь идите к багажному отделению и всё, что сумеете, сдайте в багаж, а я через полчаса за вами приду.

У окошка багажного кассира народу не было. Когда Борис и Захаров протянули свои закомпостированные билеты, он мельком взглянул на них и сказал:

– Несите багаж.

Дважды наших путников просить об этом не пришлось. Оставив охранять оставшиеся вещи одного из ординарцев и Джека, Борис и Захаров вместе с другим нагрузились до предела и через несколько минут вновь вошли в багажное отделение. Вещей было много, упакованы они были хорошо – обшиты старыми плащ-палатками или одеялами. С этой стороны принимающий багаж никаких замечаний не сделал. На один билет полагалось провезти не более 50 кг багажа. У Захарова почти так и получилось.

У Алёшкина дело обстояло хуже, его вещи весили более ста килограммов. После долгих уговоров и сотни рублей, сунутых кассиру Захаровым, тот согласился принять весь багаж Алёшкина, но с условием, что он будет отправлен в разные пункты назначения. Борис подумал-подумал и указал две станции – Котляревскую и Нальчик.

Освободившись от груза, наши друзья стали ждать своего усача, как они прозвали железнодорожника, и толковать между собой, какова будет судьба их вещей. В тот первый послевоенный год многие говорили, что сдать что-то в багаж – это всё равно что выбросить на ветер, мол, до места дойдёт едва ли десятая часть. Алёшкин с Захаровым были к этому готовы, но за время поездки по железным дорогам Германии и Польши все эти вещи им так надоели, переноска отнимала столько сил, что они были очень рады наконец-то от них избавиться. Это ещё им помогали ординарцы, а если б они

были вдвоём? Да кроме того, у них оставалось столько же, сколько сдали, и всё это предстояло не раз перегружать.

Около двух часов ночи железнодорожник вернулся, в руках он нёс фонарь. Обходя лежавших на полу, спящих, ожидавших посадки людей, он приблизился к нашим друзьям и негромко сказал:

– Ну, собирайтесь, пойдём.

Борис не спал, он разбудил Захарова и обоих ординарцев. Они взвалили на себя оставшиеся вещи. Один чемодан взял проводник и пошёл вперёд, остальные двинулись вслед за ним. Через какую-то небольшую дверь они вышли на перрон и шли сперва по нему, а затем по железнодорожным путям около получаса. Наконец, подошли к длинному тёмному составу из пассажирских вагонов. Возле одного из них проводник остановился, открыл дверь вагона ключом, залез по лестнице в тамбур и позвал остальных. В вагоне этим же ключом он открыл дверь одного из купе и сказал:

– Вот здесь и поедете. Занимайте одну верхнюю и одну нижнюю полки, собаку под лавку поместите. Она у вас на людей не бросается?

– Нет-нет, главное, её не трогать.

– Ладно, я предупрежу ваших соседей... Устраивайтесь. Дверь купе никому не открывайте, пока я не подойду. Понятно? А сейчас спите, состав будут подавать в 10 утра, так что выспитесь. Машину, значит, я беру, остальные деньги отдадите, когда приедем в Москву.

Он вышел, взялся за руль мотоцикла, который до этого вместе с положенным на него чемоданом вёл Захаров, и, провозжаемый взглядами, направился куда-то к голове поезда. Борис и Захаров попрощались с солдатами, дали им немного денег и посоветовали как можно скорее отправляться в свои части. Затем они вернулись в вагон, рассортировали и разложили свои вещи, уложили Джека под столиком в углу, заперлись на замок, легли и через каких-нибудь четверть часа спали крепким сном.

Проснулись они от шума и криков, раздававшихся и снаружи, и внутри вагона, и сразу обнаружили, что, кроме них, в купе уже поселились два каких-то офицера, старший лейтенант и капитан. Они так же, как и наши друзья, проснулись от шума извне и со сна непонимающе смотрели друг на друга. Проснулся Джек и тихонько заворчал.

– Ой, да тут ещё и собака! – воскликнул один из новых пассажиров. – Она не укусит? – спросил он, поглядывая на Бориса с некоторым уважением.

Как-никак это был майор – старший офицер, а в то время к старшему по званию относились с большим уважением, чем теперь.

– Нет-нет, – успокоил его Борис, – только гладить и вообще трогать его нельзя, иначе я за него не ручаюсь. А в чём

дело, что это за шум?

– Выгляните в окно, – сказал Захаров, свесившийся со своей верхней полки и глядевший сквозь стекло плотно закрытого окна на перрон.

По его совету все сгрудились вокруг маленького столика. Они увидели на перроне множество офицеров – старшин и сержантов, толпившихся у вагонов. В дверях каждого вагона стояли проводники и пропускали по одному человеку, тщательно проверяя предъявляемые документы. Кроме того, у дверей стояли по два пожилых солдата, чтобы сдерживать напиравших. Среди толпы от вагона к вагону метался невысокий, тоже уже немолодой, старший лейтенант, за которым бегали несколько человек, что-то ему доказывавших и потрясавших какими-то бумажками. Наконец, он подбежал и к тому вагону, где разместились Алёшкин и его спутники. Как раз перед этим проводник пропустил последнего человека, закрыл и запер на ключ входную дверь.

Старший лейтенант, помощник коменданта станции, открыл дверь своим ключом и в сопровождении двух солдат вошёл в вагон. Двери, перед которыми толпилось десятка два ожидавших посадки, он за собой запер. В вагоне он начал что-то горячо доказывать проводнику, на что тот довольно спокойно отвечал. Затем из коридора донеслось требование показать каждое купе.

Признаться, Борис немного струхнул, когда проводник отпер дверь и показал коменданту, что всё их купе заполне-

но. Тот только покачал головой, вполголоса выругался, потребовал у всех билеты и, убедившись, что они закомпостированы на этот поезд, сердито заявил:

– Нет, с этой железной дорогой дело иметь нельзя! Билеты продают кому захотят, а очередники у нас сидят на вокзале. Вон они какой крик поднимают, что я им скажу, когда выйду? Вот чёртова работа! Подсуропил мне её полковник...

Захаров, уже слезший со своей полки, сочувственно произнёс:

– Да уж, работа... Наверно, хуже, чем на передовой. Нака, старшой, трофейных сигареток, покури, легче станет. А от железной дороги требуй дополнительный поезд, нельзя же людей так мариновать, ведь все домой торопятся.

Старший лейтенант взял протянутую пачку, достал из неё сигарету, закурил и протянул пачку обратно Захарову. Тот улыбнулся, отвёл его руку и сказал:

– Оставь себе, старший лейтенант. Кури на здоровье! Да брось надрываться-то, ведь всё равно всех, кто в вагоне сейчас сидит, никаким каким не высадишь.

Старший лейтенант махнул рукой и вместе со своими солдатами направился к выходу. В это время прозвенел звонок, раздался свисток кондуктора, гукнул паровоз, и перрон с заполнявшей его толпой поплыл назад.

Один из спутников Бориса и Захарова не выдержал:

– Чёрт-те что! Вы много дали?

Борис и Захаров промолчали.

– Да ладно, чё уж там, – миролюбиво заметил его товарищ, – сколько дали, столько и дали. Мы ведь тоже вынуждены были дать. Поверите, товарищ майор, – обратился он к Борису, – вот уже десятый день ждём, и каждый день такая же история. Комендант талоны даёт, а кассир билеты не компостирует, говорит, что мест нет. Наконец, уломаешь кассира, подойдёшь к поданному составу, а он уже битком набит, даже в тамбурах сидят. Вот, маялись, маялись так десять дней, проели почти всё, что с собой было, а сегодня ночью этот проводник согласился нас взять, да и запросил-то недорого, всего по паре сотен с брата. То ли пожалел нас, то ли ещё чего. Другие-то дороже берут.

Борис и Захаров переглянулись, понимая, что они за свою срочность поездки здорово переплатили. Затем оба улыбнулись и почти одновременно пробормотали:

– А нас он таки здорово нагрел, да чёрт с ним, главное, что мы едем домой.

Поезд шёл прямо-таки с довоенной скоростью, и через двое суток наши друзья высаживались в Москве на Киевском вокзале. Тут уже работали носильщики. За сравнительно небольшую плату они вынесли вещи за пределы вокзала и сложили их в довольно беспорядочную большую кучу на краю тротуара. Теперь нашим друзьям нужно было перебраться на Казанский вокзал, обоим предстояло ехать дальше. Такси, конечно, не было. Да ни в одно такси, а ими тогда были «эмки», с их багажом они и не влезли бы, а разделяться

им не хотелось. Захаров предложил:

– Борис Яковлевич, пойдуча я поищу какую-нибудь машину. Не загорать же нам здесь до ночи. А вы с Джеком вещи покараульте.

Алёшкин согласно кивнул головой. Он уселся на один из чемоданов и закурил. Джек, как всегда, улёгся у его ног. По тротуару взад и вперёд двигалось, как показалось Борису, множество людей. В их руках были вещи, очевидно, эти люди уезжали или приезжали откуда-нибудь. Некоторые несли в авоськах какие-то продукты и торопились к пригородным электричкам. Подъезжали легковые машины, высаживали или забирали пассажиров. Мела несильная позёмка, было холодновато. Посидев с полчаса, Борис нетерпеливо начал расхаживать вокруг своих вещей, привязав Джека к самому большому чемодану. Он уже выкурил с десятков сигарет и начал основательно подмерзать, когда к тротуару подкатила старая разбитая полуторка, из которой выскочил Захаров.

– Вот, нашёл! За полтора куска согласился, да и те вперёд запросил. Чёрт возьми, мы там воевали, а затем жили и не понимали, что здесь с деньгами творится, а деньги-то наши теперь почти ничего не стоят. Давайте быстрее грузиться, пока нас с ним милиционер не захватил.

Шофёр тоже выскочил из кабины, и общими силами погрузку закончили за пару минут. В кузов забрался Захаров, туда же посадили и Джека, Алёшкин залез в кабину.

Вскоре они уже выгружались на Казанском вокзале. При помощи носильщиков затащили вещи в большой зал ожидания. Прежде всего, друзья по очереди сходили в ресторан и как следует поели, хотя это обошлось недёшево, Борис принёс кое-что и для Джека. Затем Захаров отправился выяснять положение с поездами и, если получится, закомпостировать билеты.

Вернулся он с известием, что через полчаса, то есть в 19:10, уходит его поезд на Рязань, а поезд № 8 до Ростова-на-Дону, где Алёшкину предстояла новая пересадка, отправится в 22:00. Оба билета он закомпостировал. Захаров привёл с собой двух носильщиков, которым сказал:

– Вот, поможете товарищу майору погрузиться. Он заплатит, как договорились. Товарищ майор, – обратился он официально к Борису, – дадите им по сто рублей, а мне уже пора на перрон.

Борис и Захаров крепко обнялись, обещали писать друг другу, договорились встретиться когда-нибудь. Но ни тот, ни другой своих обещаний не сдержали, и так никогда более не увиделись. Из жизни Бориса ушёл ещё один человек, с которым они делили немало трудностей, с которым встретили радость победы, с которым дольше всех не расставались.

В 21:30 к Борису подошли уже известные ему носильщики, забрали большую часть его вещей. Сам он нёс два небольших чемоданчика и вёл на поводке Джека. В несколько минут он погрузился в стоявший наготове состав. «Совсем как

в мирное время», – подумалось ему.

Занеся в купе его вещи, носильщики сказали:

– Ну, товарищ майор, счастливого пути!

Борис на радостях, что всё так хорошо и быстро устроилось, добавил помогавшим ему людям ещё по 50 рублей и начал устраиваться на ночь. Через 10–15 минут вагон наполнился, и в его купе пришли люди. Он не запомнил, кто с ним ехал. В памяти осталось только то, что все его спутники доброжелательно относились к Джеку, а узнав от Алёшкина историю собаки, стали её баловать разными угощениями. Пёс умел удивлять своим поведением. Во-первых, ни один кусочек, даже самый лакомый, Джек без разрешения Бориса ни от кого не брал, а во-вторых, вёл себя так тихо и спокойно, что все поражались его выдержке.

В Ростове-на-Дону оказалось, что поезд, следующий в Нальчик, уже готов к отправке, и Алёшкину нужно было только перегрузиться, перейти с одного пути на соседний. Его соседи по купе, выходявшие в Ростове, прислали двух носильщиков, проводник по их просьбе открыл противоположную дверь, и через полчаса после прибытия в Ростов Борис уже сидел в нальчикском поезде, тоже в купе, где нашлось свободное место.

Правда, эта пересадка, так же, как и уговоры проводника, обошлись ему ещё в пятьсот рублей, но он о деньгах уже не думал. Теперь хотелось скорее, скорее увидеть Катю и своих ребят. Ещё из Москвы он отправил жене телеграмму, что

едет домой, и надеялся, что она её получит вовремя и встретит его.

На Котляревскую поезд подошёл поздней ночью. Борис заранее договорился с проводницей, она помогла ему перетаскивать вещи к дверям вагона, и, как только поезд остановился, они стали сбрасывать их на перрон. Те, что бросать было нельзя, Борис выносил сам. Наконец, всё было закончено, и поезд тронулся, стоял он всего три минуты.

Теперь предстояло перенести все вещи в здание станции. Оно каким-то чудом уцелело и, хотя и имело повреждения во время боёв за Майское, очевидно, уже было отремонтировано.

На перроне было пусто, дежурный по станции, проводив поезд, ушёл. Борис недолго подумал и, наконец, решился. Привязав Джека к одному из чемоданов и поручив ему охранять сброшенные с поезда вещи, начал помаленьку их перетаскивать. В крохотном зале ожидания станции никого не было. Борис складывал свой багаж в самом центре этого помещения. На переноску вещей ушло добрых полчаса, и когда он наконец доволоч самый большой чемодан, и сопровождавший его Джек тоже зашёл в здание станции, Борис посмотрел на часы. Он увидел, что время приближалось к полуночи. Решив дождаться на станции утра, а затем, связавшись через кого-нибудь с райздравом, добыть транспорт и ехать в Александровку, он уселся у кучи сваленных вещей, тяжело дыша от проделанной работы, и задумался. «Почему

же Катя меня не встретила? Может быть, она так обиделась, что и в дом-то не пустит? А может быть, получив это подлое и глупое письмо, вообще уехала с детьми из станицы куда-нибудь к своим, в Бор, например?» Погружённый в свои невесёлые думы, он не обратил внимания на то, как открылась дверь, и в клубах морозного пара в зал зашёл какой-то человек. Однако его шаги привлекли внимание Бориса. Он поднял голову и увидел её, свою Катю. В чёрной шубке, повязанная шерстяным платком, она стояла перед ним и смотрела своим пристальным, внимательным взглядом, не произнося ни слова. Борис вскочил, обнял её и стал целовать. Она не отталкивала и даже отвечала на его поцелуи, но как-то отчуждённо, затем сказала:

– Ну что же, Борис, я на лошади, возьмём твои вещи и поедем.

Борис подошёл к огромной куче чемоданов и узлов.

– Да, а вот ещё и Джек, я тебе о нём писал.

Катя смело приблизилась к вставшему во весь свой богатырский рост псу и, протягивая руку, ласково сказала:

– Какой же ты славный, хороший пёс. Будем друзьями.

И не успел Борис её предупредить, как она уже гладила Джека по голове и даже почёсывала ему за ушами. К удивлению Бориса, собака не только не укусила Катю, не только не заворчала на неё, но даже стала учтиво помахивать хвостом и прижиматься головой к её ногам.

Когда все вещи были погружены в небольшие санки, ока-

залось, что им самим там уместиться не удастся. Катя предложила:

– Что мы будем ночью пешком тащиться? Да и ты, наверно, устал. Давай отдохнём до утра. Тут недалеко у меня знакомые из райпотребсоюза есть, у них переночуем, а утром тронемся домой.

Борис согласился. Спали они на полу, на перине, постланной им хозяйкой. Легли, не раздеваясь, и, почти не разговаривая, заснули. Оба они чувствовали себя как-то неловко.

Алёшкин в течение нескольких дней не хотел вести никаких переговоров с райздравотделом, не хотел являться в военкомат и тем более в НКВД. Ранним утром следующего дня, подзакусив, отправились в путь. Это было 31 декабря 1945 года. Джек бежал впереди, за ним шагала лошадка, таща основательно нагруженные санки, а следом, взявшись за руки, шли Борис и Катя.

Глава четырнадцатая

Борис рассказывал Кате о своём путешествии, расспрашивал её о работе, о ребятах и вообще о жизни в Александровке. Она отвечала довольно односложно и шла, задумавшись. Он, чувствуя себя виноватым, был смущён, и это смущение старался прикрыть напускной весёлостью, но на душе у него было беспокойно. Он всё время думал о злосчастном письме, получила его Катя или нет. Этот вопрос волновал его больше всего. Спросить прямо он не решался. Так и продолжал болтать о всяких пустяках, почти не умолкая.

Прошли станицу Котляревскую. Она ещё не отстроилась: местами торчали одинокие печные трубы, а от конопляного завода остались одни развалины. Выйдя снова в степь на ровную дорогу, окружённую небольшими сугробами, Катя остановила лошадь и сказала:

– Давай отдохнём немного, посидим, – и с этими словами она присела на краешек саней.

Борис бросился к ней, пытаясь её обнять и поцеловать, но она вывернулась, вскочила на ноги и громко сказала:

– Ты на фронте-то там напрактиковался с разными бабёнками, а я здесь от этих нежностей отвыкла, не до того мне было, слишком много на мою долю досталось! Не лезь ко мне. Давай-ка лучше поговорим.

Борис отскочил, как ошпаренный, и остановился на обо-

чине дороги, опустив голову. Он залился краской стыда и молчал, не зная, что сказать. Катя продолжала:

– Зачем ты приехал? Забрать у меня детей? Ты что же, думаешь, я тебе их отдам? Больше того, что ж ты думаешь, они поедут от меня? Ошибаешься! Ну, что молчишь? Отвечай. Или ты только пакостить умеешь, а ответ держать трусишь?

Борис приподнял голову и умоляюще взглянул на Катю. Он силился сказать что-нибудь в своё оправдание, но не мог, язык не повиновался ему. Катя заговорила вновь:

– Получила я твоё проклятое письмо. Как я только, прочитав его, жива осталась? Спасибо Элке, она меня поддержала. Ты даже и не представляешь, что у тебя есть почти совсем взрослая дочь. Ей восемнадцатый год идёт, и она такого горя насмотрелась и столько испытала, что совсем взрослой стала. Я всё время по тону, по содержанию твоих писем чувствовала, что около тебя есть женщина и, может быть, не одна. Я мирилась с этим... Знала, какой ты неустойчивый в этом отношении человек, но считала, что это временные увлечения, которые улетучатся, как дым. Но когда я получила то письмо... Да-да, написанное карандашом, о котором ты и до, и потом предупреждал меня. Я не только была оскорблена до глубины души. Мне показалось, что я как-то сразу разлюбила тебя, что там, на фронте, не ты, а какой-то чужой, совершенно посторонний мне человек. Много я передумала в бессонные ночи после этого письма, много ответов написала тебе, но, конечно, не послала... Правда, вслед за этим

письмом я получила несколько ласковых и хороших писем, в которых ты вымаливал себе прощение и объяснял отправку этого письма глупым и досадным недоразумением. Хорошенькое недоразумение, оно чуть не стоило мне жизни! Ну, что же ты молчишь? Я всё-таки решила ждать тебя, посмотреть тебе в глаза и понять, что же ты за человек, – с этими словами Катя вновь присела на краешек саней.

Борис молча опустился на колени на снег, покрывавший дорогу, взял Катину руку, прижался к ней губами, затем поднял на неё глаза, из которых текли слёзы, и сказал:

– Прости меня, если сможешь! Я был и есть только твой...

– Не ври, – сердито возразила Катя, – говори мне всю правду. Рассказывай! Так сидеть холодно, вставай. Пойдём! Дорогой всё и расскажешь.

Они снова двинулись в путь.

Джек, когда лошадь остановилась, вернулся назад и в продолжение описанной сцены стоял на обочине дороги и с любопытством рассматривал не совсем понятное поведение этих людей, теперь уже казавшихся ему одинаково близкими. Как только лошадь тронулась с места, он убежал вперёд.

По дороге Борис рассказал жене о своих похождениях во время войны, о второй Кате, с которой он провёл последние два года жизни, о том, что она была его хорошей помощницей в работе и что он считал её настоящим другом. В его словах было много теплоты по отношению к той женщине, и Катя невольно подумала: «Он ещё любит её». Вслух она

спросила:

– Ты любишь её или меня?

– Катя, это невозможно объяснить! Наверно, я такой испорченный человек, но, пойми меня, я никогда не переставал любить тебя. Никогда! Но и её я любил. Как-то по-другому, совсем не так, как тебя. Я всегда считал, что это что-то временное, непостоянное, но с нею всё, совершенно всё кончено. Я не знаю, куда она уехала, и она дала слово, что никогда о себе не напомнит. Ты у меня единственная и самая настоящая любовь! Ещё раз прошу, прости.

– Ну, а если не прошу? К ней побежишь?

– Побегу. Только не к ней, а куда глаза глядят, и буду самым несчастным человеком на свете, – печально сказал Борис.

Он достал портсигар, вынул сигарету и закурил. Это была первая и единственная папироса за время их пути.

Исповедь Бориса продолжалась так долго, что закончилась, лишь когда они подходили к околице Александровки. Катя остановила лошадь, вновь посмотрела на Бориса и довольно сурово сказала:

– Хорошо, Борис, я ещё раз прошу тебя. Но знай, делаю это я не ради тебя, точнее, не столько ради тебя, сколько ради того, чтобы у детей был отец, чтобы сохранить семью. Всегда это помни! Прежних моих чувств, какие у меня к тебе раньше были, вернуть невозможно, ты их убил. Конечно, со временем я привыкну к тебе снова, может быть, снова буду те-

бя любить, но то, что было раньше и что ты своим неразумным поведением разбил, не вернётся. Я, в отличие от тебя, могу тебе прямо сказать: несмотря на многочисленные домогательства, я устояла и осталась верна тебе. Может быть, и зря, кто знает... Во всяком случае сейчас, при детях, при всех посторонних мы должны себя вести, как и до войны.

Борис, обрадованный таким решением, схватил Катю, обнял её, приподнял с земли, закружил и стал покрывать её лицо бесчисленными поцелуями. Она шутя отбивалась, а на лице её впервые с момента их встречи появилась какая-то неопределённая улыбка. Джек прыгал вокруг них и восторженно лаял. Он как будто бы понимал, что первое и, пожалуй, самое важное примирение состоялось.

Перед въездом в станицу Катя предложила:

– Возьми Джека на поводок и веди рядом с собой. Здесь много собак, может ввязаться в драку, и полстаницы узнает о нашем возвращении, а я этого не хочу. Хотя кое-кто и знал, что я поеду тебя встречать, но это были только близкие друзья – Прянины и другие. Кроме того, у нас во дворе злой и сильный пёс Полкан, он может порвать и тебя, и Джека. Он и меня не всегда слушается и даже укусил один раз. Я, когда поехала, заперла его в сарай, но вдруг девчонки его выпустили...

Так, разговаривая, они перебрались через Лезгинку, на которой красовался новый мост, построенный, как сказала Катя, сапёрами, когда наши войска наступали. Прошли мимо забора и ворот Крахмального завода, из-за которых виднелся полуразрушенный обгорелый главный корпус.

– Его ещё не восстановили, – пояснила Катя. – Вот здесь я работаю. – показала она рукой на маленький, запертый на всякий замок ларёк. – Выдаю муку для рабочих и служащих раз в месяц; торгую повидлом, водкой, папиросами и разной мелочью, которую удаётся получить в райпотребсоюзе. Сельмаг тоже работает, но он обслуживает в основном станичников. Там продуктов – муки, круп и тому подобного – совсем не бывает. У нас для заводских рабочих, кроме муки, остальные продукты тоже бывают очень редко. Вот так и живём. Теперь уж не так голодаем. Умудрилась я купить коровёнку. Хоть и плохонькая, а литра полтора молока даёт. Кукурузу садила, картошку, есть несколько кур. Недавно кабанчика зарезала... Но было время, когда на одном кукурузном крахмале сидели. Думала, что и не вытяну ребят, но всё-таки справилась. В последнее время помогли твои посылки, мануфактуру и бельё продавала, на эти деньги и купила коровёнку, да и кукурузную муку добываю. Ведь пайковой-то больше чем на неделю не хватает...

Всё это Катя рассказывала спокойным, каким-то бесстрастным голосом, как бы просто фиксируя факты и не придавая им никакого значения. Борис же слушал её рассказ с

ужасом и негодовал на свою беспечность. За время службы в армии он отвык от таких вопросов, как забота о ежедневном пропитании. Даже во время Ленинградской блокады, хоть мизерный, явно недостаточный для работающего человека паёк, но он получал. Пусть всего ложка пшённой каши и один сухарь, но они были, их выдавали, кто-то где-то об этом всё-таки заботился. Потом, когда он сам стал начальником, и ему приходилось думать об организации питания личного состава и раненых, он знал, что нужно дёргать соответствующие органы, и продукты будут. Ну а находясь в Германии, стало ещё проще. Фашисты во многих городках и посёлках из-за быстрого бегства под ударами наших войск бросали огромные продовольственные склады, как это было в Грауденце, Штольпе, Варене и других местах. Владельцы коров, свиней различных птичьих ферм – как правило, члены Национал-социалистской партии при вести о приближении Красной армии бежали на запад – в Швецию, Данию или ещё куда-нибудь, захватив с собой драгоценности, деньги и лишь самые необходимые вещи. Немецкие рабочие, оставшиеся в брошенных поместьях, продолжали работать, получать соответствующую продукцию и хранить её на складах в ожидании хозяев. Себе они брали только то количество, какое полагалось по установленным Гитлером продовольственным карточкам. В некоторых местах поместья просто ломились от продуктов. Эти склады становились военными трофеями, и воинские части, в том числе и госпиталь Алёшкина, могли

брать необходимые продукты в неограниченном количестве. Проблем питания раненых и госпитального персонала даже не возникало, всего имелось вдоволь.

А тут? Борис невольно представил себе, как мечется его Катеринка в поисках хоть какой-нибудь пищи для троих детишек. Слушая её рассказ, он молчал и сосредоточенно думал: «А что же дальше? Так и будем здесь перебиваться мизерным пайком? Нет, это невозможно, надо что-нибудь придумывать!»

Так, незаметно они подошли к центру станицы. Прохожих не встретили, ещё было слишком рано. Торопясь домой, они выехали из Майского, не дожидаясь пяти часов, и прибыли в Александровку ранним утром.

Наступил новый 1946 год, это был первый его день. Завод не работал, колхозники тоже в большинстве своём ещё спали. Из труб кое-каких хат вился дымок, очевидно, там расторопные хозяйки приступали к приготовлению завтрака.

От центра станицы, перед видневшимся впереди зданием обгоревшей школы, вместо того, чтобы повернуть направо к их дому, они вдруг повернули налево в переулок и вышли на Теречную улицу. Борис вспомнил, что Катя как-то в письме упоминала о том, что им пришлось переменить квартиру, так как в их доме организовали школу. Но он думал, что это было временное переселение, что за три года, прошедшие с изгнания гитлеровцев из Александровки, уже успели восстановить школу и вернули их прежнюю квартиру. Оказалось

совсем не так.

Они подъехали к маленькой, покосившейся саманной хатёнке, отгороженной от улицы плетнём. Где-то, по-видимому, в сарае, раздавался злобный неистовый лай собаки, учувшей прибытие посторонних.

– Вот и наши хоромы! – невесело усмехнулась Катя. – Хорошо, что не на улице. Открывай ворота, да отпусти Джека. Полкан заперт крепко, не вырвется.

Борис прошёл вперёд, отодвинул плетнёвые ворота и ввёл лошадь с санями во двор. Джек, отпущенный с поводка, принялся бегать вокруг дома, по огороду, своим присутствием вызывая безудержный лай собак и собачонок соседних домов.

Взяв один из узлов, Борис направился к маленькому крыльцу, его встретила уже раздевшаяся Катя. Она быстро подошла к саням, взяла один из больших чемоданов, догнала Бориса и вместе с ним вошла в дом.

– Ребята ещё спят. Когда они одни, то всегда спят все вместе на нашей кровати, я её сюда перевезла. Ну а когда я дома, то Майя спит со мной, Нина и Эла – на своих кроватях.

Когда Борис немного осмотрелся в полутёмной кухне, в которую они перетащили все вещи, понял, что кухонька эта с небольшой плитой, простым столом, скамейкой и парой табуреток пола не имеет. У неё был такой же, правда, хорошо утрамбованный и довольно чисто выметенный, земляной пол, как в доме Давыдовича в Краснодаре. Кухня освеща-

лась маленькой керосиновой лампочкой. Под потолком висела электрическая, но она почему-то не горела.

– Раздевайся да подымай девчат. Пусть Эла завтрак готовит, а я в правление колхоза лошадь отведу. Там сейчас очень трудно с лошадьми. И этой бы не получила, кабы не Прянин. Он тоже недавно вернулся. Ну, сегодня увидите, он про себя сам расскажет. Я поеду. Смотри, Полкана не выпусти. Джека можно в кухню пустить.

– Девочки, вставайте, папа приехал! – с этими словами Катя вышла из дома, и вскоре было слышно, как она понукает уставшую лошаде́нку, проезжая по улице.

Из кухни в комнату вела небольшая дверь, которая была плотно закрыта. Она находилась сантиметра на 15 выше пола кухни, из чего Борис заключил, что в комнате должен быть деревянный пол.

Раздевшись, повесив шинель и шапку на колышек, вбитый в стену у двери, впустив Джека, стоявшего в ожидании у входа, и приказав ему лежать недалеко от порога, Борис с замирающим сердцем направился к двери, ведущей в комнату. Когда он стал её приоткрывать, она скрипнула, и из-за двери сейчас же послышался девчачий визг.

– К нам нельзя! Мы ещё не одеты! Нельзя, нельзя! Мы сейчас выйдем.

Борис остановился. Он смутился. В его представлении девочки, которых он оставил четыре года тому назад, всё ещё были детьми, а на самом деле старшей – 17 лет, средней –

больше десяти и даже младшей уже исполнилось восемь. Конечно, появление мужчины, хотя и отца, от которого они за годы разлуки отвыкли, их переполошило. И предстать перед ним не одетыми и непричёсанными им было стыдно.

Но вот они, наконец, немного привели себя в порядок. Дверь открылась, и на пороге показалась темноволосая, стройная девушка, одетая в довольно поношенное, но чистое ситцевое платье, с толстой, хотя и не очень длинной косой, перекинутой через плечо. Конечно, это была Эла, из-за её спины несмело выглядывала подстриженная головка Нины, и быстро выпрыгнула растрёпанная, с торчащими вихрами младшая – Майя.

Последняя оказалась самой храброй, она подбежала к присевшему на скамейку Борису, вскочила к нему на колени, принялась его целовать и кричать:

– А вот и папа приехал! Вот и приехал!

Вслед за ней к отцу подошли и Эла с Ниной. Они тоже поцеловали отца, но более сдержанно и как-то степенно. Затем Эла заявила:

– Идите в комнату. Нина, застели постель, а ты, Майка, перестань прыгать, лучше подмети пол в комнате да собери книжки, которые вчера раскидала по столу.

Нужно сказать, что в это время Майя уже соскочила с колен отца и забавлялась с Джеком, который и в этом случае позволил делать с собой всё, что вздумается, стучал об пол хвостом, позёвывал от волнения, показывая свои жёлтые

блестящие клыки. Он понимал, что для его хозяина наступили радостные, пожалуй, самые счастливые дни и принимал все знаки внимания со стороны этих новых людей с полной благожелательностью.

– Папа, ты иди в комнату, раздевайся и ложись отдыхать. Мама так велела.

– Нет, дочка, я не устал. Мы сейчас будем готовить завтрак.

– Да я сама приготовлю! Только картошку сварить, чайник вскипятить, хлеба нарезать. Есть ещё пирожки, но мама их трогать не велела. Гости будут, их угощать надо.

– Не буду спорить, вари свою картошку, я с удовольствием поем, давно домашней картошки не ел. А я тут распакую кое-что.

Разобрав сваленные в углу кухни вещи, на которые с интересом посматривали младшие дочери, Борис сказал:

– А ну-ка, девчата, ножницы у вас есть?

– Есть, есть, – почти одновременно крикнули Нина и Майя.

Младшая с такой быстротой метнулась в комнату и вернулась обратно, что Борис невольно рассмеялся:

– Ну и проворная же ты!

А та с гордостью заявила:

– Я всегда такая.

– Она и в школе такая же непоседа, – вставила Нина.

– Уже ябедничаешь! – возмутилась Майя.

– Ну ладно, ладно, не ссорьтесь, – успокаивающе сказал Борис, доставая из груды вещей фанерный ящик, обшитый, как и все чемоданы, узлы и свёртки, тёмно-синей байковой материей.

Ещё в Лигнице, готовясь к отъезду, они с Захаровым решили все вещи обшить, и это было очень предусмотрительно: благодаря обшивке они без труда сдали багаж во Львове. Удобны были вещи, обшитые и обвязанные верёвками, и на пересадках в поездах, поскольку вверху каждой имелось подобие ручки. Это позволяло сравнительно легко, несмотря на значительную тяжесть, перемещать их с места на место.

Развязав верёвки и распоров обшивку, Борис обнажил большой фанерный ящик, крышка которого была плотно прибита гвоздями. Он оглянулся по сторонам, но не успел ничего сказать, как сообразительная Майя уже несла ему из кухни большой топор.

– Молодец, догадливая! – похвалил Борис и принялся вскрывать ящик.

В такие ящики они с Захаровым упаковали продукты. После ликвидации хозяйства госпиталя и сдачи на трофейный склад остатков, у них оставалось ещё достаточно много разнообразных продуктов, часть они раздали своим подчинённым, а кое-что решили взять с собой, понимая, что там, в России, с питанием могут быть трудности. Но они даже не представляли себе масштаба тех трудностей, с которыми Борис столкнулся у себя дома.

Как уже говорилось, за годы войны он отвык от условий гражданской жизни, и чтобы особенно не отягощать себя, взял с собой, можно сказать, минимум того, что мог бы взять. Борис искренне жалел: вместо всякого барахла надо было взять побольше продуктов. Правда, позднее он убедился, что это так называемое барахло в то время представляло тоже большую ценность.

Взломав крышку ящика, Борис при помощи Майи и Нины начал выгружать на кухонный стол продукты, которые находились в этом ящике. Там были различные консервы – португальские сардины, итальянские шпроты, югославские мясные консервы, сгущённое молоко, а также несколько плиток шоколада, несколько пачек печенья, три круга копчёной колбасы и другие вкусные вещи.

На столе образовалась уже порядочная куча продуктов. Девочки восхищённо причмокивали и заранее глотали слюны, хотя о некоторых предметах они имели весьма смутное представление. Эла всплёскивала руками и повторяла:

– Ну, теперь мы на всю зиму обеспечены! Девчонки, ничего не трогать до маминого прихода, она сама скажет, что и когда можно будет есть. Давайте, идите от стола, – прикрикнула она. – Папа, не давай им пока ничего, они ещё и не умывались даже.

Борис вспомнил, что он и сам-то ещё не умывался, и, схватив за руки младших дочерей, вместе с ними вышел за дверь.

– Ну, показывайте, где здесь ваш умывальник, мне и по-

бриться надо.

Пока Борис брился, вернулась Катя. Оглядев кучу банок, коробок и пачек, она заявила:

– Сейчас я всё это уберу и буду выдавать понемногу каждый день, так что не хватайте ничего.

Затем она зашла в комнату:

– Ну, Борис, коль у вас в армии такое питание было, так тебе наша еда постной покажется.

– Да что ты, Катя! Это всё трофейные продукты, мы их тоже не так часто ели, но вообще-то последние два года были всегда сыты.

Катя минутку помолчала, а потом сказала:

– Знаешь, я на сегодня к нам гостей пригласила. Прянины придут, соседи Котовы, бухгалтер из сельпо, он мне помогал... Заходила к Чинченко, да он больной лежит, кажется, опять воспаление лёгких. К Матрёне Васильевне и Надежде Васильевне мы потом сами ходим, им уже тяжело по гостям ходить. Я вчера холодец сварила, ребята о нём ещё и не знают, а то бы ополовинили. После обеда пирожков напекла с мясом и с повидлом. Сейчас буду курицу жарить. Из твоих гостинцев кое-что возьмём, так что стол накроем. Выпить у меня тоже есть, ведь я водкой и разными наливками торгую. Сегодня выходной, вот и отпразднуем твоё возвращение, сейчас все так делают.

– Хорошо, хорошо, Катя. Делай, как считаешь лучше, я со всем согласен.

– Ну и ладно. Младших девочек я после завтрака гулять отправлю. Эла мне поможет, а потом тоже уйдёт. А ты ляжешь отдохнуть, и не возражай! – заявила она, заметив, что Борис что-то хочет сказать. – Здесь я командир и начальник. Гости придут часам к пяти-шести, а до тех пор ты выспишься.

Завтрак прошёл весело. Борис настоял на том, чтобы каждой девочке мама дала по кусочку шоколада. Открыли банку сардинок, ещё каких-то консервов. Картошка и солёные помидоры, на которые навалился Борис, были тоже очень вкусными. Перед едой Борис и Катя выпили по рюмочке водки и ели с большим аппетитом. Все были счастливы.

После завтрака Катя настояла на том, чтобы Борис лёг отдохнуть, что он и сделал, прогулявшись с Джеком по огороду.

Полкан был выпущен из сарая и привязан у своей будки на короткую цепь. При виде Бориса с собакой он заливался таким злобным остервенелым лаем, так рвался с цепи, что становилось страшно. Видя эту ярость, высказанную на собачьем языке, очевидно, достаточно понятно, Джек старался держаться от своего злого соседа подальше и скромно пробегал мимо конуры Полкана в отдалении, торопясь скрыться за спасительной дверью кухни.

Вернувшись с прогулки, Борис разделся, лёг и заснул почти моментально. В то время он ещё мог засыпать, едва коснувшись головой подушки. Катя, убрав посуду, выпроводи-

ла ребят гулять. А им и самим не терпелось помчаться к подружкам и приятелям, чтобы поделиться приятной новостью о возвращении отца. Их папа вернулся с войны живой, здоровый и с такими блестящими серебряными погонами, каких они ещё ни у кого не видели. А на груди его кителя блестяли две медали и два ордена. «Вот какой герой у нас папа! – хвасталась Майя. – А ещё он собаку привёз большую-пребольшую. Умную, такой у нас в станице ни у кого нет!»

Эла помогла маме убраться в комнате и на кухне и тоже ушла к своим друзьям. Катя пожарила курицу, присела и задумалась. Она знала, что ей предстоит нелёгкий вечер, принимать гостей в те времена было очень трудно. «Правда, Борькины продукты пригодятся», – подумала она. Но сейчас все дела уже были сделаны, и Катя решила тоже отдохнуть. Она недолго колебалась, затем быстро разделась и юркнула под одеяло к мужу. Он, конечно, проснулся.

Темнело. Ребята, обойдя всех своих знакомых и вдоволь наговорившись, вернулись домой. К этому времени Катя уже встала, оделась в менее поношенное платье и стала готовиться к приходу гостей. Поднялся и Борис. Сладко потягиваясь, он сидел в нижней рубаше и брюках и находился во власти того блаженного состояния, которое у него возникло при возвращении домой. Вдруг он стукнул себя по лбу:

– Ну и дурак же я, набросился на еду, вас всякой ерундой кормил, а о самом-то главном и забыл! Подарки ведь я вам привёз, сейчас... Идите все сюда.

Он схватил один из чемоданов, распорол обивку, отпер его, но прежде достал из кармана своего кителя маленькие золотые часики на браслете.

– Катя, ну иди же сюда! – крикнул он жене, которая почему-то смущённо поглядывала на ребятишек, помчавшихся к отцу, и задержалась на кухне. – Иди скорее, смотри, что я тебе привёз!

Когда она подошла, он торжественно надел ей на руку часы.

– Вот, теперь тебе всё время на ходики смотреть не надо будет!

После этого он вынул из чемодана платье и бельё для старшей дочери, две коробки цветных карандашей, тетради для рисования и раскрашивания и ещё разную мелочь, приятную для девочек.

– А для тебя, Катя, как для хозяйки семьи, остальные подарки в багаже едут, хотя и здесь вот есть, – и Борис указал на большой тяжёлый свёрток. – Это ковёр, большой, в этой комнате он и не уместится. А вот в этом узле столовое бельё.

Ребятишки расцеловали отца, Катя тихонько пожала ему руку и взглянула своими влажными блестящими глазами так, что он был на вершине счастья.

Вскоре стали собираться гости. Некоторые из них, зная

положение семьи Алёшкиных, принесли и своё угощение, так что стол получился изобильным. Было достаточно и спиртного, но в этой компании никто особенно пить не любил, и большинство бутылок осталось нетронутыми.

Вечер прошёл в разговорах. Фронтовики Борис и Прянин вспоминали эпизоды своей военной жизни, а те, кто оставался в станице, рассказывали об ужасах, которые им пришлось испытать, когда за станицу велись бои, и о том страшном времени, когда её заняли фашисты.

На следующий день Борис навестил Чинченко, убедился, что тот действительно нездоров, и это удержало Алёшкина от разговора и упрёков, которые он приготовил, так как уже знал, что именно фельдшер относился к его семье и во время оккупации, и особенно после неё, крайне недоброжелательно. Там он встретил и Василия Прокоповича (завхоза больницы), который каким-то чудом избежал мобилизации, и, хотя во время пребывания в станице немцев нигде не служил, а сидел в своей хатёнке, однако, исправно выполнял все приказы старосты, выходил на строительство дороги, моста и т. д.

С приходом немцев как из-под земли вылезли все бывшие сельские богатеи, и первое, что они сделали вместе с румынскими солдатами, это разграбили магазин и склад сельпо, а затем бросились в больницу, чтобы поживиться бельём и другим инвентарём. Конечно, не оставили они в покое и сохранившиеся помещения и имущество завода. Но на за-

воде при самом активном участии Кати Алёшкиной многое ценное оборудование было заранее спрятано в балках речки Лезгинки и зарыто в землю.

В больнице же Прокопович умудрился куда-то спрятать весь хирургический инструментарий и оборудование лаборатории, которое Борис в 1940 году привёз из Москвы. Сумел он сберечь и часть мягкого инвентаря. Имущество родильного дома героически отстаивала Матрёна Васильевна вместе с Катей Алёшкиной, которая, как мы знаем, работала на должности санитарки. Кстати сказать, бедной Кате пришлось за это обслуживать обеих старушек по хозяйству.

Менее чем через полгода после изгнания фашистов в Александровку прибыла врач, молодая женщина с двумя маленькими детьми. Муж у неё погиб на фронте. Она занимала две ставки – заведующей врачебным участком и больницей. Борис Алёшкин, занимая до ухода на фронт обе эти должности, конечно, имел право потребовать их себе, но узнав от Василия Прокоповича о том, как испугалась молодая женщина, понимая, что ей придётся куда-то переселяться, он попросил её успокоить и передать, что, по всей вероятности, в станице не останется.

И в самом деле, Борис несколько лет руководил большим медицинским коллективом, получил значительный опыт в хирургической практике, и работа на сельском врачебном участке не могла его удовлетворить. Да и материальное положение его семьи требовало таких средств, которые он не

мог бы заработать, оставшись в Александровке.

Глава пятнадцатая

На следующий день после возвращения Бориса они вместе с женой на попутной заводской машине отправились в Майское. Кате надо было получить в райпотребсоюзе карточки и кое-какие товары, а Борис решил попытать счастья.

Зайдя в райздравотдел, помещавшийся в старом кирпичном доме, где находился и до войны, Борис узнал, что заведующий отдела – фельдшер Крылин, бывший эпидемиолог района. Оказалось, что Симонян ушёл в армию и пока не вернулся. Ходили слухи, что он погиб.

Крылин, с которым Борис имел много стычек до войны, встретил вернувшегося фронтовика не особенно дружелюбно. Он боялся, как бы Алёшкин не занял его место, а ему освободить кресло заведующего не хотелось. Неприязненно встретила его и новый главный врач районной больницы – жена председателя райисполкома, также цеплявшаяся за своё место. Это Борис понял после первого же разговора с ними обоими. Перспективы с жильём тоже были не радостными. Алёшкину нужна была нормальная квартира, его семья состояла из пяти человек, и ютиться в какой-нибудь хатёнке, как это обстояло в Александровке, он не хотел.

Майское, хотя и переходило из рук в руки несколько раз, в отношении жилого фонда пострадало не очень значительно. Были разрушены крупные дома (здание райкома, райиспол-

кома, школы), а крестьянские дома уцелели. Но ни в одном из них хотя бы мало-мальски пригодного жилья не находилось, всё, что было, занимали работники районных учреждений.

Вечером, после того, как Катя закончила свои дела и вернулась к тем знакомым, у которых они останавливались, Борис уныло сидел за столом и курил. Он уже понял, что и здесь, в Майском, подходящей работы и жилья найти не удастся. Катя посоветовала:

– Слушай-ка, давай завтра съездим в Нальчик. Может быть, туда переберёмся?

Так и сделали. Переночевав, они с первым же утренним поездом отправились в Нальчик. Кстати, нужно было выяснить, не прибыл ли отправленный Борисом из Львова багаж. Та часть, которая отправлялась до Котляревской, уже была на месте, её решили получить на обратном пути.

В Наркомздраве Нальчика Алёшкина встретили без особой радости, и главным образом потому, что его большая семья требовала жилья, а с квартирами в полуразрушенном городе дело обстояло очень плохо. Работу ему нашли сразу – в хирургическом отделении Республиканской больницы, обещающая и совместительство, что составило бы около 600–700 рублей в месяц, и ему такой заработок казался вполне достаточным. В ближайшем будущем даже обещали место заведующего хирургическим отделением, но квартиру Наркомздрав дать не мог. Так заведомо кадров и сказал:

– Товарищ майор, вы видите, в каком состоянии город? Он отстроится, конечно, и квартиры для врачей будут, но на это нужно время. А пока устраивайтесь, как сумеете, на частной квартире.

У Кати и в Нальчике были знакомые, у которых они остановились. Эти люди имели маленький саманный домик, в нём Борис и Катя переночевали. После разговора с хозяйкой выяснилось, что найти квартиру из двух комнат, а для семьи Алёшкиных это был минимум, практически невозможно. Где-нибудь на окраине, может быть, и удастся найти комнату, да и то за очень большие деньги, не менее чем 150–200 рублей. Это, конечно, их устроить не могло.

На следующий день, бродя в раздумье по коридорам Наркомздрава, Борис встретил молоденького лейтенанта медслужбы с погонами, имеющими синюю окантовку. Закурив, они разговорились. От него Борис узнал, что тот служит в медсанчасти НКВД, получает порядочную зарплату, паёк и обмундирование. Узнал он также и то, что здесь, в Нальчике, все места в медсанчасти НКВД Кабардинской АССР заняты. Этот же лейтенант посоветовал Алёшкину попытать счастья в каком-нибудь другом городе, и лучше в том, который не пострадал от войны.

– Там и с жильём будет легче, – заметил он.

Ближайшим большим городом был Орджоникидзе, или, как его тогда называли, Дзауджикау – столица Северо-Осетинской ССР. Туда и решил ехать Борис, чтобы воспользо-

ваться своим направлением в НКВД. Вечером он рассказал Кате об этом, она согласилась.

Алёшкины вернулись в Александровку, несколько дней провели в распаковке багажа, полученного в Котляревской и Нальчике. Кое-что Катя променяла на продукты, из какой-то материи успела сшить себе и девочкам немного белья (старая зингеровская машинка, путешествовавшая с ними из Владивостока, каким-то чудом уцелела, несмотря на то, что большую часть вещей, особенно посуды, при немцах у Кати отобрали станичники).

В первых числах января 1946 года, ранним утром Борис Алёшкин с полевой сумкой в руках, в которой, кроме документов, лежали бритва, мыло и полотенце, шагал от вокзала к центру города Орджоникидзе. Ему сказали, что там есть гостиница, в которой можно снять койку. Идя по городу, Борис оглядывался на целые чистые домики с палисадниками, на большие трёхэтажные дома. Это был первый крупный город, не тронутый войной, который он видел после возвращения с фронта. Потом он узнал, что окраины, где был остановлен враг, тоже пострадали, и довольно сильно, но та часть города, по которой он шёл, никаких следов войны не имела.

Поселившись в гостинице, где ему удалось получить место в двухместном номере, Борис сразу же после скромно-

го завтрака (привезённые с собой бутерброды и стакан кипятку, полученный у дежурной по гостинице) направился в НКВД Северной Осетии. Ещё в поезде он узнал, где найти это учреждение. На этот раз Борис решил в поисках работы не ходить по маленьким начальникам, а начать действовать сверху. И кажется, это было правильно. Зайдя в бюро пропусков НКВД, он выяснил у дежурного сержанта, кто в Наркомате Осетии руководит кадрами, и узнал, что это заместитель наркома, полковник Давыдов. Борис обрадовался, что этим человеком оказался русский. Ещё по Александровке он помнил, что представители кавказских национальностей не очень-то жаловали русских и, откровенно говоря, побаивался встречи с каким-нибудь осетином, похожим на кабардинца Текушева. Скажем сразу, что его опасения оказались беспочвенными, все осетины, с которыми ему пришлось иметь дело, какой бы пост ни занимали, оказались добросердечными людьми.

Когда Борис попросил пропуск к Давыдову, сержант спросил:

– Вас, товарищ майор, вызывали?

– Нет, – ответил Борис, – я по личному вопросу с направлением из центра.

Он немного приврал: пакет с направлением, которым он решил воспользоваться, был не из центра, а из управления кадров Северной группы войск, но Алёшкин считал, что для Северной Осетии это тоже своего рода центр. Уверенный тон

майора, а, возможно, и его погоны, произвели своё действие. Сержант выписал ему пропуск и посоветовал поторопиться: – Полковник собирается уезжать, – заметил он.

Кстати сказать, пропуск выдали по венному удостоверению – паспорта у Бориса ещё не было. Он быстро поднялся на второй этаж, нашёл комнату, номер которой был указан в пропуске. Войдя, он увидел молоденького лейтенанта, вскочившего из-за стола при его появлении. Борис заявил, что ему нужно увидеть замнаркома по личному делу и что у него имеется направление. При этом он внушительно помахал добытым из сумки пакетом, запечатанным сургучной печатью.

Лейтенант скрылся за большой, обитой дерматином дверью, и, выйдя оттуда через несколько минут, пригласил Бориса зайти. В большом, освещённом несколькими окнами кабинете с длинным письменным столом в виде буквы Т он увидел сидящего в кожаном кресле, седоватого, по-видимому, невысокого, худощавого человека с большими серыми глазами. Борис вытянулся, принял положение «смирно» и, подойдя к столу, громко отрапортовал:

– Майор медслужбы Алёшкин Борис Яковлевич прибыл по личному вопросу. Разрешите обратиться?

Шинель и шапку Борис оставил ещё в приёмной у адъютанта и вошёл в кабинет в своём армейском, пригнанном по фигуре, кителе, на котором поблёскивали ордена и медали. Давыдов поднялся и, протянув руку, приветливо сказал: – Ну, зачем же так официально, мы ведь не в армии. Са-

дитесь, пожалуйста. Секретарь мне сказал, что вы по какому-то личному вопросу. В чём дело?

Вместо ответа, Борис протянула пакет и сказал:

– Вот!

Полковник сломал печать и, вынув из пакета довольно большой лист бумаги, стал его внимательно читать. Закончив, он спросил:

– А почему вы с этим направлением не явились в НКВД Союза?

– Видите ли, товарищ полковник, семья моя живёт здесь недалеко – километров за 50 отсюда, в станице Александровской, где до войны я работал. Я подумал, что мне лучше обратиться с этим направлением где-нибудь здесь, а не в Москве.

Давыдов улыбнулся:

– Что ж, нам это не в убыток. Квалифицированные медики, особенно так хорошо характеризуемые, как здесь написано, нам очень нужны. К сожалению, должность начальника медсанчасти НКВД у нас уже занята. Месяца два тому назад на неё назначена майор медслужбы Сырочкина, прибывшая из Москвы со своим мужем, назначенным на работу в аппарат Наркомата. Поэтому, боюсь, что службы, соответствующей вашему званию, немедленно мы вам предложить не сумеем. Если вы согласитесь занять должность поменьше, тогда другое дело. Отправляйтесь в поликлинику к начальнику медсанчасти, поговорите с ней, а я потом рассмотрю ваши

предложения.

Он черкнул несколько слов на вырванном из блокнота листке и, протягивая его вместе с пакетом, в который он вложил представленное Борисом направление, добавил:

– Я надеюсь, что вы договоритесь... Беритесь пока за любую работу, мне почему-то вас терять не хочется. До свидания, – и он пожал руку Алёшкину.

Выйдя из здания НКВД, Борис направился в поликлинику Наркомата. Он узнал, что заведующая этой поликлиникой является в то же время и начальником медсанчасти.

Здание поликлиники находилось недалеко, и Борис без труда его нашёл. Майор медслужбы Сырочкина оказалась в своём кабинете. Прочитав записку Давыдова и ознакомившись с направлением, имевшимся у Бориса, где коротко, но вполне положительно характеризовалась его работа в армии, она заявила:

– Знаете что, Борис Яковлевич, я с удовольствием уступила бы вам своё место и осталась бы только заведующей поликлиникой, но, во-первых, это будет трудно для вас, ведь вы не знаете специфики работы НКВД, а я уже работаю в органах более пяти лет. А во-вторых, для меня это будет ощутимая материальная потеря. Сейчас я получаю полторы ставки, а так останется только одна. Я могу вам предложить должность хирурга в поликлинике, она вакантна, но этого вам будет мало, там всего полставки. А самое главное, что в моём распоряжении нет жилья, поэтому я хочу вам рекомендовать

вот какой вариант. У нас сменился начальник ОИТК. Знаете, что это такое?

Борис отрицательно покачал головой.

– Это отдел исправительно-трудовых колоний НКВД. Ему сейчас нужен начальник медсанчасти. Конечно, оклад там будет поменьше моего, да и работа немного погрязнее, но я вам к этому дам полставки хирурга в поликлинике. Он скорее, чем кто-нибудь, поможет устроиться с жильём. Пойдёмте к нему.

Всё это было сказано так быстро, уверенно и безапелляционно, что Борис не нашёлся даже, что ответить и возразить.

Через полчаса Сырочкина и Алёшкин сидели в кабинете начальника ОИТК НКВД Северо-Осетинской АССР полковника Головина, который знакомился с документами Бориса. Прочитав, он удовлетворённо хмыкнул и сказал:

– Хотя по штату эта должность у нас капитанская, но я думаю, что нам и майора на ней держать разрешат. Если возникнут какие-нибудь препятствия, я сам свяжусь с ГУЛАГом, там меня хорошо знают. Так как же, товарищ майор, по рукам? Я здесь всего неделю, а уже вижу, что в санитарном деле тут большая запущенность, вашу должность малограмотный фельдшер занимал... Соглашайтесь!

Алёшкин совершенно не представлял себе, что это такое за ГУЛАГ, ОИТК, а самое главное, он совсем не представлял себе, в чём будет заключаться его работа. Он честно сказал

об этом полковнику Головину. Тот засмеялся и заявил:

– Ну, брат, это пустяки. В НКВД люди не рождаются. Все так же, как и вы, со стороны приходят. Ознакомьтесь с инструкциями, с директивами, приказами, их здесь целый ворох лежит. Со мной будете советоваться, да и майор Сырочкина поможет. Она старый работник НКВД, и, хотя нашу специфику не очень знает, всё-таки кое-что рассказать сможет. А мы вам испытательный срок назначим, но мне почему-то кажется, что вы с этим делом справитесь.

– Всё это хорошо, – сказал Борис, – но ведь остается главный вопрос – жильё. У меня большая семья, пять человек.

– Это, к вашему счастью, решается просто. Мой предшественник имел очень хорошую квартиру, но она находится далеко от отдела и мне не подходит. Я вам её и передам. Там, правда, ещё живёт его семья, но она выедет, самое большее через пару недель, а пока как-нибудь потеснитесь. Там две большие комнаты, прихожая и огромная кухня, уместитесь.

– Ну а если вдруг я испытательный срок не выдержу, тогда как?

– Тогда мы вас из квартиры выселим, – смеясь, сказал Головин, – но я думаю, что этого не случится. Мне кажется, мы сработаемся.

Он позвонил и сказал вошедшей секретарше:

– Надя, попросите кого-нибудь из спецотдела пройти с товарищем Алёшкиным на улицу Ноя Буачидзе и показать ему квартиру Ромашкиных. Да примите заявление от майора и

передайте его в отдел кадров Лепёшкину, а его пригласите ко мне.

Квартира Борису очень понравилась. Он направился в отдел кадров, где его встретил маленький худенький лейтенант.

– Лепёшкин, – представился он. – Где ваше личное дело?

– Я его с собой не взял, привезу, когда приеду совсем.

– Хорошо, но не откладывайте, я вас должен на воинский учёт поставить и направить приказ о вашем назначении на утверждение в отдел кадров ГУЛАГа, а там потребуют материалы из вашего личного дела, ваша должность входит в их номенклатуру. А пока пройдите в медсанчасть и познакомьтесь с исполняющей обязанности начальника, фельдшером Красниковой. Медсанчасть – вон, во дворе.

Борис спустился во двор, окружённый забором с колючей проволокой и вышками по углам. В большом доме, выходящем открытыми воротами на двор, раздавался визг пил, стук молотков и скрежет строгальных станков. «Совсем как у меня во Владивостоке, когда на лесном складе судовой организации», – подумал Борис.

Во дворе и в помещении виднелись люди, одетые в какую-то старую одежду – ватники и ватные брюки. Спустившись с крыльца, Алёшкин в недоумении остановился, но в это время из двери противоположного крыла здания выскочила сухонькая пожилая женщина и закричала:

– Сюда, товарищ майор, сюда!

Борис направился в её сторону и вскоре очутился в маленькой комнатке, большую часть которой занимал письменный стол, а в одном из углов стоял высокий железный ящик.

Женщина, позвавшая Алёшкина, предложила ему сесть за стол, сама уселась в углу комнаты на стул и выжидающе посмотрела на Бориса. Тот смущённо молчал, не зная, что говорить, и не представляя, с кем имеет дело. Женщина, помолчав некоторое время и подвигавшись на стуле, наконец, решила начать разговор сама:

– Ваша фамилия Алёшкин?

– Да.

– Товарищ майор, значит, вы освободите меня от работы, в которой я ничего не смыслю, и которая меня прямо в могилу сводит.

– Так ведь и я в этой работе пока ничего не понимаю...

– Ну, неправда! Мне Лепёшкин говорил, что вы на фронте начальником госпиталя были. Вы врач, а я простая фельдшерица, да и общая грамотность у меня подкачала, а тут главное дело – писанина. Из медотдела ГУЛАГа разных директив, запросов уйма приходит, их надо прочитывать, ответ составить, а это для меня такой тяжёлый труд, что и рассказать трудно. Спасибо, тут одна заключённая врачиха помогает. Она грамотная, и врач хороший. Вы теперь сами справляться будете, а я пойду фельдшером в медсанчасть на Лесозавод. Там тоже начальницей медсанчасти буду, да та работа мне давно знакома, я ещё в Темниковских лагерях, когда там

начальником полковник Лойдин был, работала, так что её я хорошо знаю.

– Так здесь, значит, только канцелярская работа? – спросил недовольно Борис.

– Ой, что вы! Канцелярщины много, но здесь и санитарной работы хватает! Да у нас ведь и своя больница есть, там и лечебной, в особенности хирургической, работы по горло будет. У нас врача-хирурга нет, всех в городскую больницу возим, к профессору Авнатаньяну. Лечат там хорошо, но канители с отправкой туда людей и содержанием их очень много. Так что здесь работы вам хватит. Вот с месяц поработаете, сами увидите.

– И кого же здесь лечить придётся?

– Заключённых и охрану. А за санитарными порядками в колониях следить – это тоже дело нешуточное. Медосмотры людей самому придётся проводить, на врачей из заключённых, хотя у нас есть несколько человек, полагаться не приходится. Вот, смотрите, – женщина встала со своего места, достала ключ и открыла железный шкаф, где на двух полках аккуратно лежали стопки папок с бумагами. – Вот, смотрите, – повторила она. – Это инструкции и директивы из Москвы и копии моих отчётов. Передаю всё это вам, командуйте!

– Значит, вы товарищ Красникова, насколько я понимаю?

– Простите, я и не представилась! Младший лейтенант медицинской службы Красникова Анна Васильевна. Если не возражаете, то называйте меня по имени-отчеству.

Алёшкин в ответ улыбнулся, протянул женщине руку и сказал:

– Ну а меня Борисом Яковлевичем звать, так и называйте. Вот и познакомились...

– Знаете что, Борис Яковлевич, я пойду на Лесозавод. Я и так каждое утро туда бегаю, это наше самое большое подразделение. А вы тут бумаги читайте. Живу я в доме, который рядом с вашей квартирой стоит, двор у нас общий. Так что вечером, если ночевать в новой квартире будете, заходите чайку попить, ещё поговорим.

Борис поблагодарил. Через несколько минут он остался один и погрузился в чтение различных бумаг, вытасканных из шкафа. По мере того, как он погружался в изучение различного рода инструкций и приказов, Борис чувствовал, что если взяться за эту работу, то попадешь в совершенно новый мир. Он видел, что Центр требовал и хорошей организации, и лечебной работы, и большого напряжения в проведении необходимых санитарно-эпидемиологических мероприятий. Почитав часа два, он закурил и задумался.

В какой-то степени предстоящая работа напомнила ему те обязанности, которые он выполнял, будучи начсандивом. Тоже под его медицинское наблюдение отдавались массы людей, с тою, пожалуй, разницей, что не было передовой, где ежедневно гибли и получали ранения сотни, а то и тысячи человек, и что все люди, которые находились здесь, не пользовались правами свободных граждан. Он подумал: «Выхо-

дит, медобслуживание этих людей – дело ещё более ответственное, чем обслуживание гражданского населения. Государственный аппарат своими охранительными органами изолировал этих людей от общества и, значит, взял на себя полную ответственность за них перед советским народом. Ведь все они, отбыв срок заключения, возвратятся в трудовую советскую среду, следовательно, медобслуживание их должно быть лучше, серьёзнее и добросовестнее, чем свободных граждан, имеющих возможность обратиться за медпомощью к различным врачам в различные медучреждения. Наша медслужба, наши больницы должны им заменить это всё. Да, задача не из лёгких, но она интересна. Значит, кроме материальной выгоды, я получу ещё и интересную работу. Решено, я буду здесь работать».

Кстати, о зарплате. Во время предварительного знакомства с Борисом полковник Головин вызвал главного бухгалтера и попросил рассказать конкретно, каково будет материальное обеспечение начальника медотделения ОИТК. Выяснилось, что разрешение взять на эту должность майора медслужбы имеется. Оклад составлял 1 200 рублей, плюс 300 рублей за звание и 5 % за выслугу лет (армейская служба тоже входила в стаж). Уже одно это составляло более трёх врачебных окладов в гражданских организациях, а тут ещё прибавлялась ежегодная выдача полного военного обмундирования и ежемесячный офицерский паёк.

Материальный соблазн был велик. Теперь, когда Бориса

заинтересовала и сама работа, и вопрос с квартирой разрешился, колебаться было бессмысленно.

До сих пор все документы, необходимые для поступления, Алёшкин держал у себя. Теперь же заполненную анкету, автобиографию и заявление он решил лично отдать полковнику Головину. В этот же день вечером он был у полковника, передал ему документы и доложил о своём желании работать под его руководством. Тот вызвал инспектора отдела кадров Лепёшкина и велел ему отдать приказ о зачислении майора Алёшкина с этого дня начальником медотделения ОИТК, с предоставлением ему трёхдневного отпуска для устройства семейных дел.

На следующий день Борис выехал в Александровку. Дома он рассказал Кате о своём поступлении на работу, просил её быстрее уволиться и собраться в дорогу вместе с ребятами. Катя ответила, что в три дня она никак не управится: необходимо сдать магазин, отчитаться перед райпотребсоюзом и конторой завода, оформить справки на детей для школы, да и, наконец, разделаться с имеющимся маленьким хозяйством. Всё это, по её предположению, потребует не менее недели. Решили так: Борис уедет немедленно, по возможности приобретёт мебель, организует подготовку квартиры, а Катя разберётся с хозяйством, рассчитается со своим магазином, наймёт на заводе автомашину и вместе с ребятами приедет к нему.

Глава шестнадцатая

С первых же дней Борис увидел, как запущена работа по медобслуживанию контингента, как много предстояло сделать для решения санитарно-эпидемиологических вопросов и улучшения работы амбулаторий в подразделениях и центральной больнице. Он понял, что ему придётся отдавать этому всё своё время, и пока ни о каком совместительстве думать нельзя. Поначалу его рабочий день длился с 9 часов утра и почти до 9 часов вечера.

В первый же день по возвращении из Александровки он получил разрешение от Головина на приобретение необходимой мебели со складов мебельного завода, который располагался в том же дворе, где и его рабочая комната. Расчёт за эту мебель (по себестоимости) в сумме почти 600 рублей главный бухгалтер ОИТК разрешил отложить до получения Алёшкиным первой зарплаты. Борис приобрёл письменный, столовый и кухонный столы, шесть стульев, шкаф для посуды, шифоньер для одежды, большую кровать и диван. Вся мебель была из карагача и ясеня. Дня через три он перевёз её в квартиру и пока составил всё в одной комнате. На этой же мебельной фабрике Борис купил на дрова целую машину обрезков бракованных досок и привёз их в свой новый двор.

Семья бывшего начальника ОИТК – жена и двое детей – со дня на день ожидала вызова к месту нового назначения её

главы и пока временно разместились на кухне, предоставив Борису две больших смежных комнаты, прихожую и парадный вход.

Прошло ещё три дня, Борис ожидал прибытия семьи. В последний из этих дней, часов в пять вечера в его кабинет зашёл инспектор отдела кадров Лепёшкин и заявил:

– Ну, товарищ Алёшкин, сегодня получена телеграмма из ГУЛАГа об утверждении вас в должности начальника медотделения. Такое дело необходимо отметить!

Бориса немного покорило это предложение. В период войны он часто употреблял спиртное: была «наркомовская норма» – 100 грамм водки, выдаваемых ежедневно. После окончания войны её отменили, и последний год Борис, которого никогда особенно не тянуло к спиртному, выпивал очень мало, изредка какого-нибудь немецкого сухого вина. Тут отказываться было неудобно. Денег у него было мало, идти в ресторан не с чем. Он колебался, но Лепёшкин настаивал:

– Не думай, товарищ Алёшкин, это не так уж накладно. Я знаю такое место, где нам подадут недорого и вполне достаточно.

Борис поддался на эти уговоры, и через час они сидели в задней комнате «офицерского» магазина. Перед ними стояла бутылка водки, открытая банка консервов «бычки в томате» и на тарелке пара кусков хлеба. А ещё спустя какое-то время Борис Алёшкин, едва держась на ногах, после рвоты, слу-

чившейся сразу же после выхода из магазина, еле-еле полз к своему дому. Он шёл напрямки, по сугробам, причём иногда ему приходилось помогать себе для передвижения и руками. Он очень надеялся, что его семья ещё не приехала, а это как раз и случилось. Катя сумела уговорить райпотребсоюз и заводское начальство и освободилась от работы на два дня раньше, чем предполагала. Ещё три дня ушло на сворачивание хозяйства, продажу коровёнки и т. п. На шестой день после отъезда Бориса в Орджоникидзе она уже ехала с ребятами и вещами, большую часть которых составлял багаж, привезённый мужем, к новому месту жительства. Директор завода, даже без особых просьб с её стороны, выделил Алёшкиной полторку, пришлось заплатить только за потраченное горючее и работу шофёра.

И вот, в то время, как Борис, еле-еле передвигая ноги по мокрому снегу, а иногда проваливаясь чуть ли не по колени в большие лужи, двигался к своему дому, Катя с голодными ребятами, выгрузившись, сидела на куче вещей, сваленных посередине большой нетопленной комнаты, и с тревогой думала, как-то они будут жить. В углу комнаты она увидела упакованную новую мебель и думала, что это имущество прежних хозяев. Уставшая женщина с тоской поглядывала на голые стены этого огромного, как ей казалось после прежней хатёнки, нового жилища.

На беду Бориса, в это время бывшая хозяйка вышла из дому, в квартире, на кухне находились только её дети. Они зна-

ли, что могут приехать новые квартиранты, и поэтому старшая девочка (лет тринадцати) беспрепятственно впустила незнакомку с тремя замёрзшими детьми, провела их в дом, в комнаты, где они должны были жить. Шофёр помог перенести вещи, получил причитающиеся ему деньги и уехал, торопясь до ночи вернуться домой.

Катя не решалась что-либо предпринимать без мужа. Разбирать вещи, заниматься приготовлением еды у неё не было сил. За эти дни, и в особенности за время переезда, она устала, чувствовала себя скверно, да к тому же и замёрзла. Ехать пришлось наверху, на вещах, в кабину посадила Нину и Майю, а Элу она взяла с собой. Как они ни прижимались друг к другу, как ни укутывались стареньким одеялом, холодный январский ветер пронизывал до костей.

Не распаковывалась она ещё и потому, что сомневалась, нет ли тут ошибки: неужели такие прямо-таки роскошные по тем временам хоромы станут их жилищем? Вот, пригорюнившись, и сидела Катя на вещах. Сунула ребятишкам по куску хлеба с салом и вяло жевала сама. Прошло часа два, уже совсем стемнело, а Бориса всё не было. Когда терпение Кати уже совсем истощилось, вдруг явился муж, но в каком виде... Весь в грязи, мокрый, в растерзанной распахнутой шинели, с бессмысленно блуждавшим взором – очевидно, пьяный в стельку. Несмотря на это, он всё-таки узнал жену и детей, попытался изобразить радость, шагнул к ним и, запнувшись обо что-то, с грохотом свалился на пол. «Этого

ещё не доставало! – с ужасом подумала Катя. – Он что же, мало того, что на фронте с бабами путался, ещё и пьяницей стал? Эх, жаль, что Николай (так звали шофёра) уехал! Вернулась бы обратно в Александровку, а этого развратного пьяницу бросила бы здесь. Пусть как хочет, так и живёт!» Но через минуту мысли её приняли другое направление: «Как же так, ведь это всё-таки мой Борька, ему я отдала свою девичью честь, от него родила троих детей. Взяла на себя всю тяжесть содержания семьи, пока он учился, я, можно сказать, создала его! Нет, бросить его я не могу, да просто не имею права. Надо будет находить какой-нибудь выход».

В соседней комнате стояла большая кровать. Катя решила, что на ней спал Борис, так как там лежала его новая постель. Раздев мужа до белья и с помощью Элы дотащив до кровати, она уложила его. Пришлось самой распаковывать вещи и прежде всего посуду.

Когда она вышла на кухню, старая хозяйка была уже на месте. Она приветливо встретила Катю, заверила её, что они освободят кухню самое позднее через неделю и предложила воспользоваться горячей плитой. Кроме того, она показала на лежавшую около крыльца большую кучу дощатых обрезков и сказала, что это дрова, которые привёз Борис Яковлевич, ими можно затопить печку в комнатах.

То ли она не видела, в каком виде явился Борис, то ли не хотела показать, что видела, однако, о пьянстве она не заикнулась, а наоборот, всячески расхваливала Катиного мужа,

что он мол всего неделю проработал, а все соседи, работавшие там же, где и Борис, отзываются о нём очень хорошо. Да и им он помог: у дочки нарывал палец – он выписал какую-то мазь, завязали два раза, и всё прошло.

На следующий день Катя разбудила Бориса очень рано и до его ухода долго и серьёзно разговаривала с ним о вчерашнем поведении. Ему было мучительно стыдно, его терзало то, что он позволил себе встретить в таком виде жену и, главное, он не мог себе простить, что как-то довёл себя до скотского состояния.

Такое с ним случилось второй раз в жизни, и оба раза он причинил огромную обиду жене. За последние семь лет он никогда не напивался допьяна. Мысленно он клял на все лады Лепёшкина и дал слово себе и своей жене, что такого больше никогда не повторится. Надо сказать, что эту клятву он сдержал до конца жизни.

К его счастью, о случившемся ничего не узнали на работе, в том числе полковник Головин, который сам не пил и к людям, употреблявшим спиртное, относился очень строго.

Примерно через месяц разговоры о том, что Лепёшкин спаивал Бориса, всё-таки дошли до Головина, а так как инспектор кадров и ранее был замечен в пьянстве, то Головин его немедленно откомандировал в распоряжение отдела кадров ГУЛАГа. Сам Лепёшкин, кстати, полагал, что в снятии его с работы виноват Борис, поэтому он пытался ему отомстить. Получив документы Алёшкина, вместо того, чтобы

поставить его на воинский учёт, он сдал его личное дело в военкомат, что впоследствии доставило немало хлопот и материальных неприятностей. Но в то время Борис ничего этого не знал и с азартом начал осваивать свои новые обязанности, чем сумел заслужить и у администрации ОИТК, и у руководства методдела ГУЛАГа в течение короткого времени несомненный авторитет.

Прошло совсем немного времени, и он полностью втянулся в эту работу. В его жизни, таким образом, начался новый – трудный, но интересный этап.

Эпилог

В заключительных строках предыдущей главы мы расстались с нашим героем в начале 1946 года, когда он после войны вступил на новый путь своей жизни. На этом поприще он пережил немало трудностей и перенёс много испытаний. Описание их, вероятно, было бы интересным читателю, но кое-что невозможно рассказать по причинам, от нас не зависящим, а кроме того, на это уже просто не хватит ни времени, ни сил. Однако обрывать наше повествование не хочется, поэтому мы и решили закончить его кратким эпилогом.

С момента событий, происшедших в последней главе этой книги, прошло более сорока лет. Борис Яковлевич Алёшкин и его жена состарились, им уже около 80 лет, и они находятся, как теперь принято говорить, на заслуженном отдыхе. За истекшие годы Борис Алёшкин самоотверженно трудился в различных медицинских учреждениях НКВД–МВД, отдавая все свои знания, силы и умения. Это не прошло даром, нервная, напряжённая работа сделала своё дело – он перенёс три инфаркта миокарда и в 1960 году, имея полную выслугу лет, был вынужден уйти в отставку по состоянию здоровья. К этому времени он уже имел звание полковника медицинской службы и, объехав добрую половину Советского Союза, обосновался на постоянное жительство в Москве.

За время своей административно-организаторской рабо-

ты Борис Яковлевич не оторвался от любимого дела – хирургии, периодически работая в поликлиниках МВД и клиниках различных мединститутов. Конечно, это было нерегулярно, в дополнение к основной службе. Но всё-таки именно благодаря этому, выйдя в отставку, он с первых же месяцев вернулся к лечебной практике и работал врачом, заведующим хирургическим кабинетом одной из московских поликлиник ещё в течение почти 23 лет. Работа Алёшкина была отмечена правительственными наградами и, самое главное, добрыми отзывами большинства его пациентов. Окончательно он оставил работу только после того, как в 1982 году вновь перенёс два инфаркта. Но и сейчас его деятельная натура заставляет время от времени, на один-два месяца в году включаться в работу хирургического кабинета. Конечно, он не оставляет и участие в жизни партийной организации.

Его жена, Екатерина Петровна Алёшкина, все эти годы поглощённая воспитанием дочерей и заботами о муже, тем не менее, заработала положенную пенсию и продолжает вести самую активную общественную работу. Пожалуй, только благодаря её энергии и настойчивости все трое детей Алёшкиных получили высшее образование, вышли замуж, создали свои семьи и с помощью бабушки растили своих детей. У Алёшкиных появилось три внука и две внучки. Внучки вышли замуж и подарили Борису и Кате правнуков Максима и Настю.

Дети Бориса Яковлевича и Екатерины Петровны прожили тоже нелёгкую интересную жизнь. Старшая избрала себе профессию отца, стала врачом и работала в условиях Крайнего Севера в течение почти тридцати лет. Её труд был высоко оценён правительством, она награждена орденом Трудового Красного Знамени. Средняя и младшая дочери получили другие специальности, обе живут и работают в Москве. О жизни детей Алёшкиных можно было бы рассказать очень много, но это уже повествование совершенно другой – новой и, может быть, более интересной книги.

Сейчас же, прежде чем проститься с нашими героями... Я умышленно пишу «героями», а не «героем», так как жизнь Бориса невозможно отделить от жизни его жены Кати. С того момента, как они встретились, несмотря на все извывы в их отношениях, несмотря на многочисленные неблагоприятные поступки со стороны Бориса, их жизнь нераздельно связана крепким семейным узлом. Внешне их семья всегда производила, да производит и сейчас, самое благополучное впечатление, но внутренне дело обстоит совсем не так просто. Злосчастное письмо, написанное Борисом в последние дни пребывания в армии, посланное Шуйской (а может быть, действительно, её матерью) жене, продолжает играть свою зловредную роль. Оно, как длительный, постоянно действующий яд, отравляет жизнь и Бориса, и в особенности Кати. Правда в том, что ни одна из женщин, с которыми Борис был связан во время войны, своего слова не нарушила, ни еди-

ной весточкой не дала знать Борису о своём существовании, и сейчас он даже не знает, живы ли они. Но то, что по своей натуре он не мог по-другому относиться к женщинам, окружавшим его на работе, постоянно травмировало Катю и часто вызывало с её стороны бурную реакцию. Из-за специфики работы её муж всегда был в центре женского коллектива, ведь большая часть врачей, как известно, женщины, а средний медперсонал – женский на 100 %. Борис, в силу своей общительности, стремления дружить и с приятнью относиться к подчинённым и сотрудникам, не мог переломить свой характер. Хотя настоящей супружеской неверности со времени пребывания на фронте он не допускал, но близкими, приятельскими отношениями, может быть, иногда и выходящими за границы общепринятого, он давал повод к различным толкам. Эти слухи время от времени доходили до Кати, иногда она и сама замечала признаки подобных взаимоотношений. Вспоминая фронтовые измены мужа, Катя преувеличивала виденное, придавала этому иную окраску, она стала считать, что её беспутный Борька жил чуть ли не с каждой женщиной, с которой так или иначе соприкасался по работе. Заверения мужа, что все её подозрения несправедливы, она не принимала в расчёт, не верила ему. А он не мог, не умел доказать несправедливость её подозрений. Вот такой червь точил эту семью изнутри, нарушая её спокойствие и равновесие.

На этом мы закончим описание той части необыкновен-

ной жизни обыкновенного человека, которую себе наметили. Закончим потому, что она если не дошла до конца, то во всяком случае находится где-то на границе. Не знаем, увидят ли эти строки когда-либо свет, но нам бы хотелось, чтобы их когда-нибудь прочли наши потомки.

Почему я всюду пишу «нам», а не «мне»? Потому что, описывая жизнь моего главного героя, я рассказываю все события не только от его лица, но и от лица всех его близких – тех, чьими воспоминаниями, письмами, рассказами и, наконец, непосредственным участием в его жизни, я воспользовался.

Прощайте, дорогие читатели.

Борис Алексин.